А. ЦВАЙГЕР, Х. НОЙЕНБУШ

КРОВАВОЕ БЕЗУМИЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Воспоминания пехотинца и артиллериста Вермахта

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда авторов этой книги отправили на Восточный фронт, они были абсолютно уверены в скорой победе Третьего Рейха. Убежденные нацисты, воспитанники Гитлерюгенда, они не сомневались в «военном гении фюрера» и собственном интеллектуальном превосходстве над «низшими расами». Они верили в выдающиеся умственные способности своих командиров, разумность и продуманность стратегии Вермахта…

Чудовищная реальность войны перевернула все их представления, разрушила все иллюзии и едва не свела с ума. Молодые солдаты с головой окунулись в кровавое Wahnsinn (безумие) Восточного фронта: бешеная ярость боев, сумасшедшая жестокость сослуживцев, больше похожая на буйное помешательство, истерическая храбрость и свойственная лишь душевнобольным нечувствительность к боли, одержимость навязчивым нацистским бредом, всеобщее помрачение ума… Посреди этой бойни, этой эпидемии фронтового бешенства чудом было не только выжить, но и сохранить душевное здоровье…

Авторам данной книги не довелось встретиться на передовой: один был пехотинцем, другой артиллеристом, одного война мотала от северо-западного фронта до Польши, другому пришлось пройти через Курскую дугу, ад под Черкассами и Минский котел, — объединяет их лишь одно: общее восприятие войны как кровавого безумия, в которое они оказались вовлечены по воле их бесноватого фюрера…

- Алоис Цвайгер, Хельмут Нойенбуш
- Алоис Цвайгер
- Хельмут Нойенбуш
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20

Алоис Цвайгер, Хельмут Нойенбуш Кровавое безумие Восточного фронта. (Вторая мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте) Воспоминания пехотинца и артиллериста Вермахта

Алоис Цвайгер
Переживший безумие

Последнее письмо на родину перед русским пленом.

19 мая 1944 года.

Дорогие родители, братья и сестры!

В начале письма самые горячие поздравления от вашего сына Лоиса. Я здоров, надеюсь, что и вы тоже.

Я нахожусь на центральном участке, в местечке под названием Горки, расположенном в 40 километрах юго-восточнее города Орша. Сейчас погода очень хорошая, солнечно, а всего три недели назад валил снег. Я сейчас в артиллерийском взводе наводчиком, в расчете второго орудия на лесной позиции. Русские атакуют все сильнее, даже по ночам приходится слышать: «Быстро из бункера, готовить орудия к стрельбе!»

Командир батареи объявил, что во всем вермахте запретили отпуска. Может, именно этот год и станет решающим, и мы сможем выбраться из этого дерьма.

Или же нам придется совсем туго. Если судить по тому, что происходит, как раз этого и следует опасаться.

Всего вам хорошего, и не тревожьтесь за меня. Может, в октябре и свидимся. Пока что от вас не было ни одного письма.

Ну, все, на сегодня хватит; пора заканчивать писать.

С наилучшими пожеланиями,

ваш сын Лоис.

Спокойной ночи, я сплю в окопчике.

Служба на Восточном фронте

Январь — октябрь 1943 года
Белгород — Курск — Орел.
Полевая почта № 48567 С, 332-я пехотная дивизия, 8-я

батарея.

Полевая почта № 48567 B, 7-я батарея.

Ноябрь 1943 — апрель 1944 г.

Черкассы.

Полевая почта № 26469 B, 112-я пехотная дивизия, 86-й артиллерийский полк, 7-я батарея.

Апрель — июль 1944 г

Орша — Минск.

157-й артиллерийский полк, 7-я батарея.

Полевая почта № 25682 B, 57-я пехотная дивизия, 157-й артиллерийский полк, 7-я батарея.

Пребывание в плену в России

Август 1944 — январь 1945 г.

Рабочий лагерь: Донецкая область (угольная шахта).

Январь — октябрь 1945 г.

Пребывание в госпитале в Краснодоне.

Ноябрь 1945 — май 1946 г.

Рабочий лагерь в Ворошиловграде, почтовый ящик 144/17.

Май 1946 — апрель 1947 г.

Рабочий лагерь в Москве, почтовый ящик 435/5.

Май — ноябрь 1947 г

Рабочий лагерь под Москвой, почтовый ящик 7860/5.

Солдаты Второй мировой вынуждены были провести лучшие годы жизни на фронте и в плену. И что больше всего меня расстраивает, что в наших средствах массовой информации нас честят за это как военных преступников куда чаще, чем в союзнических.

Я родился 25 декабря 1924 года в Гросраминге, Родельсбах 26.

Пятьдесят лет спустя я надумал записать кое-какие мысли о том, что мне пришлось пережить на Восточном фронте и в русском плену.

На последнем месте службы я был обер-ефрейтором (полевая почта № 25682 B) в действовавших на Восточном фронте частях вермахта. А потом в русском плену.

Как очень и очень многие молодые люди я отнюдь не по своей воле отправился на эту окаянную службу, чтобы превратиться в пушечное мясо для приспешников Гитлера. Меня погнали в Россию сражаться за якобы лучшее будущее. После трех по счету отступлений я оказался в плену и должен благодарить бога и судьбу, что смог выбраться оттуда живым. События

новейшей истории вложили нам в руки оружие и погнали на войну. Никогда мне не пришлось побыть ни в одном штабе. Да и вникнуть в стратегию, равно как и в политическую обстановку у меня не было никакой возможности. Все мы до единого были оглуплены и оглушены нацистской пропагандой.

Эти записки не претендуют на героический эпос. Не было, нет и не будет никакого сверхчеловека-солдата. Все солдаты — просто человеки, как мы с тобой, со всеми слабинками и достоинствами, треволнениями, заблуждениями и заботами.

Если кто-то рассчитывает отыскать в них примеры беззаветного героизма, того ждет разочарование. И я сам явно не гожусь в герои: всего-то две побрякушки, с этими наградами только на обер-ефрейтора и потянешь.

Между происходившими событиями и временем их описания лежит огромная временная пропасть. Но они запечатлелись в памяти надолго, и я воспринимаю их сейчас, будто все было вчера.

И пусть написанные мной странички станут данью уважения тем моим боевым товарищам, с которыми мы вместе делили невзгоды, вместе сражались, и которым так и не пришлось вернуться на родину.

Молодому же поколению пусть они послужат предостережением, чтобы их не ввели в заблуждение те, кто считает, что только они вправе распоряжаться счастьем или несчастьем других, и что только они ведают, что для нас с вами лучше. Так что избегайте видеть во всем только положительное, лучше взгляните-ка на происходящее критически. Чтобы вас обошла участь, подобная моей.

Алоис Цвайгер

Скромные перспективы на будущее

В мои времена по завершении обязательного школьного обучения не было иной возможности, кроме как вкалывать до пота по 16 часов, а то и больше, зарабатывая свой хлеб насущный.

В апреле 1938 года я закончил школу. До октября я занимался животноводством в Фаренберге. А зимой служил подкормщиком дичи в охотничьем хозяйстве д-ра Файгеля.

В марте 1939 года моя карьера продолжилась — я стал конюхом и трактористом у герра Марбахлера в Бруннбахе. Там я пробыл три года. Это было самое крупное сельхозпредприятие в Гросраминге. Рабочий день начинался в 4 утра. Когда стемнеет, и

только по распоряжению хозяина можно было заканчивать работу. Но перед тем как уйти, требовалось вычистить и привести в порядок одежду и инструмент, выдаваемые тебе в казенном порядке. О каком-то там отпуске или даже отдыхе и речи не было. Зато жилище и пропитание предоставлялись бесплатно. Годового заработка хватало в обрез на новые штаны или пальто.

Мне кажется, что сейчас и в школьной программе, и в средствах массовой информации упорно умалчивается о том, как нелегко приходилось тогда простому рабочему человеку. История постоянно занята описанием великих сражений, их зачинщиков, властей предержащих и их кланов, понимавших толк в том, как обратить большую политику в угоду себе. И никого не интересует, как бедствовал простой люд, какие лишения терпел, да и поныне продолжает терпеть во всех концах света.

Разумеется, люди тянулись в любую политическую организацию, пытавшуюся хоть как-то изменить существовавшую систему.

Хорошо помню, как в марте 1938 года с самолетов сбрасывали листовки: «Национал-социалистическая Германия приветствует национал-социалистическую Австрию и новое национал-социалистическое правительство, связанные неразрывными узами. Адольф Гитлер». Люди ликовали, потому что им казалось, что именно этот путь избавит их от безработицы и нищеты.

И сегодня с чувством озабоченности предостерегают людей, чтобы они не попались на удочку коричневого сброда, сбивающегося в стада в Европе, или других организаций сомнительного толка. И тем, кто пытается предостеречь нас от них, мне хочется посоветовать больше внимания уделять социальным вопросам, как сейчас, так и в будущем. Потому что каждого, у кого есть работа, она хоть и не превратит в миллионера, но все-таки поможет остаться в стороне от разного рода трескучих идеологий.

Марбахлер был убежденным нацистом, тем не менее, не доносил на несогласных с ним. И со своими работниками, в целом, обходился справедливо, по-человечески.

Хорошо помню один эпизод в связи с моим тогдашним работодателем.

В воскресенье 22 июня 1941 года, как раз в день нападения вермахта на Советский Союз, мне было нужно отправиться вместе с ним по делу в Гросраминг. Покончив с делами, мы забежали в пивную, где и узнали о нападении на Россию. По пути домой Марбахлер, обращаясь вроде бы к себе, произнес следующее:

«Теперь, ввязавшись в эту авантюру с Россией, считай, Гитлер войну профукал». Шестнадцатилетним парнем, каким я был тогда, я просто не понял, какой опасности подверг себя тогда Марбахлер, так разоткровенничавшись со мной. Ведь передай я его слова кому-нибудь еще, и поминай как звали — его тут же арестовали бы, и он загремел бы в концлагерь, Но этот человек, при всей своей ограниченности, все же обладал определенной политической дальновидностью, в то время как мне и в голову тогда не могло прийти, что и мне часть юности придется принести в жертву преступной идеологии.

Военная служба

Призыв

Война уже шла полным ходом и требовала все новых и новых жертв, которые постепенно молодели. 15 октября 1942 года настал и мой черед — я был вырван из привычной жизни. Как тысячи других австрийцев, и я понадобился вермахту. Пунктом сбора стала казарма в городе Олмютц[1] в Чехии. Нас разместили в Штархембергских казармах, отделение 102, артиллеристы.

На изучение материальной части — артиллерийских орудий — было отведено полтора месяца — 6 недель. После это считалось, что нас можно отправлять воевать. Но к ежедневной казарменной муштре тоже приходилось привыкать. А о том, что предстояло потом, я предпочитал не задумываться. Моторизованным частям придавалось 10 орудий и 5 полевых гаубиц.

После начальной подготовки нам, призывникам, было приказано одеться и подготовиться к длительному пешему маршу. 30 октября нас перебросили сначала в Брюн,[2] а потом во Францию, так сказать, для окончательной «доводки».

После нашего прибытия туда и был сформирован 332-й артиллерийский полк. Я попал в 8-ю батарею. Это было подразделение на конной тяге, состоявшее из радистов, взвода связи, 4-х орудий, отделения боепитания и обозных,

Вблизи Гавра у пролива Ла-Манш нас сначала разместили в каком-то замке, а позже на крестьянском подворье. Раз в неделю, во второй половине дня, пешим порядком отправлялись за 9 км в баню на помывку. Просмотр еженедельной кинохроники также был обязателен для всего личного состава. Выпуски кинохроники посвящались исключительно войне и исключительно военным успехам германского вермахта. Было предусмотрено и посещение солдатского борделя — Это, так сказать, для расслабления

призывников.

Питание в тот период было отменным, и его было вдоволь. И Рождество выпало как раз на период обучения. Командование организовало потрясающее пиршество, с шампанским хоть залейся. Все те из нас, кто похитрее, понимали, что учеба подходит к концу и что не за горами день, когда и нас погонят на Восточный фронт.

Последние недели промелькнули в беспрерывной боевой подготовке и муштре. Проводились и боевые стрельбы — мы палили из наших пушек по водам Атлантики. Стоило кому-нибудь из нас допустить хоть малейшую оплошность, как нас за это сурово наказывали. В прямом смысле втаптывали в грязь: «Лечь! Встать! Лечь! Встать! Бегом марш! Лечь!» — и так далее.

Ночами часто нас поднимали по тревоге. «Тревога! Англичане на побережье! К орудиям! Подготовиться к открытию оборонительного огня!» Учения, тревоги, проверки — ни днем ни ночью покоя. «Это вам для закалки — на Восточном фронте выживают самые выносливые и умелые!» Постоянные придирки, издевательства наших наставников порой было труднее вынести, чем жуткие физические нагрузки.

И вот в один из выходных, ближе к завершению нашей подготовки мне посчастливилось по делам службы сопровождать кого-то из офицеров в Париж, в штаб командования. Мы взобрались на Эйфелеву башню, объехали город на метро. На меня Париж произвел огромное впечатление — до сих пор мне не приходилось видеть действительно больших столичных городов. Повсюду развевались флаги со свастикой, тогда мы еще прочно удерживали в своих руках столицу Франции.

Вперед, в Россию

21 января 1943 года в 3 часа утра — подъем! «Полчаса на подготовку батареи к выступлению!» Это мы уже проходили, только всякий раз выяснялось, что эта тревога — учебная. Но теперь последовал приказ: «Следовать к товарной станции!» И вообще, все происходило как-то по-необычному обстоятельно, да и наши командиры суетились, похоже, всерьез. Орудия, лошади, боеприпасы, полевые кухни — все было погружено в товарный состав. И тут до нас понемногу стало доходить, что произошло неотвратимое — нас действительно перебрасывали в Россию.

К тому времени фактор внезапности нападения, как и наши блестящие победы, ушел в прошлое. Вермахт подвергался мощным контрударам русских. По всему фронту шли ожесточенные арьергардные бои. Нашей задачей было сдержать продвижение русских на запад. Переброска, по нашим расчетам,

должна была занять не меньше недели — по железной дороге предстояло проехать через Францию, потом Германию, Польшу и прибыть на Украину.

После восьми дней в пути местность стала постепенно меняться. Мы прибыли в Ромны, это в 250 километрах восточнее Киева. Туда мы прибыли 29 января в 22 часа. И сразу же началась разгрузка состава. Мы вынуждены были поторопиться — все-таки это была территория врага, хоть и занятая нами. Стояла непроглядная темень, дул ледяной ветер. Я подумал: «Бог ты мой, что же нам еще предстоит испытать? Какого черта мы здесь забыли?» Но пути назад, разумеется, не было.

Покончив с разгрузкой, батарея пешим маршем снялась с места. Мы шли по обледенелой дороге в пургу при минус 15 градусах. Привал делали под открытым небом. Ни о каком сне и думать не приходилось — первым делом следовало накормить лошадей, а нам, солдатне, полагался густой суп.

На рассвете мы добрались до какой-то деревни с названием Ильжа.[3] Только там нам представилась возможность осмотреться. И я, тот, кто всю жизнь провел в горах, пережил настоящий шок — вокруг лежала бескрайняя белая пустыня, сплошной снег. Окажись мы на Луне, тамошний пейзаж был бы веселее. На восточном склоне холма мы заняли позиции. Слава богу, русских вблизи видно не было.

Был конец января 1943 года. 6-я армия Паулюса уже перестала существовать, попав в сталинградский котел. Теперь линия фронта проходила западнее Харькова и чуть восточнее от нашего тогдашнего местонахождения. Мы узнали, что нам предстоит наступать до Курского выступа — именно там располагалась главная полоса обороны. Именно там нам предстояло сдержать рвавшихся вперед русских и оттеснить их.

Наш марш на восток продолжался, но пока что до боевого соприкосновения с противником дело не доходило, хотя по ночам иногда до нас доносилась стрельба. Русская зима доставляла нам массу трудностей. Ночевать приходилось под открытым небом. Если повезет, можно было устроиться за кустами или в защищенных от ветра балках. И уж совсем редко в деревнях, в амбарах и сараях. Каким желанным казался мне наш теплый и уютный домик. О таких условиях ночевки здесь и думать было нечего. Так что приходилось довольствоваться наскоро поставленными палатками.

Март 1943 года

Медленно наступала весна, хотя это время года сулило нам

новые неприятности. Холода уже не так донимали, зато земля превратилась в кашу, а дороги — в непроходимое болото. Грузовики, легковушки, подводы, люди, лошади — все увязало в жидкой грязи. Приходилось неделями одолевать пустяковые расстояния. О гигиене пришлось вообще позабыть. Бывало, так перемажешься в этой грязи, что и друг друга не узнаешь.

Группа армий «Юг» к тому времени сумела отвоевать утерянные было позиции. И вообще, надо сказать, обстановка чуточку стабилизировалась. Но от германского плана нанесения внезапного удара по Курской дуге пришлось, правда, отказаться вследствие крайне неблагоприятного для войск периода весенней распутицы.

В деревне Меженевка мы стали на постой на целых три недели и заняли там позиции. Мы дожидались, пока подсохнут дороги, чтобы по ним хоть как-то можно было передвигаться с техникой. И в самом деле, эта пауза была желанной для всех нас — мы нуждались хотя бы в краткой передышке. Часто приходилось стоять в боевом охранении.

Май 1943 года

Потом снова двинулись маршем. Пока что по всему Восточному фронту наблюдалось затишье. Хотя на нашем участке было видно заметное увеличение численности немецких войск.

Июнь 1943 года

Началось стратегическое развертывание войск — 50 дивизий и 900 ООО человек по всей линии фронта у Курской дуги, удерживаемой превосходящими силами Советов. Наш 332-й артиллерийский полк также принимал в этом участие. Необходимо было вернуть этот стратегически важный участок, с тем чтобы потом вновь попытаться взять Москву в клещи. Наш полк занял позиции на одной из высот, которую мы прозвали «Гремучей».

Июль 1943 года

Белгород, Курск и Орел — эту дугу длиной около 150 километров нам и предстояло взять — таков был приказ.

4 июля было днем начала операции «Цитадель» — наступления на позиции русских.

Все были готовы к началу сражения. Орудия были нацелены на объекты, которые сообщили нам рекогносцировщики огня. Так что теперь всем нам предстояло боевое крещение. Помню дрожь в коленках, которую ничем не уймешь. Пусть нас до этого неделями муштровали, но фронт — дело совсем другое, здесь все

куда серьезнее. И как-то не возникало желания убедиться на своей шкуре, насколько серьезнее.

Начиная с 15 часов над нами с равными интервалами стали пролетать целые эскадрильи наших пикирующих бомбардировщиков, истребителей и штурмовиков, отправлявшихся бомбить позиции русских. До нас доносился непрерывный гул взрывов. Наш полк тоже открыл огонь из всех калибров. Грохот стоял такой, что ушам было больно. Приходилось суетиться — навести орудие, потом заряжай, огонь, и снова, и снова, и так до бесконечности. Тут уж думать и размышлять было некогда. Только успевай поворачиваться. Лица наши почернели от пороховой гари, мы оглохли, несмотря на защитные наушники. Так продолжалось до ночи. Со стороны русских ответного огня не последовало.

На следующий день мы передвинули наши изрыгающие огонь и металл чудища немного вперед. И снова артобстрел. И снова грохот, гарь и беготня у орудий до Упаду.

После нескольких дней обстрелов и продвижений вперед мы почти вплотную приблизились к позициям русских. Нашим танкам при поддержке авиации и нас, артиллеристов, удалось даже на отдельных участках прорвать оборону противника. Вот тогда я и увидел первые трупы, ими была усеяна перепаханная снарядами земля у окопов русских, а мы шли, перешагивая через них, по только что отвоеванной территории дальше на восток.

Уже к 13 июля мы с боями дошли до деревни Прохоровка, Наш путь усеивали трупы погибших красноармейцев. Здесь разыгралась самая кровавая, самая грандиозная танковая дуэль Второй мировой войны. Сражение проходило на узком участке территории, обе стороны действовали при поддержке сил авиации. В небо вздымались черные клубы дыма — повсюду горели подожженные грузовики и бронетехника. Постепенно война открывала нам свою ужасную личину. Мы были в гуще войны. Конечно, и русским тоже кое-где удавалось прорвать нашу оборону, и мы, не щадя сил, отбивали их атаки. Я благодарил судьбу за то, что мне выпало служить в артиллерии — мы как-никак располагались все-таки в известном отдалении от передовой, но в любую минуту можно было ожидать того, что тебя накроет снарядом противника. Мы ведь использовали и заряды со сжатым воздухом. Варварское оружие, на мой взгляд: у солдат противника разрывало легкие. Командование Красной Армии предупредило, что если мы не прекратим использование этого вида боеприпасов, они применят ядовитые газы. Пару дней спустя мы больше эти заряды не использовали.

Какое-то время мы продолжали удерживать фронт на курском

выступе. Расширяли траншеи, доставшиеся нам в наследство от русских, окапывались поглубже, но потом нас отчего-то взяли да заставили отходить в направлении Киева. Красная Армия буквально наседала на нас, постоянно множа наши потери убитыми и ранеными.

Крупная наступательная операции русских

Август 1943 года

Ночь с 3 на 4 августа мы провели в землянке под Прохоровкой. До 3 часов утра все было относительно спокойно, но потом русские открыли ураганный артиллерийский огонь. В канонаде участвовали и знаменитые «сталинские органы»[4] (многоствольные реактивные минометы). К этому следует добавить и действовавших с воздуха штурмовиков, осыпавших нас градом бомб и щедро поливавших из бортовых пулеметов. Земля тряслась, снаряды в буквальном смысле перепахивали ее, грохот стоял такой, что хоть уши затыкай, но и это помогало мало. Ужас, да и только. Я не мог представить себе в кошмарном сне, что мне придется пережить подобное. Чувствуя неотвратимый конец, мы инстинктивно пытались зарыться поглубже. Признаюсь, такого безграничного страха я не испытывал никогда, казалось, что вот еще немного, и тебя накроет очередным снарядом.

Создавалось впечатление, что Красная Армия только и ждала нашего наступления, чтобы продемонстрировать нам свою безграничную мощь и тем самым обозначить коренной перелом в ходе этой войны.

Какое-то время спустя поступило распоряжение: «К орудиям! Открыть ответный огонь!» Но все мы были в таком состоянии, что об ответном огне и речи быть не могло. Все словно окаменели в своих временных укрытиях. К тому же никто не знал, сколько вообще осталось в живых из нашего дивизиона — отовсюду раздавались крики раненых и призывы о помощи. Сомневаюсь, что в этом хаосе удалось оказать им помощь.

К 18 часам этот ад понемногу стих. Мы стали выбираться из окопов и полузаваленных землянок на воздух, но вскоре на нас стали надвигаться русские танки «Т-34». И снова команда: «К орудиям! Открыть ответный огонь!»

Дрожа от страха, мы кое-как стали наводить еще оставшиеся целыми орудия на танки и все же открыли ответный огонь. Чего только не сделаешь из желания выжить. И нам даже удалось подбить несколько машин врага. Но танки продолжали наползать

на нас, следуя извилистым курсом, петляя, как зайцы, чтобы не дать нам прицелиться. Они вели по нам огонь из пушек, а потом проехались по нашим позициям. Все попытки удержать позиции перед натиском стальной армады были бессмысленны, все, кто еще стоял на ногах, брали эти самые ноги в руки и покидали позиции. Я в панике тоже выскочил из своей землянки и без оглядки понесся вперед. Справа и слева земля вздыбливалась от разрывов танковых снарядов, но я, невзирая ни на что, чесал вперед, подгоняемый лишь одной мыслью: «Прочь отсюда!» И многие мои оставшиеся в живых товарищи тоже спасались бегством. Мы мчались, огибая воронки, едва не спотыкаясь о тела погибших. Это был не организованный отход, а просто паническое бегство, отчаянная попытка спасти свою жизнь, когда тебе надеяться уже не на кого и не на что, а лишь на себя самого. Не знаю, сколько я километров отмахал, страх свел на нет чувство времени, я не прислушивался к себе, не забивал себе голову мыслями вроде, мол, выдержу ли я, не упаду ли я, нет — я просто несся вперед. И вскоре понял, что все-таки спасся, что я уже вне досягаемости русских танкистов. Да и грохот боя ощущался здесь слабее. Но я все равно по инерции продолжал бежать.

Отмахав так несколько километров, я понял, что сердце вот-вот выскочит из груди. И тут впереди снова заметил танки противника. «Ну вот и все, теперь точно конец», — мелькнула мысль, но тут один мой товарищ воскликнул: «Эй, погляди-ка, наши!» Это были и вправду наши. Подразделение «тигров» все-таки сумело прорваться сюда и сдержать натиск русских, что и позволило нам продолжить путь отступления.

Да, повезло мне тогда в тот знаменательный день 4 августа. А не то быть мне в покойниках.

Мой 332-й полк под командованием майора Лодта продолжил отход на запад. Мы потеряли все наши орудия и большую часть наших боевых товарищей. Пару дней все было спокойно, и мы имели возможность передохнуть в одной из близлежащих деревень. В садах и на огородах было полно помидоров и арбузов, мы набросились на них, как дикари, неудивительно, что все кончилось жутким расстройством желудка. В эти «спокойные дни» полк вооружили трофейными орудиями из запаса. Сомнительно, чтобы это могло что-нибудь изменить для нас. Куда разумнее было просто без проволочек отступить.

13 августа в 16 часов небо потемнело. Сотни советских бомбардировщиков освобождались от бомбового груза как раз над нашей деревней. И снова содрогалась земля, и снова приходилось

улепетывать от разрывов. Было приказано незамедлительно сменить позиции: «Отступить вместе с техникой!» Для контрудара не оставалось ни времени, ни сил — мы видели, как на нас опять устремились русские танки, вынудившие нас бежать наперегонки со смертью.

Полк понес страшные потери — до 50 % живой силы и техники. Сильнее всего донимали шедшие на бреющем штурмовики. Они всегда появлялись внезапно и нещадно косили нас из пулеметов.

Вследствие уменьшения численности подразделения было принято решение слить наш 8-й дивизион с 7-м. После этого наш расчет снова получил орудие на конной тяге, и мы стали отступать в направлении Киева.

Сентябрь 1943 года

Во время отступления через Украину 9 сентября мы снова подверглись сильной атаке русских. Орудия, техника — все пришлось бросить на съедение танкам противника. А нам, солдатам, опять пришлось спасаться бегством. Очень и очень многим спастись таким образом не удалось, и они навеки остались на поле боя. Но мне и на этот раз повезло — я уцелел вместе с лошадьми.

Почему мы постоянно подвергались внезапным атакам врага?

Наша связь, наша разведка никуда не годились, причем на уровне офицерского состава. Командование не имело возможности ориентироваться во фронтовой обстановке, с тем чтобы своевременно принять нужные меры и. снизить потери до допустимых границ. Мы, простые солдаты, разумеется, не знали, да и не могли знать истинного положения дел на фронтах, поскольку служили просто-напросто пушечным мясом для фюрера и фатерланда.

Невозможность выспаться, соблюсти элементарные нормы гигиены, завшивленность, отвратительная кормежка, постоянные атаки или обстрелы противника. Нет, о судьбе каждого солдата в отдельности говорить не приходилось.

Общим правилом стало: «Спасайся, как можешь!» Число убитых и раненых постоянно росло. При отступлении специальные части сжигали собранный урожай, да и целые деревни. Страшно было смотреть на то, что мы после себя оставляли, неукоснительно следуя гитлеровской тактике «выжженной земли».

28 сентября мы вышли к Днепру. Слава богу, мост через широченную реку был в целости и сохранности. Ночью мы наконец добрались до столицы Украины Киева, он был еще в наших руках. Нас поместили в казарму, где мы получили довольствие, консервы, сигареты и шнапс. Наконец желанная пауза.

На следующее утро нас собрали на окраине города. Из 250 человек нашей батареи в живых осталось только 120, что означало расформирование 332-го полка.

Октябрь 1943 года

Между Киевом и Житомиром вблизи рокадного шоссе мы, все 120 человек, стали на постой. По слухам, этот район контролировали партизаны. Но гражданское население было настроено к нам, солдатам, вполне дружелюбно.

3 октября был праздник урожая, нам даже позволили потанцевать с девушками, они играли на балалайках. Русские угощали нас водкой, печеньем и пирогами с маком. Но, самое главное, мы смогли хоть как-то отвлечься от давящего груза повседневности и хотя бы выспаться.

Но неделю спустя снова началось. Нас бросили в бой куда-то километров на 20 севернее Припятских болот. Якобы там в лесах

засели партизаны, которые наносили удары в тыл наступавшим частям вермахта и устраивали акции саботажа с целью создания помех войсковому снабжению. Мы заняли две деревни и выстроили вдоль лесов полосу обороны. Кроме того, в нашу задачу входило приглядывать за местным населением.

Мы с моим товарищем по фамилии Кляйн неделю спустя снова вернулись туда, где стояли на постое. Вахмистр Шмидт заявил: «Оба можете собираться в отпуск домой». Слов нет, как мы обрадовались. Это было 22 октября 1943 года. На следующий день от Шписа (нашего командира роты) мы получили на руки отпускные свидетельства. Какой-то русский из местных отвез нас на телеге, запряженной двумя лошадками, к рокадному шоссе, находившемуся за 20 километров от нашей деревни. Мы дали ему сигарет, а потом он уехал обратно. На шоссе мы сели в грузовик и на нем добрались до Житомира, а оттуда уже поездом доехали до Ковеля, то есть почти до польской границы. Там явились на фронтовой распределительный пункт. Прошли санитарную обработку — в первую очередь надо было изгнать вшей. А потом с нетерпением стали дожидаться отъезда на родину. У меня было ощущение, что я чудом выбрался из ада и теперь направлялся прямиком в рай.

Отпуск

27 октября я добрался домой в родной Гросраминг, отпуск мой был по 19 ноября 1943 года. От вокзала и до Родельсбаха пришлось топать пешком несколько километров. По дороге мне попалась колонна заключенных из концлагеря, возвращавшихся с работ. Вид у них был очень понурый. Замедлив шаг, я сунул им несколько сигарет. Конвоир, наблюдавший эту картину, тут же накинулся на меня: «Могу устроить, что и ты сейчас с ними зашагаешь!» Взбешенный его фразой я бросил в ответ: «А ты вместо меня зашагаешь в Россию недельки на две!» В тот момент я просто не понимал, что играю с огнем, — конфликт с эсэсовцем мог обернуться серьезными неприятностями. Но все на том и кончилось. Мои домашние были счастливы, что я живой и здоровый вернулся на побывку. Мой старший брат Берт служил в 100-й егерской дивизии где-то в районе Сталинграда. Последнее письмо от него было датировано 1 — м января 1943 года. После всего виденного на фронте я сильно сомневался, что и ему может повезти так, как мне. Но именно на это мы и надеялись. Разумеется, мои родители и сестры очень хотели знать, как мне служится. Но я предпочитал не вдаваться в детали — как говорится, меньше знают, крепче спят. Они и так за меня достаточно тревожатся. К тому же то, что мне выпало пережить,

простым человеческим языком просто не описать. Так что я старался свести все к пустякам.

В нашем довольно скромном домике (мы занимали небольшой, сложенный из камня дом, принадлежавший лесничеству) я чувствовал себя как в раю — ни штурмовиков на бреющем, ни грохота стрельбы, ни бегства от преследующего врага. Птички щебечут, журчит ручей.

Я снова дома в нашей безмятежной долине Родельсбах. Как было бы здорово, если бы время сейчас замерло.

Работы было хоть отбавляй — заготовка дров на зиму, например, да и многое другое. Тут я оказался как нельзя кстати. Встретиться с моими товарищами не пришлось — все они были на войне, им тоже приходилось думать о том, как выжить. Многие из нашего Гросраминга погибли, и это было заметно по скорбным лицам на улицах.

Дни проходили, медленно приближался конец моей побывки. Я был бессилен что-либо изменить, покончить с этим безумием.

Возвращение на фронт

19 ноября я с тяжелым сердцем прощался со своими домашними. А потом сел в поезд и поехал возвращаться на Восточный фронт. 21 числа я должен был прибыть назад в часть. Не позднее 24 часов необходимо было прибыть в Ковель на фронтовой распределительный пункт.

Дневным поездом я выехал из Гросраминга через Вену, с Северного вокзала, на Лодзь. Там мне предстояло пересесть на поезд из Лейпцига с возвращавшимися отпускниками. А уже на нем через Варшаву прибыть в Ковель. В Варшаве к нам в вагон сели 30 вооруженных сопровождающих пехотинцев. «На этом перегоне наши поезда часто атакуют партизаны». И вот среди ночи уже на пути в Люблин послышались взрывы, потом вагон тряхнуло так, что люди свалились со скамеек. Поезд, еще раз дернувшись, остановился. Начался жуткий переполох, Мы, схватив оружие, выскочили из вагона посмотрёть, что случилось. А случилось вот что — поезд наехал на подложенную на путях мину. Несколько вагонов сошло с рельсов, и даже колеса сорвало. И тут по нам открыли огонь, со звоном посыпались осколки оконных стекол, засвистели пули. Тут же бросившись под вагоны, мы залегли между рельсами. В темноте было трудно определить, откуда стреляли. После того, как волнение улеглось, меня и еще нескольких бойцов отрядили в разведку — надо было пройти вперед и выяснить обстановку. Страшновато было — мы ждали засады. И вот мы двинулись вдоль полотна с оружием наготове. Но все было тихо. Час спустя мы вернулись и узнали, что

несколько наших товарищей погибли, а кое-кого и ранило. Линия была двухпутной, и нам пришлось дожидаться следующего дня, когда подогнали новый состав. Дальше добрались без происшествий.

По прибытии в Ковель мне было сказано, что остатки моего 332-го полка сражаются под Черкассами на Днепре в 150 километрах южнее Киева. Меня и еще нескольких моих товарищей приписали к 86-му артполку, входившему в состав 112-й пехотной дивизии.

На фронтовом распределительном пункте я повстречал своего однополчанина Иоганна Реша, он тоже, оказывается, был в отпуске, а я-то думал, что он пропал без вести. Мы вместе отправились на фронт. Ехать пришлось через Ровно, Бердичев и Извеково до Черкасс.

Сегодня Иоганн Реш живет в Рандэгге, неподалеку от Вайдхофена, на реке Ибс, это в Нижней Австрии. Мы до сих пор не теряем друг друга из виду и регулярно встречаемся, раз в два года обязательно бываем друг у друга в гостях.

На станции Извеково я встретил Германа Каппелера. Он был единственный из нас, жителей Гросраминга, с которым мне довелось встретиться в России. Времени было мало, мы успели лишь обменяться парой слов. Увы, но и Герман Каппелер не вернулся с войны.

Декабрь 1943 года

8 декабря я был в Черкассах и Корсуне, мы снова участвовали в боях. Мне выделили пару лошадей, на которых я перевозил орудие, потом радиостанцию в 86-м полку.

Фронт в излучине Днепра изгибался подковой, и мы находились на обширной равнине, окруженной холмами. Шла позиционная война. Приходилось часто менять позиции — русские на отдельных участках прорывали нашу оборону и вовсю палили по неподвижным целям. До сих пор нам удавалось отбрасывать их. В селах почти не осталось людей. Местное население давно покинуло их. Мы получили приказ открывать огонь по всем, кого можно заподозрить в связях с партизанами. Фронт, как наш, так и русский, вроде бы устоялся. Тем не менее потери не прекращались.

С тех самых пор, как я оказался на Восточном фронте в России, мы по воле случая не разлучались с Кляйном, Штегером и Гутмайром. И они, к счастью, пока оставались в живых. Иоганна Реша перевели в батарею тяжелых орудий. Если выдавалась возможность, мы обязательно встречались.

Всего в излучине Днепра у Черкасс и Корсуня в кольцо

окружения угодила наша группировка численностью 56 ООО солдат.

Под командование 112-й пехотной дивизии (генерал Либ, генерал Тровитц) были переведены остатки моей силезской 332-й дивизии:

— 331-й баварский мотопехотный полк;
— 417-й силезский полк;
— 255-й саксонский полк;
— 168-й саперный батальон;
— 167-й танковый полк;
— 108-я, 72-я, 57-я, 323-я пехотные дивизии;
— остатки 389-й пехотной дивизии;
— 389-я дивизия прикрытия;
— 14-я танковая дивизия;
— 5-я танковая дивизия СС.

Рождество мы отпраздновали в землянке при минус 18 градусах. На фронте было затишье. Мы сумели раздобыть елку и парочку свечей. Прикупили в нашем военторге шнапса, шоколада и сигарет.

К Новому году нашей рождественской идиллии пришел конец. Советы развернули наступление по всему фронту. Мы беспрерывно вели тяжелые оборонительные бои с советскими танками, артиллерией и подразделениями «катюш». Ситуация с каждым днем становилась все более угрожающей.

Январь 1944 года

К началу года почти на всех участках фронта немецкие части отступали.

А нам приходилось под натиском Красной Армии отходить, причем как можно дальше в тыл.

И вот однажды буквально за одну ночь погода резко сменилась. Наступила небывалая оттепель — на термометре было плюс 15 градусов. Снег стал таять, превратив землю в непролазное болото.

Потом, как-то во второй половине дня, когда в очередной раз пришлось сменить позиции — русские насели, как полагается, — мы пытались оттащить пушки в тыл. Миновав какое-то обезлюдевшее село, мы вместе с орудием и лошадьми угодили в самую настоящую бездонную трясину. Лбшади по круп увязли в грязи. Несколько часов кряду мы пытались спасти орудие, но тщетно. В любую минуту могли появиться русские танки. Несмотря на все наши усилия, пушка погружалась все глубже и глубже в жидкую грязь. Нам это оправданием служить вряд ли

могло — мы обязаны были доставить к месту назначения доверенное нам военное имущество. Близился вечер. На востоке вспыхивали русские сигнальные ракеты. Снова послышались крики и стрельба. Русские были в двух шагах от этой деревеньки. Так что нам ничего не оставалось, как распрячь лошадей и назад к нашим. Хотя бы конную тягу уберегли. Почти всю ночь мы провели на ногах. У коровника мы увидели наших, батарея заночевала в этом брошенном коровнике. Часа, наверное, в четыре утра мы доложили о прибытии и описали, что с нами стряслось. Дежурный офицер заорал: «Немедленно доставить орудие!» Гутмайр и Штегер попытались было возразить, мол, нет никакой возможности вытащить увязшую пушку. Да и русские рядом. Лошади не кормлены, не поены, какой с них прок. «На войне невозможных вещей нет!» — отрезал этот негодяй и приказал нам немедленно отправляться назад и доставить орудие. Мы понимали: приказ — есть приказ, не выполнишь — к стенке, и дело с концом. Вот мы, прихватив лошадей, и зашагали назад, полностью сознавая, что есть все шансы угодить к русским. Перед тем как отправиться в путь, мы, правда, дали лошадям немного овса и напоили их. У нас же с Гутмайром и Штегером уже сутки маковой росинки во рту не было. Но даже не это нас волновало, а то, как мы будем выкручиваться.

Развиднелось, шум боя стал отчетливее. Через несколько километров нам повстречался отряд пехотинцев с офицером. Офицер поинтересовался у нас, куда мы путь держим. Я доложил: «Нам приказано доставить орудие, которое осталось там-то и там-то». Офицер выпучил глаза: «Вы что, совсем сдурели? В той деревне уже давно русские, так что поворачивайте назад, это приказ!» Вот так мы и выпутались.

Я чувствовал, что еще немного, и свалюсь. Но главное — я был пока жив. По два, а то и три дня без еды, неделями не мывшись, во вшах с ног до головы, форма колом стоит от налипшей грязи. И отступаем, отступаем, отступаем…

Черкасский котел постепенно сужался. В 50 километрах западнее Корсуня всей дивизией мы попытались выстроить линию обороны. Одна ночь прошла спокойно, так что можно было поспать.

А утром, выйдя из лачуги, где спали, тут же поняли, что оттепели конец, а раскисшая грязь превратилась в камень. И вот на этой окаменевшей грязи мы заметили белый листок бумаги. Подняли. Оказалось, сброшенная с самолета русскими листовка:

Прочти и передай другому:

Ко всем солдатам и офицерам немецких дивизий под Черкассами!

Вы окружены!

Части Красной Армии заключили ваши дивизии в железное кольцо окружения. Все ваши попытки вырваться из него обречены на провал.

Произошло то, о чем мы давно предупреждали.

Ваше командование бросало вас в бессмысленные контратаки в надежде оттянуть неминуемую катастрофу, в которую вверг Гитлер весь вермахт. Тысячи немецких солдат уже погибли ради того, чтобы дать нацистскому руководству на короткое время отсрочить час расплаты. Каждый здравомыслящий человек понимает, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Вы — жертвы неспособности ваших генералов и своего слепого повиновения вашему фюреру.

Гитлеровское командование заманило всех вас в западню, из которой вам не выбраться. Единственное спасение — добровольная сдача в русский плен. Иного выхода нет.

Вы будете безжалостно истреблены, раздавлены гусеницами наших танков, в клочья расстреляны нашими пулеметами, если вы захотите продолжить бессмысленную борьбу.

Командование Красной Армии требует от вас: сложить оружие и вместе с офицерами группами сдаваться в плен!

Красная Армия гарантирует всем добровольно сдавшимся жизнь, нормальное обращение, достаточное пропитание и возвращение на родину после окончания войны. Но каждый, кто продолжит сражаться, будет уничтожен.

Командование Красной Армии

Офицер завопил: «Это — советская пропаганда! Не верьте тому, что здесь написано!»

Мы даже не желали отдать себе отчет, что уже в кольце. Во избежание падения боевого духа войск.

Катастрофа на южных высотах Корсунь — Черкассы

28 января 1944 года

Под Звенигородкой русские превратили изгиб линии фронта

в котел, нанеся нам в тыл два сходящихся удара. Близились ставшие для нас роковыми попытки прорвать кольцо окружения. В котле оказались шесть с половиной наших дивизий. И вот Верховное главнокомандование вермахта задумало ценой огромных потерь попытаться вытащить из котла эти дивизии. В штабах вовсю ковали планы деблокирования под кодовым названием «Свобода!». Во внутреннем кольце оставались всего лишь три занятые нами деревни. Хаты были переполнены — требовалось срочно кое-как разместить около 4000 раненых. Большинству из них все равно было уже ничем не помочь. Вывезти их самолетом не представлялось возможности — аэродром с грунтовым покрытием в Корсуне тоже раскис, и вот уже несколько недель там не приземлялись и не поднимались в воздух самолеты. Прямо в садах и у домов скопилось множество техники — орудий, танков, повозок, грузовиков и т. д. Все это приходилось оставлять, а предварительно приводить в негодность, чтобы враг не смог воспользоваться нашими вооружениями. Грузовики сжигались, у танков снимали гусеницы, у автомобилей простреливались шины. С собой прихватывали лишь самое необходимое.

Расчленение колонны перед выступлением:

Справа: 112-я пехотная дивизия;

Центр: 72-я пехотная дивизия;

Слева: танковый батальон СС;

Арьергард: 57-я баварская дивизия, 6 ООО человек под командованием генерала Трогвитца. Их задача: обеспечение прикрытия тыла.

Всего под командованием генерала Либа насчитывалось около 50 ООО солдат, готовых идти на прорыв. Каждый солдат понимал, с каким риском связан прорыв и какой кровью он нам обойдется. Но мы все-таки надеялись, что среди убитых не окажемся.

Февраль 1944 года

Вблизи населенного пункта Шевченковский мы (40 человек) ночевали в деревенской хате. Ночью снова загрохотала русская артиллерия — ураганный огонь. К счастью, место нашего временного постоя не пострадало.

А утром, когда канонада немного утихла, я получил от Шписа приказ забрать кухню 12-й батареи. И после обеда я на двух лошадях прибыл в расположение 12-й батареи. Она находилась метрах в 200 от нас. У кухни меня накормили и еще дали с собой хлеба и консервов. Я знал, что вечером предстоит прорываться. И уже сейчас мне было не по себе.

Повсюду чувствовалась нервозность. Раненых спешно укладывали на телеги. Не транспортабельных просто бросали. С ними оставались двое врачей, которые должны были передать их русским. Мне показалось, что эти люди были обречены на гибель. Да и вообще, что это значит? Ведь даже если тебя тяжелораненого немедленно отправить в госпиталь, шансы выжить так и так мизерные. И вот этих несчастных обрекали на медленную и мучительную смерть. Сегодня, разумеется, трудно представить себе нечто подобное.

По левую сторону дороги я заметил два вполне исправных штурмовых орудия из подразделения СС. Это отчего-то прибавило мне уверенности. Может, все-таки удастся выскочить, мелькнула у меня тогда мысль.

Все началось 16 февраля. День тот тянулся невыносимо. Мы понимали, что для многих он станет последним. Подготовка шла полным ходом. Наконец стемнело. В 22 часа мы были готовы выступить. Предстояло с боем прорываться через линию обороны русских. Перед этим нам было приказано вести себя тихо, ни в коем случае не курить и вообще как можно дольше оставаться незамеченными. Но русские — не дураки, они отлично понимали, в чем дело. Мы ведь не один день проторчали в кольце окружения, за нами наблюдали, нас не раз атаковали, и потом — как это 50 ООО человек, пусть даже с легким вооружением, можно незаметно протащить через оборонительные позиции неприятеля?

Колонны тронулись. И для меня и моей запряженной лошадьми повозки началась смертельная игра. Над нами то и дело свистели снаряды, разрывавшиеся где-то в хвосте колонны и уносившие жизни солдат. Путь дивизии проходил через село Звенигородка. Вот там был самый настоящий ад. Узкие улицы подвергались обстрелу русских, проехать было совершенно невозможно. Повсюду были разбросаны обломки орудий, тут и там торчали разрушенные стены хат. И разрывы снарядов, разрывы, разрывы… Саперы пытались привести в порядок поврежденный мост, который нашей колонне предстояло миновать. Но огонь врага становился интенсивнее, снаряды ложились все гуще, в воздухе свистели раскаленные осколки стали, кроившие людей на куски. Взрывающиеся грузовики, крики, призывы о помощи — одним словом, паника, хаос. Продвижение застопорилось. Я со своей кухней пока что оставался целехонек и медленно, но упорно продвигался дальше, время от времени пережидая обстрел за чудом сохранившейся стеной. Единственным спасением было продвигаться вперед и только вперед.

Не понимаю, как мне это удалось, но я все же сумел выбраться из этой деревни, которую снаряды едва ли не сровняли с землей.

Мы выехали в поле — повсюду, куда ни глянь, перепаханные поля, луга и грязь, жуткая, промерзшая грязь. Не видно ни зги, на небе ни звездочки, ледяной ветер, вскоре перешедший в снежный буран. По-прежнему гремели разрывы снарядов. Но я, ни о чем не думая, продвигался вперед. Можно без всякого преувеличения сказать, что все мы в ту ночь совершили экскурсию в преисподнюю.

Небо постепенно светлело. В отдалении я различил небольшой подъем, а на нем, к своему ужасу, поджидавшие нас русские танки. Стало быть, нашей 3-й танковой дивизии не удалось прорвать кольцо окружения снаружи, в чем нас наперебой уверяли.

Внезапно танки открыли по нам ужасающий огонь. Вокруг чистое поле, укрыться негде совершенно. И снова кошмарные сцены. Солдаты, побросав все, что мешало, бросились вперед. Бросали все, даже повозки с ранеными — им наверняка было суждено оказаться под гусеницами русских танков. В этом бедламе каждый думал только о себе, ни о какой взаимовыручке и речи не было.

Когда я на своей повозке добрался до возвышенности, рядом со мной жутко грохнуло, а мою шедшую справа лошадку неведомая сила приподняла вверх и отшвырнула в сторону. В нас угодил танковый снаряд, полевую кухню разбило всмятку. На мое счастье, я сидел на другой лошади, та от испуга шарахнулась, но я успел все-таки соскочить на землю. Пробежав несколько метров, ткнулся лицом в снег и долго лежал, трясясь от ужаса и холода. В любую минуту можно было ожидать смертельного попадания. Я было подумал распрячь уцелевшую лошадь и продолжить путь верхом, но земля вокруг вздымалась от разрывов снарядов. Нет, нельзя, подумал я, слишком велик риск. Поднявшись, я решил последовать примеру других солдат, спасавшихся от врага бегством. Повторяю, каждый тогда спасал только собственную шкуру.

Пройдя или пробежав немного вперед, я поймал одну из бесхозных лошадей, соорудил из болтавшейся у нее на шее веревки подобие уздечки, взобрался на нее и без седла поскакал прочь. И тут у меня над головой вновь засвистели пули. На вытянутой в длину горке я рассмотрел группу русских, явно взявших меня на прицел. Пришпорив лошадь, я поскакал быстрее. И тут снова взрыв, и меня швырнуло наземь. Лежу и думаю: «В меня попали, все, крышка». Но боли никакой. Оглядевшись

украдкой, метрах в десяти увидел свою лошадь всю в крови. Животное, лежа на спине, конвульсивно дергало поднятыми копытами. Осколок попал ему в грудь, положив конец мукам моей помощницы.

Поднявшись на ноги, понял, что мне и на этот раз повезло — я отделался легким испугом. Разве что тело гудело, словно тебя отходили чем попадя, С неба крупными хлопьями падал снег. Надо было идти дальше, и побыстрее. Некоторое время спустя я прибился к группе таких же как и я спасавшихся бегством. Но вскоре спереди по нам открыли пулеметный огонь. Почувствовав, что передвигаться с большой группой опасно, я и еще несколько человек, отделившись, решили пробиваться на юго-запад самостоятельно. «Неужели мы сбились с пути?» — в ужасе подумал я. Слишком уж сильно простреливается здесь местность. Впереди лежали поросшие кустарником болота. Хоть какое-то прикрытие. Вдали я увидел дерево, у которого сгрудились лошади. Подобравшись поближе, разглядел, в каком ужасном состоянии они были. У многих на теле зияли раны, животные стояли с безучастным видом, будто покорившись судьбе. Одна, правда, на вид была здоровой. Я и решил ее выбрать, чтобы продолжить путь. Необходимо было выйти к речке Тирский Тикич,[5] перебраться через нее, тогда русским танкам меня уже не достать. Но сначала предстояло преодолеть заболоченный участок. Здесь среди кустов и низких деревьев я почувствовал себя в относительной безопасности. Но меня поджидал очередной дурной сюрприз — лошадь задними ногами провалилась в трясину. Ценой жутких усилий мне все же удалось ее вытащить. Я подумал, что раз здесь болото, то где-то неподалеку должна быть и речка. И верно, вскоре вдали показалась река. Но по мере приближения к ней нарастал и шум боя. Выйдя на берег, я убедился, что он под обстрелом. Все, кто смог добраться сюда, думали только об одном — скорее на другой берег, чего бы это ни стоило. Многие бросались в ледяную воду, пытаясь спастись вплавь, другие цеплялись за льдины. Горько описывать ужас виденного мною. Разрывы снарядов, вздымавшие вверх фонтаны воды, изуродованные трупы. У меня голова пошла кругом от этого кошмара. Трудно, невозможно сразу освоиться в таком аду. Может, оно и к лучшему, потому что будь по-другому, я бы давно уже поставил точку на всех своих попытках.

И я прыгнул в ледяную воду, иного выхода не было, К счастью, у меня была лошадь, кроме того, я выбросил винтовку, снял шинель, избавившись таким образом от лишнего балласта, и поплыл к противоположному берегу. Несколько человек прицепились к моей кобыле сбоку, каким-то образом держась за

круп. Плыли мы медленно, с трудом, и я подумал, разорвись сейчас рядом снаряд, и все, нам конец. Но все-таки мы добрались до берега, хоть и промокли буквально до нитки. Если бы не это несчастное животное, нам ни за что бы не переплыть эту злосчастную реку.

Оказавшись на суше, мы первым делом вылили воду из сапог, и тут же продолжили путь. Километра через два увидели покинутую деревню. Мы, недолго думая, ухитрились поджечь пару пустых сараев и обсушиться около этого «костра». Не поступи мы так, мы бы просто окоченели. Я тоже стащил с себя затвердевшую на морозе одежду. Приходилось спешить, доносились взрывы, вполне можно было рассчитывать на скорое появление русских.

День клонился к вечеру, с наступлением темноты было решено продолжить путь. К полуночи, окончательно выбившись из сил, мы набрели еще на одну деревню. Переночевали на западной окраине села. Самое трудное было отыскать относительно теплое и сухое местечко — все хаты были до предела забиты солдатами и ранеными. Наконец мне удалось пристроиться в сенях одной из хат, где я просто рухнул на пол. Но, несмотря на чудовищную усталость, события минувшего дня долго не давали мне заснуть.

В 6 утра я проснулся от холода. Но мне безумно хотелось урвать еще пару часиков на отдых. Мой товарищ предостерег меня: «Мы все еще в опасности». Подкрепившись из запасов сухого пайка, мы снова километр за километром одолевали путь на запад.

К вечеру мы наткнулись на колонну наших машин из 3-й танковой дивизии. Эта дивизия должна была прорвать кольцо окружения под Черкассами. Но техника безнадежно увязла в грязи, и ни о каких боевых действиях нечего было и думать. В одной из машин я обнаружил ничейную винтовку и решил на всякий пожарный прихватить ее с собой. Моя осталась лежать на дне речки. Зная о том, что солдата, потерявшего свою «невесту» (оружие), ждет отправка в штрафную роту, я вздохнул с облегчением.

Ночевали мы снова в маленьком селе. Один из моих товарищей раздобыл где-то поросенка. Его тут же забили и отварили с луком. Наконец два десятка человек смогли впервые за много дней поесть горячего.

На следующий день мы продолжили марш. Дойдя до развилки дорог, мы увидели указатель с надписью: «Умань. Сборный пункт майора Либа».

На следующий день к полудню мы добрались до Умани.

Каждому из нас выдали горячий обед, колбасы и шоколад. Вот только хлеба не было — весь вышел.

Прибыла еще группа вышедших из окружения. В числе прибывших, к моей великой радости, оказались Кляйн, Гутмайр и Штегер. Я обрадовался еще больше, узнав, что никто из них при выходе из окружения не получил ни царапины.

Вместе мы отправились в близлежащую деревню. Там нас встретили Шпис и наш командир батареи. Мы поделились впечатлениями о том, как выбирались из котла и почему явились без орудий, без автотранспорта, без лошадей и даже без оружия. Мне тоже было что рассказать о пережитом аде, которого остальным, как я понял, удалось благополучно избежать.

Потом мы продолжили путь уже на северо-запад, в Винницу. Только там мы почувствовали себя в относительной безопасности. Впервые за много дней я смог по-настоящему выспаться, не опасаясь, что меня разорвет шальным снарядом.

В живых из моей батареи осталось всего 56 человек.

Все огневые взводы, вся служба связи, отделение боепитания и обозные — все они погибли.

Всего в котел попало 56 ООО человек. Из них:

— 35 ООО удалось спастись, 21 ООО погибла.

В Виннице из остатков частей и подразделений сформировали эшелон, проследовавший сначала в Лемберг,[6] а потом дальше на Пшемысл.

Когда я прочел об этом в газете, я не поверил

В газете сообщалось, что командующие дивизиями, действовавшими в районе Черкасс, уже 22 февраля были приняты Гитлером в его ставке «Волчье логово», где им были вручены высокие награды за удачный выход из окружения. Я просто отказывался верить этому — ведь выход из окружения начался только 16 февраля. Вероятнее всего, они успели выскочить благодаря танкистам из частей СС и таким образом спастись. А остальные? Простые солдаты? Они просто бросили их в беде!

> Из нацистского пропагандистского листка. Вторник, 22.02.1944
>
> «Фюрер принял командующих вышедших из окружения войсковых частей. В знак признательности их заслуг им были вручены высокие награды.

После деблокирования оказавшихся в кольце окружения частей фюрер в воскресенье принял у себя в ставке следующих командующих:

— командующего передовыми частями генерал-лейтенанта Либа, возглавившего группу прорыва из кольца окружения противника;

— командующего танковой дивизией СС группенфюрера и генерал-лейтенанта Гилле, чья дивизия из добровольцев проявила героизм в тяжелейших боях;

— командующего бригадой добровольцев СС «Валлония»;

— гауптштурмфюрера Леона Дегреля, который после героической гибели командующего бригадой взял на себя командование и обеспечил выход соединения с боями из кольца окружения.

Фюрер лично вручил вышеназванным офицерам награды:

Генерал-лейтенанту Либу — дубовые листья к Рыцарскому кресту;

Генерал-лейтенанту Гилле — мечи и дубовые листья к Рыцарскому кресту;

Гауптштурмфюреру Дегрелю — Железный крест.

Многие другие бойцы и командиры также получили высокие награды за проявленные героизм и мужество при выходе из окружения, они были вручены им командирами частей по месту службы».

Обстановка в целом в кольце окружения

К середине января войска группы армий «Юг» стояли у города Канев, около 100 километров юго-восточнее Киева. Западнее находились русские войска, они были уже в Белой Церкви, то есть сумели прорваться южнее, создавая угрозу для находящейся восточнее нашей группировки. Кроме того, со стороны Кировограда на северо-запад наступали крупные танковые силы русских и потом соединялись под Звенигородкой.

В результате два немецких армейских корпуса в составе 9 дивизий, среди которых была и моя 112-я, а также множество небольших частей и подразделений оказались в окружении.

Передышка

Март 1944 года

По прибытии в Пшемысл первым делом нас отправили на

дезинсекцию — избавлять от вшей. Мы не только психически дошли до ручки, но и физически находились в таком состоянии, которое и свинье не к лицу. После нескольких недель впервые горячая баня — это мы воспринимали как манну небесную. Потом нас перебросили на 25 километров южнее в деревню Добромил.

Штегер, Гутмайр и я стали на постой в польской семье железнодорожника. У них был десятилетний сын и шестнадцатилетняя дочь. Девушка ходила в Пшемысле в немецкую школу, так что языковых проблем практически не было. Наш войсковой рацион мы делили с хозяевами. Хозяйка часто готовила фасолевый суп с сушеными грибами, совсем как у меня дома.

Командовали остатками нашей батареи (156 человек) лейтенант по фамилии Шварцвальд и Шпис, вахмистр Шпис.

Каждый вечер в 20 часов у нас проходило построение, где нас распределяли в наряд. А вообще мы должны были приводить в порядок форму, себя самих и вообще отходить от перенесенных тягот войны.

Наконец выдалось достаточно времени написать домой. Ведь из котла письма не пошлешь. Разумеется, писать обо всем я не мог, не имел права — наши письма просматривались военной цензурой.

Вот что я написал:

> Дорогие родители, дорогие братья и сестры!
>
> Мне удалось целым и невредимым выйти из окружения под Черкассами. Правда, форма изорвалась, но ее после заменили на новую. За наши заслуги командование наградило нас медалями.

Я получил:

> — от имени фюрера Алоису Цвайгеру (7-я батарея 86-го артиллерийского полка) «Крест за заслуги» второго класса с мечами.
>
> Надеюсь, что вы все здоровы, и до скорой встречи!
>
> ваш сын Лоис.

Нашему командиру батареи выпала действительно нелегкая задача — он был обязан лично письменно уведомить родных и близких всех своих погибших и пропавших без вести подчиненных.

Канцелярия 26469B» 17 марта 1944 года
Добромил, 7-я батарея

Уважаемые члены семьи!

Мне выпала нелегкая задача сообщить Вам о том, что Ваш сын (супруг, далее звание, должность)… с 17.02.1944 числится пропавшим без вести. В тот день батарея с тяжелыми боями выходила из кольца окружения противника в районе Черкасс. Несмотря на предпринятые поиски, обнаружить Вашего сына (супруга, далее звание, должность)… не удалось. Если Вы не получите известие иного содержания, считайте его погибшим или попавшим в плен. Если же получите, просим незамедлительно поставить нас в известность.

С искренним соболезнованием,
Ваш оберлейтенант и командир батареи (…).

После трехнедельного отдыха мы снова были в Пшемысле. Из остатков частей и подразделений там формировались новые лолки. Моим новым назначением стал 157-й артиллерийский полк. Вахмистр Шмидт, Александр Кляйн и я попали в 7-ю батарею. Штегер и Гутмайр — в 8-ю. Увы, но нас разлучили. Вечером мы собрались на нашей квартире и были очень удручены этим обстоятельством. Ведь мы понимали, что вскоре вновь окажемся на передовой. На сей раз на центральном участке — южный участок перешел к русским. Нас снова гнали на убой. И приходилось ожидать повторения уже пережитого, если не худшего. И когда же все-таки кончится это безумие?

Апрель 1944 года

1 апреля во время обеда Шмидт объявил: «После еды построение!» На построении объявили: «Двенадцать человек едут в отпуск». Мы с Кляйном оказались в их числе. Сначала мы даже не поверили, что нас перед отправкой на фронт отпустят домой. В канцелярии у нас потребовали указать точный адрес пребывания в отпуске. Шпис предупредил: «Если ваш полк решат перебросить на фронт раньше, вас тут же известят об этом и отзовут. И никаких отговорок».

На следующий день мы поездом из Добромила через Чехию отправились на родину.

Отпуск

4 апреля, как раз в Страстной четверг[7] я прибыл домой. Мои родители, сестры Роза и Ветти были на седьмом небе — я свалился как снег на голову! Но радость омрачалась тем, что мой брат Берт до сих пор не давал о себе знать. Считалось, что он пропал без вести под Сталинградом. Но мы опасались и худшего.

Я отдыхал, но пришлось и поработать. Отец мой был лесничим, поэтому всю неделю отсутствовал дома. Ночевал он обычно в домике в лесу. Мы держали корову, двух коз, свинью и кур. Надо было повозиться и в небольшом саду. Сено мы приобретали на окрестных подворьях или же косили сами на лугах, принадлежавших лесничеству. За сено полагалось отработать. Денег хватало лишь на пропитание — отцу платили всего ничего, хотя тогда приходилось работать по 60 часов в неделю. Кроме того, продукты питания из-за войны были по карточкам. Если ты забивал, например, свинью, то должен был сообщить властям — часть мяса полагалось сдать государству. Если же ты задумал тайно забить кабана, за это вполне можно было загреметь в концлагерь.

В понедельник после Пасхи меня пригласили на встречу в ресторанчик местные фюреры НСДАП Брандль и Хазельбауэр. Чтобы не прослыть противником режима, пришлось пойти. Нас было 15 человек отпускников, и нас вознамерились угостить на славу. Но, несмотря ни на что, настроение у меня было ни к черту, потому что я понимал, что уже очень скоро снова в окопы. Кроме того, я был всерьез обеспокоен судьбой брата.

Зашел я и к своему работодателю Марбахлеру в Бруннбахе. Надо было сходить — кто знает, может, больше и не свидимся.

Это было в пятницу 19 апреля. В Родельсбах приехала почтальонша передать мне телеграмму, в которой говорилось, чтобы я немедленно возвращался в войска. Прибыть надлежало в местечко Миллек под Краков.

Отец еще не вернулся с работы, он приехал только вечером в субботу — так что я и попрощаться с ним не смог. Мать была сама не своя — еще бы: один сын неизвестно, жив или погиб, другой отправляется на верную смерть.

На следующий день было горестное прощание с матерью и сестрами, они перекрестили меня на дорогу и наказали быть поосторожнее, чтобы вернуться домой живым и здоровым. С тяжелым сердцем я дневным поездом из Гросраминга через Чехию отправился в Польшу с отпускным свидетельством,

дававшим мне право отдыхать еще целую неделю. Можно было, конечно, остаться и догулять эти дни, но местные наци наверняка были в курсе всего и тут же настучали бы на меня куда следует. Что-что, а язык у этих господ был подвешен хорошо, они готовы были вступить в любую человеконенавистническую организацию, тем более, что они палец о палец не ударяли, только вопили лозунги, призывы, да следили за своими односельчанами. А потом, как это обычно бывает, били себя в грудь — мол, мы что, мы ничего, мы — порядочные бюргеры.

Назад в безумие

В воскресенье в 10 утра я прибыл в Краков. Вскоре я встретил Кляйна и еще нескольких отпускников.

В вокзальной комендатуре нам было сказано, что 7-я батарея вчера отправилась куда-то на центральный участок. На военном грузовике мы добрались до Миллека, там располагался полигон. Штабная батарея как раз занималась разгрузкой всего необходимого. Шпис велел нам ехать вечером в направлении Минска. Меня и еще одного бойца отрядили охранять вагон — и здесь вовсю орудовали партизаны. Но отъехали мы по расписанию и добрались без происшествий.

Неподалеку от Минска мы остановились на какой-то станции. Я решил сходить забрать полагавшийся мне сухой паек. Но, выйдя из станционного здания, окаменел — поезд, оказывается, уже отправился! Без меня! Я стоял с этим пайком в руках, без оружия, без всего — все осталось в вагоне. Я всерьез испугался — я понимал, что ожидает тех нерадивых солдат, которые теряют оружие, — штрафная рота! А там шансы выжить — нуль! Несколько русских женщин, глядя на меня, от души потешались. «Ну и кретин же я!» — мелькнуло у меня в голове.

Примерно час спустя пришел поезд — паровоз, с прицепленными к нему вагонами. Я к машинисту, он оказался русским, направлялся в Минск и согласился подбросить меня. Вагоны были заняты отпускниками. Я рассказал им о своем приключении. Когда мы прибыли на следующую товарную станцию, я выскочил из поезда и увидел на соседних путях наш вагон, с разместившейся в нем штабной батареей. Бегом бросился к нему, вскочил в вагон и сразу же к себе в купе. Оружие, слава богу, на месте. У меня гора с плеч свалилась. Мои товарищи хохотали надо мной — мол, растяпа. Но все были довольны, потому что эта история, на мое счастье, закончилась благополучно.

26 апреля мы прибыли в Оршу. 7-я батарея как раз разгружалась. Мы с Кляйном доложили о возвращении из

отпуска, и нас сразу же подключили к работе — разгружать снаряды. Работали мы несколько часов.

В 4 часа пополудни вдруг объявили воздушную тревогу. Появились русские самолеты и стали бомбить станцию. Но наши зенитчики открыли по ним огонь из 8,8-см орудий и прогнали их.

Когда стемнело, мы маршем отправились в Горки, это примерно в 40 километрах от Орши.

Несмотря на то что стоял конец апреля, погода была ужасная. Постоянный дождь, иногда и снег. Дороги в ужасном состоянии, понятно, что со всем этим мы сталкивались не впервые, но есть вещи, к которым просто невозможно привыкнуть. Вокруг были леса, откуда партизаны внезапно атаковали нас. Поэтому мы получили приказ открывать огонь без разбору и по гражданским лицам, приблизившимся менее чем на 20 километров к линии фронта. Мол, такие тоже считаются партизанами. В своих деревнях им не разрешалось покидать жилища с наступлением темноты.

Одолев за две ночи путь, мы в три часа утра прибыли в Горки.

Неделю я выполнял обязанности выдвинутого корректировщика огня. Времени не хватало даже на сон — в мою задачу входило изучить район предстоящих стрельб перед нашими позициями. Всегда наготове, постоянно следить, чтобы враг не захватил тебя врасплох, ведь до его позиций два шага, и ко всему иному и прочему дождь, этот нескончаемый дождь, и ты промок до костей, и нервы на пределе. По ночам время от времени открывали заградительный огонь. Из-за участившихся атак партизан приходилось утраивать посты боевого охранения.

На какое-то время на всем Восточном фронте наступило затишье. Но мы-то не знали, что Красная Армия воспользовалась им для подготовки крупномасштабных операций с целью полного разгрома группы армий «Центр».

Май 1944 года

Когда меня перестали использовать как корректировщика огня, наш лейтенант отправил меня наводчиком на второе орудие. Командиром расчета был 16-летний кандидат в офицеры, только что из военного училища.

Внезапно весь наш дивизион срочно отправили в тыловой район на борьбу с партизанами. Целые сутки мы подвергали беспрерывному обстрелу обширный участок леса. Пехота также участвовала в этой операции. Она прочесывала местность. Целью операции было предотвращение окружения нас врагом в Орше и ликвидация партизан в нашем тылу.

После этого неожиданного рейда нас снова бросили на

передовую. Мы обстреливали стратегически важные цели — мосты, участки дорог, чтобы замедлить передвижение войск противника.

До 20 июня мы еще удерживали линию обороны, но потом контратаки русских участились.

В ночь на 17 июня создалась угроза прорыва русских танков на наш правый фланг. Мы оказались втянуты в ожесточенные оборонительные бои. Весь дивизион не отходил от орудий — мы стреляли и стреляли. Руководимые страхом, мы творили немыслимое. И нам все же удалось совладать с натиском русских, хотя мы понимали, что предприми они еще одну такую попытку, и нам не удержаться.

После этого началось отступление нашей 157-й дивизии. По ночам мы сменяли позиции, отходя в тыл, а днем кипели оборонительные бои. Мы не давали русским подойти к нам вплотную, чтобы всегда иметь возможность отхода.

Группа армий «Центр»

Июнь 1944 года

В кровавом четырехугольнике между Минском, Витебском, Оршей и Бобруйском кроме моей 157-й дивизии сражались еще тридцать семь общей численностью в 37 ООО человек. Нам же противостояли 180 советских дивизий.

Кроме того, в распоряжении Советов имелось:

6000 танков.

5000 артиллерийских орудий.

7000 самолетов.

В то время, как у нас:

1500 танков.

1500 артиллерийских орудий.

1200 самолетов.

В общей сложности Красная Армия бросила в бой около 2 миллионов солдат. Наше поражение было предопределено.

Русские с 22 июня по начало июля 1944 года сумели продвинуться на запад более чем на 300 километров. Мы оказались полностью отрезанными. Потери группы армий «Центр» к этому времени равнялись почти удвоенным потерям во время катастрофы под Сталинградом. А там было разгромлено 28 дивизий общей численностью 350 000 человек.

Гиммлер, в речи перед гауляйтерами в Познани 3 августа 1944 года, заявил следующее:

«Мы должны уяснить, что подобный разгром имеет под собой абсолютно невероятную причину — нет и не может быть внятного объяснения тому, что группа армий такой величины просто бесследно исчезает!»

Прибегая к вот таким сомнительным доводам, виновники гибели миллионов и миллионов людей пытались снять с себя ответственность.

Задним числом вынужден констатировать, что нами правил режим, для которого было совершенно безразлично, к какой расе ты относился, к «нашей» или же к «чужой». К этому следует добавить, что эти безумцы не имели ни малейшего представления ни о военной стратегии, ни о ведении войны вообще. В своей мании величия они были склонны к неверной оценке любой ситуации. Не говоря уже о том, что привело к гибели огромного числа солдат, о миллионах погибших в концлагерях и в результате варварских бомбардировок обеих сторон.

22 июня Советы перешли в наступление. Размах этой операции далеко превосходил все, что предпринималось до сих пор в ходе Второй мировой войны.

Для нас же, солдат 7-й батареи, это снова означало безнадежное отступление с боями, новый этап гонок со смертью. Ни о капитуляции, ни о добровольной сдаче в плен никто и не помышлял. К тому же нам постоянно втемяшивали в голову: «Русский плен — гибель!» Соответственно, русского плена страшились пуще чумы, вот поэтому и выбирали бегство как наименьшее из зол.

И мы по непроезжим дорогам отступали, отходили с боями. Чаще всего ночью. Мимо Орши, превращенной бомбежками и артобстрелами в сплошные руины.

Занимался день. Мы до сих пор так и не вышли к рокадному шоссе, тому, которое на протяжении всей кампании в России служило основной транспортной артерией, по которой осуществлялся войсковой подвоз.

Вдруг нам было приказано: немедленно занять позиции в открытом поле — рокадное шоссе уже в руках Красной Армии. В тот день нас непрерывно поливала снарядами русская артиллерия, включая знаменитые «катюши». Земля содрогалась, вокруг грохотало до боли в ушах. В воздух швыряло и технику, и людей. Впряженные в телеги лошади, обезумев, носились повсюду. Многие погибли от прямых попаданий. Мы оказались в безвыходной ситуации. Кое-кто, кто еще мог, пытался укрыться и даже окопаться в свежих воронках. Ни о каком отпоре неприятелю речи не было. В любую минуту можно было ожидать,

что и в тебя угодит снаряд. Вот тогда сразу все бы и кончилось. Немецкая сторона уже была не в состоянии организовать воздушную оборону. Часть наших «тигров» и мы вместе с нашими пушками обороняли восточные подходы, откуда на нас неумолимо надвигались русские танки.

Я вообще не представлял, как вырваться живым из этой мясорубки. Русские «тридцатьчетверки» обложили нас со всех сторон.

И солнце палило страшно. Насколько свирепыми были здесь, в России, зимы, настолько жарким лето. Густой дым, валивший, казалось, отовсюду, смрад гари едва ли не лишали нас рассудка.

Во второй половине дня наш командир расчета сказал мне: «Если до вечера не погибнем, тогда уйдем с этой позиции». Никто в ответ и слова не промолвил, но каждый думал: скорее всего, конец наш близок.

Когда начало смеркаться, артиллерийская канонада чуть утихла. Вероятно, русские подумали, что, дескать, всех нас перемолотили. Поэтому нашим танкам и нескольким орудиям удалось через неширокую просеку все же пробиться поближе к рокадному шоссе. И когда мы уже подумали, что вырвались, неожиданно из кустов справа загремел пулемет. На моих глазах несколько моих товарищей упали и больше не поднялись. Одного унтер-офицера из нашей группы пули в считаные секунды превратили в решето. Я, обезумев от ужаса, стал подгонять лошадей. Как мы вырвались из этого ада тогда, мне до сих пор непонятно.

В конце концов мы вышли к шоссе и почти до полуночи вместе с другими отбившимися от своих частей пробивались к Минску. На какой-то длинной-предлинной просеке решено было сделать привал. Выставив посты боевого охранения, мы впервые за несколько ночей немного поспали и даже поели из прихваченных с собой запасов провианта.

На следующее утро отход продолжился. Мы шли лесами, полями, оставляя в стороне горящие села. Время от времени случались стычки с врагом. Больше всего потерь происходило от атаковавших нас на бреющем штурмовиков и истребителей. Эти всегда выныривали откуда-то и посыпали нас бомбами и обстреливали из пулеметов и пушек. После таких атак мы всегда недосчитывались повозок или грузовиков, не говоря уже о наших товарищах. От тех, кто получал пулю в голову, говорили, что им, мол, «повезло» — потому что другие бойцы погибали в страшных муках от полученных тяжелых ранений, призывая смерть как избавление.

29 июня 1944 года мы, едва забрезжил рассвет, добрались до

реки у Борисова. Метрах в двухстах от деревянного моста мы остановились. Через равные интервалы мост подвергался атакам русских с воздуха — штурмовики противника без устали бомбили его. Бойцы саперного батальона к полудню каким-то образом ухитрились кое-как восстановить его, и мы сломя голову переправились на другой берег. Едва оказавшись там, мы замаскировали орудия в прибрежных кустах. Восточный берег уже вовсю обстреливали русские. Окопавшись на берегу, мы рассчитывали, что нас никто не заметит. Несмотря на страшную усталость, спать никто не мог. Только к ночи мы смогли продолжить отступление.

На следующий день утром, увидев недалеко от дороги кукурузное поле, мы решили укрыться на нем и отдохнуть. Внезапно с того места, где мы оставили третье и четвертое орудия, защелкали выстрелы, послышались крики. Над нашими головами засвистели пули. Русские, заметив нас, неслышно подкрались и, обстреляв несколько наших орудийных расчетов, наповал убили нескольких наших солдат. Счастье, что я находился у первого и второго орудия, которые попались на глаза русским уже потом. Но тут мы не выдержали. Взявшись за оружие, мы стали обороняться. Русские были удивлены не на шутку. Поскольку на подкрепление им, судя по всему, рассчитывать не приходилось, они были вынуждены отступить. В этом бою 16-летний кандидат в офицеры получил ранение в живот. Мы с несколькими товарищами оттащили его к шоссе, а там погрузили на чудом подвернувшийся санитарный грузовик. Но мальчишка вряд ли выжил. И не только по причине серьезности ранения, но еще и потому, что и грузовик этот мог спокойно не доехать до места назначения. А остальные шестеро так и остались лежать на том кукурузном поле. Пришлось оставить и два орудия.

Июль 1944 года

Наше отступление продолжалось, нам ничего не оставалось, как отходить. Мы как могли пытались срезать путь, потому что продвигаться непосредственно по шоссе было весьма рискованно — русские не оставляли его в покое. Иногда, чтобы укрыться от вездесущих штурмовиков, мы выбирали полуразрушенные деревни. Но они настигали нас и там. Жуть, да и только — повсюду у обочин трупы, часть из них обезображены до неузнаваемости. Никто из водителей даже не соглашался увезти их. Впрочем, и наши командиры руки опустили, короче говоря, мы медленно скатывались к хаосу, анархии. Каждый спасал только себя, и нечего было рассчитывать на чью-то помощь.

Царило всеобщее отчаяние.

Вот я пишу сейчас об этом, восстанавливая в памяти пережитое, и у меня не укладывается в голове, как подобное безумие вообще стало возможным. Мы в буквальном смысле слова оказались брошенными на произвол судьбы. И кошмарные события тех дней запечатлелись в памяти на всю оставшуюся жизнь. Это был такой кошмар, что я до сих пор не могу понять, как я вообще остался жив. Скольких же ангелов-хранителей нужно иметь, чтобы вырваться из такого ада? А тысячи моих товарищей, похоже, и одного-то не имели. Нет, словами этого не описать. Да и никакому кинофильму не под силу передать тех ужасов.

Под вечер, добравшись до какой-то полянки, мы решили стать на привал. Легкие орудия мы уничтожили — они только обуза при отступлении. Боеприпасы пришлось зарыть в землю — чтоб враг не воспользовался.

Внезапно появился лейтенант, командир батареи. Последние два дня о нем не было ни слуху ни духу. Он явился с приказом, поступившим по радио: «Пробиваться на запад на свой страх и риск». Этот приказ и послужил окончательным подтверждением тому, что группа армий «Центр» перестала существовать.

Мы быстро разобрали целый грузовик с провиантом. Я тоже запасся впрок консервами и хлебом. Прихватил и патронов. Теперь у каждого оставалось лишь одно оружие — винтовка.

От нашей батареи осталось всего 50 с небольшим человек. Где были остальные, обозные, например, или из подразделения боепитания — то ли погибли, то ли отправились другим путем, мы не знали.

Решено было разделиться на группы по шесть человек с унтер-офицером во главе. «Когда стемнеет, выходим, если кого-то ранит, его обязательно забрать с собой, а группу ни в коем случае не разбивать» — таков был приказ. Мы прихватили с собой пулемет и трассирующие пули. Через лес мы к десяти часам вечера благополучно добрались до шоссе.

Там нашим взорам предстала ставшая обычной картина разрушения и уничтожения. На многие километры протянулись подожженные или сгоревшие грузовики. Исправные машины приходилось все равно бросать — большинство были с пустыми баками, но будь даже они с полными, толку от этой техники было мало: дорога была сплошь изрыта воронками, да и партизаны не дремали — заваливали шоссе спиленными деревьями. Вдруг непонятно откуда ударил пулемет. Мы бросились врассыпную, пытаясь укрыться за полусгоревшими машинами. «Нет, лучше уж отсидеться и не терять надежды!» — сказал я себе, а другие

попытались пробежать дальше. Наша крохотная группа моментально рассеялась. Когда стрельба прекратилась, я решил бежать дальше. К четырем утра я вышел к речке и там наткнулся на наших. Мост через эту речку оказался взорван, но мы по оставшимся балкам кое-как перебрались на противоположный берег. Там мы первым делом вдоволь напились и наполнили фляжки, в которых уже ни капли не осталось. Потом все утро топали через равнину, пока не добрались до железнодорожного полотна. Это была линия Борисов — Минск. Пару дней назад здесь кипел бой — повсюду валялись трупы, в том числе и русских.

Едва мы перешли через насыпь, как на нас вновь обрушились снаряды неприятеля. Один из них разорвался метрах в десяти позади меня. Взрывной волной меня отбросило в сторону, осколки провизжали у самого уха. У меня дыхание перехватило. Липкая от крови спина словно огнем горела — меня полоснуло осколками. Но времени опомниться не было. Нужно было уходить из опасной зоны. И мы снова побрели на запад.

День уже клонился к вечеру, когда мы, теперь уже семеро, причем никого из этой группы я не знал, остановились заночевать в небольшом лесочке. Один из бойцов наскоро обработал мои раны и перевязал их. Слава богу, они оказались неопасными. Я разделил остававшиеся у меня хлеб и консервы на всех. Мы валились с ног от усталости и выпавших на нашу долю нечеловеческих испытаний и не надеялись на лучшее. Никто представления не имел, как действовать дальше. Мы были на пределе сил, натертые сапогами ноги распухли — вот мы и свалились там, где стояли. Но я все же решил предупредить: давайте хоть одного выставим в охранение. Выставили. И каждый час сменялись. Вот так мы сумели урвать несколько часов на отдых.

4 июля 1944 года

В 3 часа утра мы поднялись и снова зашагали вперед. Добрались до пригородов Минска. Оказывается, русские еще дня два назад захватили город. Мы решили обогнуть Минск с юга через кустарник. Но тут снова раздался ставший хорошо знакомым вой самолетов. Русские подвергали участок, где мы оказались, постоянной бомбежке. Небо заволокли клубы черного дыма. Повсюду убитые лошади, расщепленные снарядами и бомбами деревья. В знойном воздухе стоял смрад разлагающейся плоти. При угрозе с воздуха приходилось укрываться за корневищами выкорчеванных взрывами деревьев. На нас градом сыпались осколки. И никто тогда не решался загадывать дальше,

чем на минуту вперед.

Страх не покидал нас ни на минуту. Страх оказаться раненым и мучительно умирать. Страх быть убитым или плененным. Один кошмарный день сменялся другим таким же, я даже не утруждал себя тем, чтобы спросить, какое сегодня число. Время утратило значение.

В неглубоком овражке собралось около полутора сотен наших бойцов. Присутствовали и офицеры. В распоряжении этой группы имелось даже вполне исправное штурмовое орудие. И, к моему изумлению, я обнаружил вахмистра Шмидта и Александра Кляйна. Шмидт тут же ввел меня в курс обстановки: «Русские заняли всю западную часть города, мы с Кляйном тихонько проберемся туда и узнаем, в чем дело». Вероятно, это было ошибкой, при условии, что к подобным ситуациям вообще применимо такое понятие, как ошибка — тут уж приходится целиком и полностью полагаться на чутье. Я долго прождал их обоих на опушке леса. Но тщетно. Больше я ни Шмидта, ни Кляйна не видел.

Некоторое время спустя послышался зловещий гул танковых двигателей. И вот показался первый. Мы в панике стали разбегаться. Кто-то из офицеров крикнул: «Ложись!» А один лейтенант все же подбил танк из фаустпатрона.

Когда стемнело, на нас стала надвигаться еще парочка танков. Они как раз и занимались поиском и отстрелом вот таких отбившихся от своих частей горемык, как мы. Расчет штурмового орудия тут же занял оборону. Последовала непродолжительная схватка. Скорее всего, русские никак не рассчитывали, что им дадут отпор, в противном случае они действовали бы по-другому. Нашим удалось поджечь обе вражеских машины. Никто из экипажей и сопровождавших танки русских пехотинцев не выжил.

Мы возобновили путь на запад. Но далеко уйти не удалось — вдруг мы набрели на вражеские позиции, преодолеть которые не было никакой возможности. В общем и целом нас обложили со всех сторон, так что нечего было и думать выбраться из кольца окружения незамеченными.

В конце концов офицеры, посовещавшись, решили: «Если хотим все же выйти к нашим позициям на западе, русских все равно не обойти, так что ночью придется прорываться с боем. Иного выхода нет». Война есть война, а приказ есть приказ. Все понимали, что они — реальные кандидаты в покойники. Записали для порядка номера наших прежних дивизий, а для нас, 150 человек, это означало, что ночью, улучив момент, предстоит вступить в открытую схватку с врагом. Плен? Да подобные вещи просто никому не приходили в голову, потому что русского плена

страшились куда сильнее, чем гибели в бою.

Под покровом темноты мы почти вплотную подползли к позициям русских. Как только противник обнаружил нас, мы, стреляя на ходу, с криками «ура!» устремились вперед. Вспышки выстрелов, свист пуль над головой, крики раненых — словом, снова все та же бессмысленная, кровавая бойня. Никто ничего не видит, тьма кромешная. Меня пока что даже не зацепило. Я укрылся за толстым стволом дерева и, трясясь от страха, выжидал. И даже когда стрельба утихла, я не решался сдвинуться с места, хотя и понимал, что долго засиживаться здесь рискованно. Я был один и не знал, кто из наших погиб, а кто остался жив. Какое-то время спустя, глубокой ночью я попытался определить, где запад. Каким-то образом я сумел проскользнуть незамеченным через позиции врага. Похоже, русские особо не тревожились, считая, что с нами покончено, и не желали лишний раз подвергать себя опасности. Тем лучше для меня.

Оставшиеся ночные часы прошли спокойно. Вдали то и дело мелькали сигнальные ракеты — ориентир для рассеявшихся бойцов, малыми и большими группами со всех сторон устремлявшихся сейчас к западу через территорию, занятую врагом.

6 июля 1944 года

Едва рассвело мы, отступающие, поняли, что мы для неприятеля как на ладони — мы очутились на бескрайней равнине.

И верно, не прошло и нескольких минут, как вдали показались русские танки. Они явно ехали прямо на нас. А позади под защитой бронированных колоссов двигались и пехотинцы. Наши группы тут же рассыпались — самое главное не попасть под обстрел, выйти из зоны досягаемости огня. Никаких возможностей противостоять такому натиску у нас не было. Только бежать прочь. Неважно куда. Куда угодно, но бежать. И вновь бежал, спасая жизнь. Нас оттеснили к низине, где протекала речка, берега поросли кустарником, за которым можно было укрыться. Течение было довольно бурным, но, невзирая на это, мы должны были во что бы то ни стало перебраться на другой берег — только так можно было уйти от танков противника. Недолго думая, мы бросились в воду и попытались вплавь преодолеть водную преграду. Кое-кто из бойцов попытался сделать это верхом на лошадях. Я уцепился за хвост одной из них. Промокнув до костей, я выбрался на берег. Сам бог велел передохнуть. Тут мы и попались на глаза местным крестьянам, которые, глядя на нас, сочувственно качали головами и говорили:

«Вот те на! Вчера наши на постой пришли, а сегодня, выходит, опять немцы! Ну и ну!»

Несмотря на жару, я жутко продрог. И тут на меня черт знает, что нашло — я стал кричать: «Какого черта! Нам все равно не добраться до своих!» А потом улегся на землю, заявив, что дальше никуда не пойду.

Да, все эти ужасы, тяготы, голод, неотступно преследующая тебя смерть кого угодно с ума сведут. Вот и я дошел до точки — мне вдруг стало на все наплевать.

Какое-то время спустя ко мне подошел один из наших. Поскольку враг себя пока что не обнаруживал, я понемногу пришел в себя. Поднялся, и мы, не торопясь, одолели пару километров и подошли к засеянному полю. И решили здесь отдохнуть. На этом поле нашли временное пристанище еще с полсотни наших отступающих. Я и не заметил, как провалился в глубокий сон. Самое главное было сейчас поспать, а то я и не знаю, что стало бы со мной.

Когда я несколько часов спустя проснулся, тут же заметил, что офицеры, тоже отдыхавшие поблизости, уже успели улепетнуть.

Вот я и предложил своему товарищу, тому самому, который привел меня в чувство и с которым мы сюда пришли: «Давай-ка тоже делать отсюда ноги, лучше все же не идти скопом, так безопаснее».

Нас собралось пять человек, и мы проскользнули к краю поля. И тут где-то неподалеку раздался шум моторов. Почти рядом пролегала дорога, по которой двигалась колонна грузовиков русских. Мы замерли. Когда машины прошли, мы по одному перебежали дорогу. Так мы шли весь день, потом набрели на какое-то болото.

Трудно было идти по трясине и, самое главное, медленно. А тут еще и эти проклятущие комары. Но зато множество кустов, за которыми не составляет труда укрыться. И вот у одного из них мы решили сделать привал. Солнце палило как в тропиках. И пить хотелось страшно. Пришлось довольствоваться затхлой водой из луж. Едва утолили жажду, как дал о себе знать голод. И мы решили передвигаться только в темное время суток, а днем где-нибудь отсиживаться.

Но все вышло не так, как мы задумали. Едва мы скинули сапоги, чтобы дать отдых натруженным ногам, как услышали гул разведывательного бронетранспортера. Машина перла прямо на нас, наверняка русские заметили нас и торопились разделаться с нами. Не доехав пару десятков метров, бронетранспортер замер на месте. Двое русских сидели впереди, а трое стояли за

пулеметом. Ствол медленно повернулся к нам. «Ну, все, — подумал я, — вот и пришел твой конец». Мы все едва не наложили в штаны от страха и неожиданности. Русские жестами дали понять, чтобы мы сдавались. А мы понятия не имели, как в данной ситуации поступить. И вот в одну секунду мы бросились врассыпную, как перепуганные куры. И тут же за спиной затрещал пулемет. Но пули на удивление прошли поверх голов.

Ведь им ничего не стоило перестрелять нас, как зайцев. Как мне представляется, они не пошли на это потому, что мы побросали наши винтовки. Как, разумеется, и сапоги. Отмахав несколько метров, я сообразил, что и носки тоже потерял. Добежав до кустарника, мы залегли и прислушались. Русские не бросились за нами вдогонку.

Потом мы пробирались полями. В небольшой балке стояло несколько домов. В километре от нас на возвышении расположилось село. Подойдя поближе, мы увидели, как из домов вышли несколько старушек. Мы попросили дать нам напиться. Они сразу же поняли, что мы удираем, и видом своим выразили сочувствие. Нам вынесли большой деревянный таз с кружкой. Прохладная вода показалась нам удивительно вкусной. Дали нам и по ломтю хлеба. Мы были очень благодарны этим людям.

Неподалеку на холме мы заметили группу мужчин, правда, так и не разобрались, кто это — немцы или русские. Решили расспросить местных женщин, но те в ответ пожимали плечами и говорили, что, мол, не понимают, чего мы от них хотим.

Мы все-таки направились к этому селу. Село было маленькое, несколько хат. И в этих хатах разместилось около трех десятков немцев. На противоположной стороне в окопах залегли русские. Ни стрельбы, ни криков оттуда не доносилось. Вдруг я почувствовал страшную усталость, да и остальные едва ноги волочили. Усевшись за каким-то сараем, я тут же уснул.

Еще не наступил вечер, как я проснулся от грохота. Русские открыли огонь по селу. Домишки тут же занялись огнем — ведь в России в сельской местности каменных домов практически не встретишь, только деревянные с крытыми соломой крышами.

Мы решили отступить, спускаясь вниз по обрыву, но не учли, что тут же станем для русских мишенями. И поплатились за свою беспечность — несколько наших погибло. Прямо у моих ног замелькали фонтанчики земли. И как это уже не раз случалось, мне и сейчас повезло — ни одна из русских пуль меня не задела.

Мне начинало казаться, что идет нескончаемая охота, а я выступаю в роли дичи. И все же мне и еще десяти нашим солдатам удалось уйти. Мы двинулись за заходившим солнцем на запад. И всю ночь так и прошагали вместе.

Снова перед нами лежала охваченная огнем деревня. В воздухе отчетливо пахло горелым мясом, тленом, повсюду валялись винтовки, автоматы. Тем из нас, кто потерял личное оружие, было что прихватить с собой. Мы до сих пор надеялись пробиться к своим. Зная, что русские оттесняют их на запад, мы понимали и другое — что расстояние до нашей линии обороны с каждым днем увеличивается.

Весь этот район находился под полным контролем Красной Армии, русские были повсюду: в лесах, полях, селах, подкарауливая заблудившихся немецких солдат, чтобы тут же без долгих разговоров расправиться с ними.

Днем мы обычно отсыпались в укромных местах, а ночами продолжали идти. Ведь речь шла о жизни и смерти. Кроме постоянного страха нас донимали голод и жажда. Иногда нам везло — удавалось накопать немного картошки на крестьянских огородах или полях, пришлось попробовать и зерно прямо в колосьях. Пить приходилось из луж или речек. Так что понос и рези в животе стали для нас делом обычным.

9 июля 1944 года

Наступил последний день свободы, при условии, что выпавшие на нашу долю адские муки можно считать свободой. Незаметно передвигаться с каждым днем становилось все труднее и труднее.

Зайдя в лес, мы все расположились в куче хвороста. Однако сидеть в ней в такую жару было невмоготу. Ни еды ни питья. Приходилось переговариваться шепотом, потому что вокруг ежеминутно шныряли русские солдаты.

С наступлением темноты мы снова отправились в путь. Ноги мои были изодраны в кровь, ведь уже несколько дней я шел без сапог.

После странствования по полям и лугам часа в три утра вдалеке мы разглядели кусты и деревья. Там мы и решили укрыться на день. Кое-кто из нас, те, кто окончательно выбился из сил, стали поговаривать о том, чтобы сдаться русским в плен. Мол, все равно, шансов добраться до своих практически никаких.

Добравшись до этого небольшого лесного массива, мы вдруг услышали русскую речь. Русские солдаты уже давно наблюдали за нами. Мы тут же бросились на землю, но стрельбы не последовало. Тогда мы бросились в кусты и затаились там — жест чистого отчаяния. Русские, а их тут было не меньше роты, окружили нас на бронетранспортерах. Все, нас взяли в клещи. Ситуация создалась безвыходная.

Русский лейтенант, немного говоривший по-немецки,

выкрикнул: «Товарищи! Выходите! Вам ничего не будет!» Выбора не было. Положив оружие на землю, мы все лихорадочно стали срывать с себя награды и знаки различия. Я с поднятыми вверх руками вышел первым, за мной и остальные.

Офицеры и солдаты навели на нас автоматы, и мы уже подумали, что сейчас они просто прищелкнут нас без долгой кутерьмы. Нас обуял такой страх, что ноги отказывались повиноваться. Нам ведь без конца твердили о жестокостях, творимых в отношении немецких пленных. У нас сразу же отобрали часы и сапоги. Впрочем, что касалось меня, отбирать было особенно нечего — сапоги мои остались бог знает где, а вот часики у меня изъяли. После этого нам позволили сесть на полянке. Мы попросили поесть и попить. Воду нам принесли, а вот насчет еды было сказано: «Нет!» Надо сказать, лейтенант был настроен вполне дружелюбно. Он даже пытался успокоить нас. «В советском плену вам будет хорошо».

Теперь на наших попытках прорваться к своим можно было ставить крест. Мы поняли это не сразу, а когда поняли, нас охватило безграничное отчаяние — наши судьбы теперь полностью зависели от наших «врагов».

Плен

Стоит мне сегодня вспомнить все свои три отступления — Курск — Орел в августе — октябре 1943 года, прорыв из кольца окружения под Черкассами в феврале 1944 года и наконец Оршу — Минск в апреле — июле 1944 года, постоянные бомбежки, обстрелы, не дававшие нам покоя танки, голод, грязь, вшей, истощение и то, что я в такой обстановке, невзирая ни на что, выжил, все кажется мне просто чудом.

А тогда мне предстоял путь в советский плен, неведомый, который, вполне вероятно, мог стать и моим последним. Ведь не столько бои, сколько именно русский плен внушал нам, солдатам, безотчетный страх.

Из исторических материалов более позднего периода я узнал, что из группы армий «Центр» в июне — июле 1944 года погибло 200 тысяч солдат и офицеров, включая и 10 генералов. Другие 85 тысяч, включая 21 генерала, оказались в плену, том самом русском плену, которым нас столько лет пугали.

И ничтожной доле, а именно семистам нашим бойцам, удалось перейти линию фронта в районе Бреста у польской границы.

Путь в плен

Было 7 часов утра 10 июля 1944 года. Нас, 12 взятых в плен солдат, шестеро советских солдат с автоматами отконвоировали в более крупный населенный пункт, расположенный примерно в 20 километрах. Солнце немилосердно пекло, грозя превратить нас в мумии. По пути русские давали нам пить, но воды катастрофически не хватало. От голода у нас сводило животы — ведь мы на протяжении нескольких дней толком не ели. Я опасался, что и впредь в этом смысле мало что изменится. Так мы добрались до поля, окруженного колючей проволокой. На этом отграниченном от остального мира участке находилось несколько сотен наших пленных. Но из нашей части не было никого, У входа дежурили молодые, нагловатые солдаты — охранники. Нам было приказано сдать все личные вещи, включая подтяжки, поясные ремни. Когда мы попытались возражать, нам крепко поддали и в конце концов заставили. Нас буквально выпотрошили. Вечером нас пригнали в какой-то колхозный сарай. Народу набилось битком, только и оставалось места, чтобы сидеть. Ни о каком сне в такой давке не приходилось и мечтать.

В этом сарае мы пробыли трое суток. Раз в день нам давали жидкую бурду — капустный суп, и больше ничего. Отправлять естественные надобности приходилось не сходя с места. Нетрудно было представить, что ждет нас впереди.

На четвертый день нам сказали, что предстоит пеший марш через Минск в направлении Могилева, то есть нам предстояло на своих двоих, да еще в таком состоянии отмахать около 300 километров. За девять дней мы их одолели. В дорогу каждому вручили пакет (250 г) пшенной крупы. Представьте себе — крохотный пакетик крупы на 9 дней пешего пути в пару сотен километров. Сначала мне показалось, что я чего-то не понял. Ведь кроме разницы мировоззрений существовал и постоянно давал о себе знать и языковой барьер. В состоянии крайнего физического истощения, в котором пребывали пленные, никто не решился бы предсказать дальнейшую их участь.

Под сильной охраной и начался наш тяжкий путь, никто не знал, когда, как и где ему суждено завершиться. В полдень всегда следовал привал, мы раскладывали костерок, на огне которого мы варили кашу. Я заваривал и чай из листа малины, который собирал тут же. Чай придавал сил.

Нашу колонну охраняли конные конвоиры. Вечером охранники всегда выбирали хорошо обозримое поле. Там мы усаживались на голую землю и пытались заснуть. По ночам было холодно, чуть ли не до нуля. Прибившись друг к другу, как овцы, мы пытались отогреться. Территория освещалась мощными

прожекторами, куда ни глянь, повсюду на нас смотрели дула пулеметов. Ни о каком побеге и речи не могло быть, не будь даже охраны — сил не было никаких.

Каждое утро мы двигались дальше. Я уже не чувствовал в кровь сбитых ног — ведь я с первого дня плена так и ходил босиком. Из-за жары, голода и жажды я страдал от приступов головокружения. Все труднее и труднее было устоять на ногах. Некоторых приходилось поддерживать, если они падали, то уже не поднимались. Таких обычно отправляли в хвост колонны, ну а какова была их дальнейшая судьба, остается лишь догадываться. Мы, по крайней мере, запрещали себе даже думать об этом. Иногда раздавались выстрелы, вероятно, так избавлялись от лишней обузы в пути. С нами обращались как со скотиной, когда скотина заболевает, ее просто из милости пристреливают. Как же низко способен пасть человек!

Как правило, раз в день на нашем пути оказывалась речка. Нам разрешалось помыться и вдоволь напиться воды. Но это мало улучшало наше физическое состояние, что же касается психического, тут уж каждый дошел, как говорится, до точки. От многих наших приходилось слышать: «А мне наплевать, когда меня пристрелят, сейчас или потом»,

23 июля, после девяти дней пешего марша мы на излете физических сил добрели наконец до Могилева. Но не все добрели. Тех, которые были не в состоянии идти, либо пристрелили, либо они сами умерли от истощения. Их могилы так и канули в неизвестность.

В Могилев прибыли колонны пленных со всех направлений. Нас, 7 тысяч человек, разместили в здании полуразрушенной фабрики, обнесенной колючей проволокой.

Следующие две недели прошли в томительном нервозном ожидании. К голоду и жажде, ставшим нашими постоянными спутниками, прибавилось и тоскливое чувство неопределенности. Раз в день нам давали котелок водянистой похлебки и кусок хлеба. Спали мы на голом бетонном полу или же на листах железа, как кому выпадет.

Потом половину пленных отправили по железной дороге куда-то в сторону Москвы. Об их судьбе мне ничего неизвестно.

Меня же вместе с русскими саперами отрядили в рабочую группу восстанавливать разрушенный мост через Днепр.

Русские имели обыкновение повторять нам: «Гитлер капут!» Речь шла об известном покушении на Гитлера 20 июля 1944 года, совершенном группой фон Штауфенберга в ставке фюрера «Волчье логово». Мы надеялись, что и войне конец, и что всех нас отпустят домой, как обещал взявший нас в плен русский офицер.

Да не тут-то было — Гитлер чудом остался жив.

После двух недель работ у реки всех пленных согнали вместе, а нас было около 3 тысяч, и приказали следовать на товарную станцию, где распределили по вагонам для перевозки скота. Если охранникам казалось, что погрузка идет слишком медленно, они прикладами автоматов и пинками подгоняли нас. Стояла августовская жара. Вагоны были переполнены — в каждый нас впихивали человек по 60. Потом задвигали дверь и запирали ее на засов. Было тесно, вонь стояла страшная, хоть нос затыкай. В центре пола было проделано отверстие, служившее уборной. Но все равно пол был жутко загажен, вероятно, следы пребывания здесь прошлой группы пленных. Словом, кошмар. Я отыскал себе местечко у двери, стараясь держаться как можно дальше от зловонной дыры в полу. Раз в день нам передавали хлеба и воды, но это были просто крохи. Особенно страдали мы в те дни от жажды. Поезд шел медленно, нередко наш состав отгоняли на запасные пути для пропуска воинских эшелонов. Нас везли в Киев. И потребовалась целая неделя, чтобы мы туда добрались.

Настал день, когда мы могли покинуть нашу тюрягу на колесах. Ноги не хотели повиноваться, я до сих пор разгуливал босиком. Нас погнали к месту сбора, где уже находилось 40 тысяч пленных. Охраняли нас бронетранспортеры. Среди заключенных поползли слухи, естественно, обманчивые, поскольку к тому времени группы армий «Центр» уже не существовало, но многим отчаявшимся эти слухи придали мужества: «Передовые части германских танковых частей уже на подступах к Киеву, и наши парашютисты вот-вот вызволят всех пленных». Я тогда еще подумал: «Если это произойдет, я тогда перестреляю всех русских, которые мне на глаза попадутся. От них все наши нынешние беды, и голод, и жажда».

В течение нескольких следующих дней были сформированы колонны пленных. Нас в пропагандистских целях прогнали через весь Киев. Из толпы зевак в нас летели камни и другие увесистые предметы, в наш адрес раздавалась брань. Женщины вопили: «Ты, это ты убил моего мужа!» Не позаботься военные о цепи ограждения, нас бы разорвали на куски.

Донецкий рабочий лагерь

После этих унизительных представлений нас пригнали к вокзалу, где уже стояли поезда для отправки нас в разные концы России.

Меня вместе с еще 1 300 немцами и австрийцами и 700 румынами поместили в один из таких поездов. Нам объявили, что везут нас на юго-восток за 600 километров в город Донецк,

расположенный неподалеку от Азовского моря. То есть нам предстояла уже знакомая процедура — скотские вагоны и все остальное. И снова поездка заняла примерно неделю.

Мы оказались в гигантском угледобывающем регионе, называемом Донецкий угольный бассейн или сокращенно Донбасс. Лагерь располагался на окраине, довольно далеко от города, и был обнесен проволочным ограждением. Состоял он из трех дощатых бараков. В общем, впечатление было тягостное. Я невольно поежился, представив себе, каково здесь будет зимой — ведь сквозь эти щели будет страшно дуть. Внутри были сооружены деревянные нары, ни клочка соломы, ни одеял, ни уборной — ее пришлось нам самим выкапывать рядом с бараком. Вскоре к ней было нельзя подойти — все мы страдали страшным поносом, поскольку дизентерия была повальным явлением. Короче говоря, условия были нечеловеческие. Постройки, в которых располагалась кухня и помещение для дезинсекции, были обложены кирпичом.

Комендант лагеря мрачно пробурчал: «Неделю вам на отдых, а потом будем формировать рабочие группы». Как и где предстояло нам отдыхать? Многие пленные после дорожных мытарств, страшного недоедания, жажды представляли собой полутрупы. Почти у всех была дизентерия, да и другие заболевания. И чтобы хоть немного опомниться, прийти в себя, нам требовалась медицинская помощь, сносное питание, причем недели явно не хватило бы.

В день мы получали котел похлебки из кукурузных отрубей на 15 человек. Выдавали и хлеб, но крайне нерегулярно. Впрочем, можно ли было считать хлебом омерзительную намокшую массу явно сомнительной питательной ценности? В этой местности возделывалась исключительно кукуруза, вот поэтому и нам приходилось хлебать бурду из ее отходов. Но как бы то ни было, за правильной раскладкой следили — каждый получал свою норму, и никак не меньше.

Разумеется, и в этих условиях смерть оставалась нашим постоянным спутником. Наиболее слабые и больные мерли как мухи. Трупы их собирали в особом бункере. С наступлением темноты пока еще остававшиеся в живых кое-как присыпали их землей за пределами лагеря.

Сентябрь 1944 года

Постепенно нас разбили на рабочие группы. Каждая группа состояла из 35 человек. Четыре-пять групп составляли сотню, руководить которой поручалось сотнику — кому-нибудь из привилегированной касты пленных, назначаемых

администрацией лагеря. Среди нас было около 60 офицеров, те могли претендовать на приличное место, например переводчика, рабочего кухни или сотника.

В Донбассе было множество угольных шахт. И нам выпало на них работать. Истощенным, страдающим дизентерией и водянкой, нам предстояло еще и вкалывать под землей.

Водянка

Эта болезнь носит медицинское название дистрофия, Возникает она вследствие острой нехватки питательных веществ и, выражаясь научным языком, вызывает дисфункцию клеток организма. Пленные в последней стадии дистрофии представляли собой скелеты, обтянутые кожей. А грудь, брюшина и суставы — мешки с водой. Вследствие постоянных поносов происходило обезвоживание организма, тело уподоблялось мумии. Больных дистрофией отличала полнейшая апатия — предвестник скорой смерти.

Переход от барака до забоя занимал 45 минут. Мы работали в три смены — утреннюю, дневную и ночную, поочередно сменяясь. По восемь часов. Каждому, кто спускался в шахту, полагалась рабочая роба из грубого материала и пара резиновых сапог. Так я впервые за несколько недель получил возможность обуть ноги в сапоги, пусть даже в тяжеленные и неудобные.

Шахта, где я работал, первые недели частично была взорвана, штольни завалены пустой породой. Ни о какой технике безопасности и говорить не приходилось — в любую минуту скопления породы могли рухнуть и заживо похоронить тебя. Все это приходилось откатывать. Восемь часов, без перерыва. И в постоянном страхе погибнуть под обвалом. По окончании смены мы маршем возвращались в лагерь. Многие из наших ослабли настолько, что падали, и их приходилось нести до самых нар. Люди один за другим умирали, и никто не мог ничего с этим поделать. Дни были неотличимы один от другого, с той лишь разницей, что нас становилось меньше.

Сотники и помощники надзирателей назначали похоронные команды, в задачу которых входило ежевечерне выносить до пяти десятков трупов, раздевать их донага и в таком виде хоронить. Естественно, охотников на такую работу отыскать было трудно. Каждый и сам был болен, ослаблен, словом, одной ногой в могиле. Но помощники надзирателей пинками и зуботычинами заставляли нас повиноваться. Однажды, возвращаясь после очередного погребения в барак мимо кукурузного поля, один из заключенных попытался сорвать несколько кукурузных початков. Охранник, заметив это, пристрелил его якобы за попытку к

бегству. Чистейшее безумие. Другой заключенный в припадке отчаяния попытался пролезть под колючей проволокой, но и он тут же погиб от пули часового на вышке.

Сотники и помощники надзирателей, невзирая на то что тоже были немцами и австрийцами, иногда вели себя так, что и русским было до них далеко. Несмотря на полагавшийся им двойной рацион, они обкрадывали заключенных, которые уже не могли дойти до окошка раздачи питания. А питание раздавали всегда в вечернее время. Так что гибель многих наших товарищей на их совести.

В лагере существовал барак, служивший изолятором. Там больными занимались русская женщина-врач и помогавший ей врач-немец. Никаких медикаментов не было, в результате 90 % доставляемых туда пленных попросту погибало. Рабочие команды день и ночь рыли могилы. И так постоянно.

По словам врача, под Сталинградом в плен попало не менее 95 тысяч немцев, из которых до конца 1944 года дожили всего 15 тысяч. Впрочем, и сам врач вскоре умер от дистрофии.

Некоторое время спустя нашу рабочую группу перебросили на шахту № 8. Мне повезло, я работал вместе с одним пожилым русским и русской женщиной. Мы, подрывая породу, прокладывали штольню. Старик имел опыт такой работы. Породу грузили в вагонетки и подвозили к грузовому подъемнику. Потом штольню укрепляли при помощи подпорок. Я работал как мог, принимая во внимание мое состояние, но все же пытаясь произвести благоприятное впечатление. И оба русских относились ко мне хорошо. Старик всегда повторял: «Молодец». В каждую смену я получал от них кусок хлеба и полбутылки молока. Сегодня я убежден, что выжил я именно благодаря участию этих людей. И это при том, что и население России в ту пору ужасно недоедало. Бедность и голод в этой стране были ужасающими. Сталинская диктатура не делала различий между нами и своими гражданами и в этом смысле мало чем отличалась от нацистского режима. Старик считал меня своим напарником, товарищем по работе. Иногда во время работы он говорил: «Давай-ка перекурим». Сам я не курил, но вынужден был поддерживать компанию. Он вручал мне листок газетной бумаги и щепотку махорки. Так я познал блаженство не предусмотренного распорядком «перекура» — перерыва на курение. После смены он часто отсыпал мне табаку, чтобы я потом в лагере мог обменять его на хлеб.

Не могу сказать, что принадлежу к числу людей избыточно религиозных, но в своих молитвах я поминал этого русского.

Русские женщины, работавшие в шахте, тоже часто угощали

меня помидорами и солеными огурцами.

При условии выполнения норм — 36 вагонеток в смену на группу — мы получали в лагере добавочное количество хлеба и две ложки сахарного песка в неделю. Разумеется, норму мы выполняли не всегда — мы ведь еле ходили. Кроме того, работали мы без выходных, только смены менялись.

Численность рабочих групп изо дня в день уменьшалась. Многие оказывались в изоляторе, что означало медленную смерть, а кое-кто и не добирался до пресловутого изолятора. Какая разница где.

Наш сотник, его звали Хаас, был отвратительный тип. Хаас стремился именно жестокостью к своим же соплеменникам добиться расположения русских. По утрам он подгонял нас ударами резиновой дубинки. Иногда это выливалось в стычки, потому что находились такие, кто давал ему сдачи. Дело в том, что вставать по утрам было тяжело не только по причине недоедания и упадка сил, а еще и потому, что нам, утратившим всякое чувство времени, иногда казалось, что еще слишком рано для побудки.

Потом мы выстраивались у лагерных ворот и ждали охранников, иногда по нескольку часов на холоде, которые конвоировали нас к шахте.

Ноябрь 1944 года

Стояла ненастная погода, зарядили дожди, а иногда и шел снег. Внизу в забое, по крайней мере, было тепло, но там приходилось отрабатывать скудный рацион.

Ни у кого зимней одежды не было, а лохмотья, в которые постепенно превратилась наша форменная одежда, буквально распадались. Мы обвязывали тряпьем прохудившиеся резиновые сапоги, пытаясь продлить их существование.

Промокшие до костей, замерзшие, мы возвращались в лагерь. На нарах, как я уже говорил, ни одеял, ни подстилок не было. Температура в бараке почти не отличалась от наружной. Иногда нам удавалось тайком протащить в лагерь немного угля или дров, и мы прямо в бараке раскладывали костры, но чаще случалось так, что охрана отбирала у нас наше жалкое топливо.

Еще одной мукой были вши. Степень завшивленности превосходила все мыслимые пределы. Мы кишели паразитами. Расчесанная кожа кровоточила, воспалялась. Вши были везде — на нарах, ползали по стенам, в одежде, в обуви. Злобные и ненасытные насекомые не давали нам ни минуты покоя.

Удивляться не приходилось — в любом помещении для скота гигиенические условия были куда лучше. Я уже семь месяцев не

снимал форменного нижнего белья, не говоря уже о том, чтобы постирать или сменить его. Нет слов, чтобы описать, в каком состоянии оно находилось — засаленные донельзя почерневшие рубища.

В лагере имелся примитивно оборудованный пункт дезинсекции. Раз в две недели мы снимали верхнюю одежду, развешивали ее в печи и прожаривали в ней вшей. Для умывания каждому выдавали жестяной тазик, наполненный чуть теплой водой. Этого, разумеется, не хватало для того, чтобы нормально умыться. Конечно, и это приносило облегчение, но на день-два, не больше.

Во время работы в ночную смену четверо наших попытались бежать. Я своими ушами слышал, как один из них заявил: «Так и так околеем здесь, так что лучше уж пулю в спину». И верно, на вечерней поверке четверых заключенных недосчитались. Видимо, проглядела охрана, задержавшаяся в своей теплой сторожке у подъемника. Лично мне непонятно, как это им удалось смыться. Но переполох был знатный, нам грозили ужасными карами. И не только нам, но и охранники получили как полагается за халатность на посту. Помню, нас согнали в одну из штолен и, угрожая автоматами, стали допытываться, куда подевались эти четверо. Никто и понятия не имел, куда. В конце концов нас, как обычно, отконвоировали в лагерь.

Четыре дня спустя беглецов схватили, впрочем, неудивительно — куда им было бежать?

В наказание их бросили на двадцать суток в карцер — в подвал, закрывавшийся лишь продуваемой ветром решетчатой дверью. Только на третий день им выдали похлебку. Все делалось в назидание остальным, чтобы не забивали себе голову планами побега. Несколько дней спустя двое умерли от голода и холода.

Декабрь 1944 года

С 15 декабря нас перестали водить на работу в шахту. В лагере пленных по причине недопустимых гигиенических условий вспыхнула эпидемия тифа.

Мое самочувствие с каждым днем ухудшалось. Постоянные рези в животе и постоянное желание опорожнить кишечник довели меня чуть ли не до безумия.

Люди просто лежали на нарах, безучастно уставившись в пространство. В таком состоянии большинство и умирало. Бывали дни, когда умирало по шестьдесят человек. Их на запряженных лошадьми повозках отвозили в степь и там кое-как закидывали комьями мерзлой земли. У остававшихся в живых не хватало сил даже вынести их из барака. Меня направили на рытье ям, в

которые укладывали по 10–15 трупов. Их так и хоронили безымянными.

Боли в желудке становились нестерпимыми, у меня начался жар.

Наступило Рождество и мой день рождения — мне исполнилось 20 лет. Я лежал на нарах, балансируя между жизнью и смертью. Казалось, время замерло. И меня тиф не пощадил, я ослаб настолько, что не мог подняться с нар. Я лежал и думал: «Вот, тебе стукнуло двадцать, в бою тебя не брали ни пули, ни осколки, и все для того, чтобы ты подыхал здесь за тысячи километров от родных мест в безвестности». Прожил я всего ничего, тем не менее, смерть уже поджидала меня. Я часами в жару лежал пластом на нарах, дожидаясь конца. Но, привыкнув к смерти как к ежедневному и ежечасному явлению, поневоле воспринимаешь собственную участь не столь обостренно.

Но я к своему удивлению очнулся, второй раз за свой день рождения. Во мне продолжала теплиться жизнь. Видимо смерть пожелала предоставить мне тайм-аут. Собрав всю свою волю и остатки сил, я все же поднялся на ноги. Ноги подкашивались. И все-таки я добрел до пустого помещения. Там я кое-как привел себя в порядок, чтобы, по крайней мере, не выглядеть трупом, который забыли похоронить. Едва меня заметили, как тут же отправили в лагерный изолятор. Сначала я отказывался — всем и каждому было понятно, что здешний изолятор — конечная остановка.

Но меня все же заставили пойти туда, и я подумал: «Какая, к черту, разница, где отдать концы». Двое моих товарищей, у которых еще оставались силы, помогли мне добраться до покойницкой.

Изолятор представлял собой неописуемое зрелище. На нарах неподвижно лежали стонущие, что-то лопочущие в горячечном бреду подобия людей. В углу стояла деревянная бочка, куда справляли нужду те, у кого хватало сил добраться до нее. Все помещение было загажено хуже распоследнего сортира. И никому до этого дела не было. Смрад стоял невыносимый. Ежедневно кого-нибудь убирали с нар и выносили прочь. Иногда кто-нибудь из заболевших объявлял: «Все, завтра моя очередь». А женщина-врач ему в ответ: «Ну и хорошо. Чем больше вас умирает, тем лучше — больше медикаментов останется, а то у нас своих выхаживать нечем, а тут еще и вы на нашу голову». Кое-кто, бормоча, расхаживал по помещению, эти люди были явно не в себе, они искали своих жен. Один утопился в ванне. Когда я сейчас описываю это, мне не верится, что это действительно происходило со мной. А, между тем так было.

Больным полагалась миска рисового супа. Мне показалось, что этот суп и поставил меня на ноги. Сначала я выдержал один день, потом еще один. На моих глазах скончались несколько моих товарищей. Может, я окреп от тех краюх хлеба и глотков молока, которыми потчевали меня в шахте русские? Однажды в коридоре я увидел Хааса. Наш бывший надсмотрщик сидел на горшке, кожа да кости, он был явно на последней стадии дистрофии. И тут у меня перед глазами со всей отчетливостью предстали сцены его издевательств над своими же товарищами. Не выдержав, я бросил ему: «Вот и до тебя очередь дошла, надеюсь, не выползешь отсюда». Справедливость восторжествовала — Хаас так и не покинул стен изолятора.

Январь 1945 года

Еще пару месяцев назад в этом лагере при шахте насчитывалось до 2 ООО пленных. Теперь, в начале 1945 года нас осталось всего 300 человек, да и те полумертвые.

Однажды врачиха объявила: «Транспортабельные будут переведены в больницу». К этому нужно было подготовиться. В бараке появилась ванна, в котле вскипятили воду. Сначала нас наголо обрили, причем не только голову, но и все тело, чтобы избавиться от вшей. После этого нам разрешили отмыть в ванне себя самих. В одной и той же воде мылись человек по семь, а она, между тем, уже после помывки одного превращалась в кисель. Мне и самому верится в это с трудом, но мы несколько дней, в чем мать родила, дожидались отправки в больницу, укрываясь на ночь какими-то тонкими тряпицами.

Больница в Краснодоне

10 января в лагерь прибыл крытый брезентом грузовик. Русский офицер зачитал фамилии тех, кто поедет. Я тоже оказался в этом списке. Нам выдали штаны и рубаху из тонкой материи, но нижнего белья не предусматривалось. Босиком по снегу мы, помогая друг другу передвигаться, поковыляли к грузовику Едва мы тронулись с места, я прошептал про себя: «Куда угодно, только подальше от проклятой живодерни». Ехать пришлось километров сто, нас трясло немилосердно, причем не только на ухабах, но и от холода. В конце концов мы прибыли в Краснодон. Здесь располагался госпиталь для военнопленных. Я увидел знакомые ряды колючей проволоки. У входа нас дожидались майор и женщина-врач. Качая головами, они с изумлением оглядывали нашу одежду — мол, в такой мороз в одних рубахах!

Перед тем как распределить по палатам, нам все же выдали

нижнее белье. В каждой палате стояло по 20 коек. Здесь лежали в основном румыны, по двое на одной кровати. На каждое отделение полагался один русский врач, один врач-румын и медсестра. Один румын, тоже из пленных, надзирал за всем госпиталем. С первых минут он невзлюбил немцев и австрийцев и скрывать этого не собирался.

Сначала наш рацион состоял из чая, так что, после нескольких дней пребывания здесь, мы еще сильнее исхудали. Вероятно, голодом рассчитывали обуздать нашу дизентерию.

Позже нам стали выдавать на завтрак хлеб, сливочное масло и молоко. Иногда квашеной капусты с рыбой. На обед: щи и пару ложек каши, обычно пшенной или же овсяной. Вечером суп с хлебом. Вначале нам давали какие-то лекарства, но точно не знаю, какие именно. В остальном каждый был предоставлен самому себе. «Не поможешь себе сам — не поможет никто».

Март 1945 года

Я и в самом деле отдохнул немного. Теперь уже чаще вспоминался недавний период работы на шахте. Всех триста выживших распределили по трем близлежащим госпиталям. Судя по всему, моя смерть пока что откладывалась.

К нам в госпиталь доставили и двух ребят, которых я знал по лагерю. Это был судетский немец Ханке, Иоганн Шатц из Маутхаузена и Карл Цайльхофер из Санкт-Петера-ин-дер-Ау. Все были в ужасном состоянии, в особенности Карл. Так как я уже оправился, то старался ухаживать за ним. Но тщетно — 5 марта 1945 года он скончался от дистрофии. Последними его словами были: «Лоис, если ты все же окажешься дома, оповести мою семью, и дарю тебе свое кожаное портмоне, возьмешь под подушкой. Всего тебе хорошего». По возвращении домой я в земельном суде Вайер подписал соответствующий документ — объявление безвестно отсутствующего лица умершим.

Я пробыл в госпитале с января по октябрь 1945 года. Сюда поступали все новые и новые больные. Тех, кто оклемался, снова отправляли в рабочие лагеря. Мое длительное пребывание я могу объяснить вот чем: поскольку физически я вполне окреп, меня то и дело использовали для ухода за другими, ослабевшими больными и, кроме того, на разных текущих работах. В том числе и в прачечной. Фактически я слился с персоналом госпиталя. Но перечисленные обязанности были не из легких. Выносить горшки, ухаживать за больными, приносить им поесть, кормить их — все бы ничего, но вот видеть, как на твоих глазах человек умирает и ты ничем не можешь ему помочь, вот это было для меня невыносимо.

По распоряжению румын-стукачей нередко меня назначали на самые жуткие работы. Дело в том, что умерших, перед тем как похоронить, относили в подвал, там осуществлялось вскрытие для установления причины смерти. Тело анатомировали, извлекали из него сердце, легкие, печень. Возможно, для последующего использования в качестве учебных препаратов. Я же должен был зашивать проволокой вскрытые трупы перед тем, как их увозили для захоронения в братских могилах. Даже после смерти их не оставляли в покое. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня мороз по коже. И я вынужден был отключать разум и чувства, потому что только так можно было сохранить рассудок и вообще выжить. Но однажды я все же пожаловался женщине-врачу, мол, такая работа, и без перчаток. Надо сказать, она отнеслась к моим словам с пониманием: «Да, да, конечно, этим должны и будут заниматься врачи».

Несколько недель я работал подручным на стройке. За мной заезжал какой-то гражданский чин и после работы отвозил обратно. Работать с гражданскими всегда было выгоднее — можно было передвигаться без охраны, иногда и рассчитывать на угощение.

В нашу палату № 12 завезли новую партию больных — 20 человек. Врач-румын попросил меня ухаживать за ними. Я согласился. Ни один из них был не в состоянии ходить и даже встать на ноги, несколько человек почти сразу же умерли. Мне тоже приходилось несладко — часто поднимали ночью, поскольку требовалась моя помощь.

На дворе сооружали что-то вроде погреба. Румын-стукач, из тех, что заправляли всем в госпитале, велел и мне помогать рабочим-строителям. Я запротестовал — у меня и с больными было хлопот полон рот. Это объяснялось просто — он захотел вместо меня всунуть кого-то из своих.

Протесты мои ни к чему не привели, ибо в госпитале процветала лагерная мораль — всем здесь заправляли румыны. В конце концов меня и еще тридцать человек направили работать на огороде, расположенном чуть поодаль госпиталя. Причем половина нашей группы состояла тоже из румын.

Работать приходилось с 7 утра и до темноты. Охранял нас какой-то гражданский, довольно противный тип — постоянно подгонял и вообще шпынял нас. Мы устраивали грядки, высаживали картофель и овощи, но чаще всего пропалывали сорняки. Но нам строго-настрого воспрещалось есть что-нибудь из произраставшего на огороде. Двое пленных румын варили суп в военном котелке и с хлебом раздавали его нам на обед. Нам, немцам, они умышленно выдавали меньше, чем своим

соотечественникам. «Ничего, ничего, я найду способ выйти из положения», — повторял я про себя.

Вблизи огорода протекал ручей, в котором водились моллюски. По окончании работ мы вылавливали их, разводили костер и в тазах отваривали, пока не раскроются створки раковин. Потом извлекали мякоть и поджаривали ее в консервных банках. Мы килограммами поедали эти моллюски, воспринимая их чуть ли не как деликатес.

Однажды днем внезапно налетела ужасная гроза, дождь полил как из ведра, молнии били совсем близко от нас. Мы, бросив все, скрылись в палатках. Воспользовавшись переполохом, я сумел схватить пару картофелин и сунуть их в карман штанов. Но после грозы один румын настучал на меня нашему гражданскому боссу. Тот вошел в палатку и так заехал мне мотыгой по голове, что я какое-то время провалялся без сознания.

Три недели спустя, это было вечером, подъехала военная машина. Из нее вышел незнакомый майор и наша врачиха. Всех нас выстроили. Прибывшие стали выяснять, есть ли среди нас больные. Я поднял руку, врачиха поинтересовалась, что со мной. Я ответил, что сыпь. Меня попросили снять рубашку и штаны, после чего врачиха скомандовала, чтобы я немедленно залез в кузов. Так я снова оказался в госпитале и приступил к исполнению прежних обязанностей — ухаживанию за больными палаты № 12. Откровенно говоря, никакой сыпи у меня не было, так, прыщики. Но врач на удивление легко поверила мне. Может, оттого, что я был для нее куда полезнее в госпитальной палате.

Медсестра постоянно держала нас в курсе событий на фронте. Русские неумолимо продвигались вперед. Они уже находились у Франкфурта-на-Одере. Потом жестокие бои разгорелись у Берлина, Вена уже была в руках русских, их армия дошла до самого Энна.

Я просто отказывался верить, что война добралась и до моей родины. Когда же только ей наступит конец? Но разве я, какой-то там пленный, каких миллионы, ежедневно боровшийся за выживание, мог что-либо изменить в большой политике?

Я продолжал ухаживать за больными. Из-за работы времени на размышления у меня почти не оставалось.

Май 1945 года

В пять утра 9 мая 1945 года майор вместе с нашей врачихой прибежали в госпиталь. Сияя от радости, они сообщили: «Только что объявили, что война кончилась». И мы, пленные, тоже ликовали. Ведь каждый понимал, что конец войны приближает и возвращение домой. В соседнем здании гражданские целый день

распевали песни под балалайку и плясали. Водка лилась рекой. Мы, пленные, тоже подхватили их радостный настрой, однако миновала одна неделя, потом другая, но все оставалось по-прежнему. Отныне русские были победителями, а мы вдвойне проигравшими.

Август 1945 года

Однажды из нас отобрали 30 более-менее физически крепких на уборку урожая в колхоз. Я тогда сказал врачихе: «Я тоже хочу на сельхозработы, я с детства к ним привык и кое-что смыслю в этом. Только вот о чем вас попрошу — по возможности, без румын». Женщина мне доверяла и решила пойти навстречу моим пожеланиям. Наконец знакомая с детства работа, которая напомнит мне о доме.

Уже на следующий день мы поехали в колхоз, нас сопровождал вооруженный конвоир из военных. По прибытии нас представили «начальнику». Женщина сварила для нас целый котел каши. После еды начальник спросил, кто из нас умеет косить. Я тут же вызвался, и он назначил меня ответственным за набор бригады косарей в 20 человек. Я быстро отобрал два десятка своих товарищей. Каждому выдали по косе, но без точила. Русские считали, что на поле сколько угодно камней, так что нам будет чем заострить наши косы.

Все имели опыт этой работы. Я был рад, потому что, на совесть поработав, мы имели полное право претендовать на лучшее питание. Часть наших собирала скошенный урожай в кучу. Поля тянулись до самого горизонта. Работали мы до 6 вечера, а нередко и до темноты. Потом колонной шли до расположенной в 3-х километрах деревни, где ночевали на сеновале.

В 7 утра мы снова шли на поле. Сначала нас кормили завтраком — молоко и полкило хлеба. Хлеб мы делили из расчета на целый день, а вечером давали по две миски каши, иногда получали и добавку.

На поле мы работали без охраны. Наш конвоир предпочитал бегать к деревенским девчонкам, перед тем как отправиться в деревню, он, бывало, шепнет мне, мол, проследи, чтобы никто не сбежал. Он был отличным парнем, этот наш конвоир. Он сказал нам, что сам был на фронте, так что вдоволь нахлебался из солдатского котелка. Поэтому и к нам относился по-человечески, хоть мы в свое время были для него врагами. «Не по своей воле мы воевали, нас стравили друг с другом», — вот каково было его мнение на этот счет.

Однажды во второй половине дня он прибежал на поле и

скомандовал всем строиться. Мы выстроились, и конвоир объявил нам, что, мол, нам нужно возвращаться в госпиталь, а оттуда нас якобы отпустят домой. Начальник поблагодарил нас за хорошую работу, в дорогу нам дали поесть, и мы тут же погрузились на только что присланный за нами грузовик.

Когда мы прибыли в госпиталь, разумеется, ни о какой отправке домой и речи не было. Кое-кто из нас здорово расстроился по этому поводу. Я же подумал: «Ерунда это, скорее всего, мы срочно понадобились на другие работы».

Но я пока что, как и раньше, продолжал ухаживать за больными.

Октябрь 1945 года

В первый день октября в госпиталь приехала врачебная комиссия. Всех раздели донага, осмотрели, а потом наскоро отобрали тех, кто поздоровее. В их числе оказался и я. На следующий день нас на грузовиках повезли на 400 километров севернее, в Ворошиловград. Перед этим мне удалось уговорить одного из больных выменять ботинки на хлеб — моя обувь просто распалась. Но перед тем как погрузить нас в кузова машин, охрана здорово обыскала нас. Им помогали двое румын. У меня конфисковали ботинки и доставшееся от покойного Карла Цайльхофера кожаное портмоне с фотографиями его семьи. На обратной стороне он записал имена и адреса своих товарищей, умерших в лагере при шахте. Имена я, разумеется, перезабыл в лагерной суете и уже не мог сообщить родственникам умерших об обстоятельствах их смерти.

Ворошиловградский рабочий лагерь

По прибытии в Ворошиловград нас разместили в четырехэтажном жилом доме, где уже находились 1 300 человек наших пленных. Часть из них попала в плен к американцам, ну а потом союзники решили передать их русским, а те отправили их сюда, на восток.

Первым делом нам выдали теплую одежду, стеганые ватные штаны, куртки и сапоги на деревянной подошве. Мы использовали одежду в качестве одеял и матрацев на нарах, где спали. Ежедневно нам выдавали на завтрак, обед и ужин 750 г водянистого супа, две ложки каши и 600 г хлеба. Хлеб на 70 % состоял из воды, в него добавлялись и древесные опилки. Но чтобы получить все это «богатство», необходимо было выполнить ежедневную норму. Те, кто перевыполнял норму, могли рассчитывать на увеличение рациона.

Раз в месяц нам делали прививки и подвергали весьма

поверхностному медосмотру.

Первым нашим объектом было сожженное школьное здание. Вместе с нами работали попавшие в плен под Сталинградом и оставшиеся в живых. Они много рассказывали о своем пути в плен в тридцатиградусную стужу. Многие тогда погибли. Русские просто собирали трупы в кучи, поливали их бензином и без долгих разговоров сжигали.

В тот период в Ворошиловграде находилось 4 ООО пленных. В этом городе располагался крупный паровозостроительный завод, полностью разрушенный во время войны. Вот его мы и отстраивали. Нам предстояло устанавливать на бетонный фундамент станки, вывезенные из Германии и Австрии после демонтажа предприятий. А нашим специалистам, тоже из пленных, работе на этих станках планировалось обучать местную молодежь.

Декабрь 1945 года

Пару недель или больше мы в двадцатиградусный мороз посменно разгружали уголь и дрова из вагонов на путях товарной станции. Тогда я отморозил большой палец — деревянные подошвы от холода не предохраняли. Слава богу, наш лагерный врач, уроженец Линца, сумел его вылечить, иначе бы мне не избежать ампутации.

После этого я снова вернулся в нашу рабочую группу, состоявшую из 20 человек. Меня назначили бригадиром. Кое-кому из наших это явно пришлось не по нраву. «Ты, зеленый, загоняешь нас!» — не уставали повторять они. Но ведь по-другому было нельзя — необходимо было не только выполнять, но и перевыполнять норму — это давало возможность получать увеличенный рацион.

Следует упомянуть, что вследствие постоянного недоедания мы, заключенные, едва дотягивали до 50 килограммов веса. Чему удивляться — таков был результат хронического многолетнего недоедания. Все наши мысли вертелись вокруг жратвы, поэтому мы и вкалывали. К тому же те, кто систематически перевыполнял норму, не работали по воскресеньям.

У нас в лагере висели две черные дощечки. И вот на них фиксировались результаты нашей работы. Слева перечислялись отстающие группы, справа — передовики, перевыполнявшие норму. Вот такие стимулы использовали русские. Комендант лагеря постоянно говорил: «Пленные нам нужны для восстановления разрушенного за годы войны народного хозяйства. Все, что немцы разрушили, должно быть восстановлено».

Кроме того, вывесили еще одну дощечку, на которой по-русски и по-немецки было написано:

«Каждый военнопленный обязан внести свой вклад в восстановление!»

На фабрике были три доменные печи. Две работали, а в третью во время войны попала бомба. Вот мы ее и восстанавливали, работая в три смены. Отбойными молотками мы разрушали старые стены, строительный мусор отвозили на ручных тележках к вагонам и выгружали его в них. Смена продолжалась 8 часов, работать приходилось без перерыва. В свободное же от работы время все наши помыслы были направлены на то, как и где раздобыть поесть. Один из нашей группы, его звали Хайцман, он был из Зальцбурга, всеми способами старался увильнуть от работы. Но зато был мастером по части разного рода раздобываний. Русская женщина-работница в литейной замешивала из муки и еще чего-то массу для обмазывания литейных форм. И вот этот Хайцман ухитрялся время от времени стащить муки. А потом на импровизированных противнях из листов железа выпекал лепешки на всю нашу группу.

Однажды мы в разрушенном бомбами помещении цеха отсортировывали металлолом. И нашли две двуручные пилы. Я сразу же сообразил, что их вполне можно будет обменять на еду. Гельмут Покш очистил их от ржавчины, заточил. А я поинтересовался у одной русской складской рабочей, не нужна ли ей пила. Женщина попросила принести посмотреть, что за пила. Пила ей подошла, она взяла инструмент, опоясалась им и ловко накинула поверх телогрейку. Видя изумление на моем лице, пояснила, что, мол, ей еще предстоит тайком вынести пилу с территории завода. От нее мы получили 3 кило хлеба и три пачки махорки. Вторую пилу Гельмут Покш притащил на кухню, там работали только местные гражданские. Старший кухни просиял, дескать, а я только думал, где достать пилу напилить дров. И за это исправно выдавал нам лишних пол миски каши.

К концу смены всегда появлялся начальник — проверить, как идет работа, и записать, на сколько мы выполнили или перевыполнили норму. Я тем временем чуточку освоил русский и не упускал случая убедить его, что, мол, лучше нас никто не работает. Перед выходными мне как бригадиру выдавали листок, где указывались результаты проведения работ, мы регулярно перевыполняли норму на 120, а то и на 140 %. Я сдавал листок в контору, и уже на его основе рассчитывались нормы питания на всю следующую неделю. Так проходили дни, недели и месяцы.

Май 1946 года

Между тем я уже пробыл в плену на принудительных работах в России ни много ни мало два года. А мои родные представления не имели, что со мной, где я и жив ли я вообще. Воображаю, как они тревожились.

Но вот однажды меня срочно вызвали в отдел кадров. Я шел туда со смешанными чувствами. Ну, что там опять? За письменным столом я увидел лейтенанта. «Вы, как хороший работник, имеете право написать домой», — объявил он. Я был на седьмом небе от счастья. Впервые за два года я смогу сообщить о себе моей исстрадавшейся семье радостную весть. Разрешалось написать всего-то пару строк, естественно, никаких жалоб — все письма подвергались цензуре.

Вот что я написал:

> «Дорогие родители! Я нахожусь в русском плену. Я здоров, со мной все хорошо. Сердечный привет вам от вашего сына Лоиса. С нетерпением жду встречи с вами!»

Этот же лейтенант позволил мне сходить на вещевой склад и взять для себя новые штаны и рубаху.

На вечерней поверке комендант лагеря сообщил мне: «Нужно 55 человек для отправки в Москву на работы, в ближайшие дни будем составлять список из добровольцев».

В ту ночь мы почти не спали. Все совещались, прикидывая за и против. Стоит ехать или нет? Какие будут в Москве условия? Может, хуже, а может, лучше. К мнению Гельмута Покша мы прислушивались. А он и еще несколько человек решили ехать. Я считал, что каждый должен решать сам. С другой стороны, все же лучше было ехать всем вместе — все уже успели притереться друг к другу за время пребывания в Ворошиловграде. Помогаем друг другу. А это очень важно.

Во время работы только и разговоров было, что про Москву. Соответственно, и на работе это не могло не отразиться. Вечером мы все же решили, что назавтра целой группой явимся в контору — мол, записывайте всех. Так и сделали. Нас записали. Пришлось прождать еще несколько дней, пока не набралась группа из 55 человек.

Неделю спустя на вечерней поверке нам объявили: «Для добровольцев, отъезжающих в Москву, завтра выходной».

Похоже, дело завертелось, подумал я.

На следующий день после того, как все группы отправились на работы, в 7 часов всех нас выстроили с вещами. Майор проверил наши документы, врачиха провела медосмотр. Затем мы направились сначала в наш основной лагерь, там нас передали

лейтенанту и двум охранникам, которые доставили нас на вокзал. Эти же конвоиры охраняли нас все пять дней поездки в пассажирском поезде, они же заведовали большим мешком с сухим пайком. И мы ни слова не сказали, когда они, бессовестно выгрузив часть еды, тут же продали ее пассажирам.

На харьковском вокзале пришлось довольно долго дожидаться пересадки. Нас разместили под охраной в углу зала ожидания. Время шло, а мы никакой еды не получали. Попытались возмутиться. «Не хотите кормить, отправляйте нас назад в Ворошиловград!» Пришел лейтенант и успокоил нас. Час спустя он привел нас в какой-то пункт питания, мы получили там суп и каши.

Харьков до сих пор носил отпечаток войны. Разрушенные до основания дома, кучи битого кирпича и никаких признаков восстановительных работ. У вокзала было много бывших солдат, безногих, безруких.

И вот почти неделю спустя мы наконец прибыли в Москву. В сборном лагере за городом проверили наши документы. В моих было прописано, что, дескать, я немец. Я сказал лейтенанту: «Я не немец, а австриец!» Мне не верили. «А почему в таком случае здесь ваша подпись?» — возразили мне. В 1944 году в лагере при шахте зарегистрировали только 300 человек выживших, для них заготовили и документы. Тогда еще переводчик-чех сказал: «Никаких австрийцев больше не существует в природе, вы — немцы». Тогда мне было наплевать, в каком качестве он прописал меня, главное, что я покидаю этот ад. И мне пришлось изрядно попотеть, убеждая соответствующих должностных лиц в том, что я действительно австриец.

Московский рабочий лагерь

28 мая 1946 года нас отправили в рабочий лагерь в столице. Он располагался всего в 3-х километрах от Кремля. Одноэтажное здание вмещало 1200 пленных. Там в огромных залах стояли трехъярусные койки. Здесь имелась столовая, душевые и пункт дезинсекции. На койках, подготовленных для нас, лежали соломенные тюфяки, подушки и одеяла. Это воспринималось чуть ли не как верх комфорта.

Как раз напротив нашего лагеря по другую сторону улицы располагалась огромная стройплощадка. Была возведена коробка девятиэтажного здания, в котором собирались разместить какое-то министерство.

Нас вновь поделили на группы по специальности: каменщики, отделочники, электрики, слесари и так далее. И в этом лагере существовала дощечка с надписью, призывавшей пленных

работать на совесть для восстановления разрушенного войной народного хозяйства.

Сначала меня направили в транспортную группу. Мы разгружали стройматериалы, цемент, металлоизделия, щебенку. Здесь приходилось работать по 9 часов в день. Дело в том, что здание собирались завершить на 80 % к очередной годовщине Октябрьской революции.

Нами руководила женщина, «начальница», она беспрерывно подгоняла нас — «давай, давай!»

Мне не раз приходилось работать у Москвы-реки. Туда причаливали баржи со строительными материалами, которые предстояло перегрузить на автотранспорт.

Во всех предыдущих лагерях, да и в вермахте, неразрешимую проблему представляли для нас вши. Здесь же их место заняли клопы. Ночью эти насекомые выползали из-под деревянных балок и набрасывались на нас. Мы давили их подушками и одеялами, отчего те постепенно стали буро-коричневыми. Казалось, мучениям нашим не будет конца.

Некоторое время спустя меня перевели к монтажникам. Я пробивал в бетонных и кирпичных стенах отверстия для прокладки труб и электропроводки, а после прокладки заделывал их. Бригадиром у нас был некий Херциг, венец. Так как он пользовался у русских авторитетом, будучи квалифицированным специалистом, я поведал ему о своих неприятностях с документами, если верить которым, я до сих пор числился немцем. Для меня это было очень важно, потому что ходили упорные слухи, что в первую очередь домой будут отпускать именно австрийцев. Херциг пообещал мне переговорить с одним майором по этому вопросу.

Октябрь 1946 года

Однажды нас, 30 человек, послали на товарную станцию. Разбили на группы по 5 человек, наша пятерка разгружала вагон, битком набитый мешками с цементом. Наши конвоиры сказали нам: «Кто первый закончит, тот пойдет в помещение обогреться». Дело было ночью, стояла осень, и все мы старались побыстрее разделаться с работой, чтобы спокойно посидеть в тепле. Когда наша группа завершила разгрузку и мы направились к зданию вокзала, мы по пути обнаружили сарай, в котором хранился картофель. Но сарай был под охраной двух женщин из военизированной охраны. Однако мы исхитрились забраться туда и набили карманы картошкой. Это не осталось незамеченным для женщин-охранниц. Они стали палить в воздух, но нам удалось удрать, и все обошлось.

Даже наши охранники, в принципе, не считали большим криминалом, если мы пытались стащить что-нибудь съестное во время работ в городе. Конвоиры прекрасно понимали, что мы в случае удачи и с ними поделимся — и у них были проблемы с пропитанием.

В нашем лагере имелась большая печка. На ней мы обычно готовили еду из того, что удалось стащить. Администрация лагеря мирилась с этим.

Наш обычный паек состоял из рыбного супа на завтрак, обед и ужин, кроме того, на обед полагалась пара ложек каши, а вечером несколько килек. Раз в неделю все мы получали 50 г сахара и 100 г табака.

И здесь тоже паек напрямую зависел от результатов работы — чем больше процент перевыполнения нормы, тем больше еды. И еще одно: из Москвы мы имели право раз в месяц посылать домой открытку. На маленькой открытке много не напишешь, но успело миновать больше года, как кончилась война. И мы начинали чувствовать некоторые послабления, к тому же пленные уже не гибли, как мухи.

Приближалась годовщина Октябрьской революции. Главный праздник коммунистов. И для нас этот день считался выходным. Прямо из нашего лагеря мы имели возможность следить, как по улице Горького[8] к Красной площади двигались нескончаемые колонны пехоты, танков, артиллерии. И, надо сказать, демонстрация мощи армии Советов впечатляла.

Декабрь 1946 года

Однажды утром меня прямо со стройплощадки вызвали в лагерную контору к нашему майору. Речь шла об установлении моего гражданства.

Прибыв туда, я с дрожью в коленях доложил по-русски о прибытии. Майор вместе с молоденькой переводчицей сидели за столом. Он предложил мне сесть в кресло напротив. Сначала он через переводчицу спросил, как меня зовут, уточнил дату моего рождения, местожительство и то, с какой стати меня зачислили в немцы. Я, призвав на выручку все искусство убеждать, попытался объяснить, что это — недоразумение, что во всем виноват чех-переводчик в нашем первом лагере в Донецке. И что меня просто-напросто вынудили поставить свою подпись в анкете.

Допрос продолжался 4 часа. Майор задавал вопросы не только о моем гражданстве, но и о прохождении службы в период войны, в каких дивизиях я служил, в каких операциях участвовал. Я аккуратно перечислил все места службы вплоть до пленения под Минском 10 июля 1944 года. Один раз он укоризненно

спросил: «А кто, по-вашему, вероломно напал на нас и разрушил наши города?» Едва не разревевшись, я ответил: «А я что? Я же не сам напросился в вермахт, меня призвали. Откажись я, меня бы к стенке поставили. Я бы с удовольствием остался дома». Майор по ходу допроса что-то записывал. Наконец все закончилось, и он отпустил меня ужинать.

Я рассказал обо всем моему товарищу Херцигу, мол, дело сдвинулось с мертвой точки, похоже, все прояснится.

Вскоре майор снова пожелал меня видеть. Но на сей раз все было много короче. Меня попросили поговорить на австрийском диалекте. Пожалуйста — ничего легче. Стоило мне произнести несколько фраз на диалекте, как и майор, и переводчица расхохотались. Естественно, даже она ни словечка не поняла. «Ну, как, товарищ майор? Теперь убедились, что я на самом деле австрияк?» — спросил я. «Посмотрим», — успокоил он меня.

Наступило Рождество, и мой день рождения — мне исполнялось 22 года. Уже два с половиной года я пробыл в плену. Спору нет, нынешние условия не шли ни в какое сравнение с предыдущими двумя годами — тогда я выжил лишь по чистой случайности. И все-таки все мы здесь мучились, страдали от холода, недоедания и прочих прелестей лагерной жизни. Сюда следует добавить и отсутствие вестей из дому. А, между тем, кое-кто из моих товарищей уже получил письма от своих близких.

Мой друг Гельмут Покш, с которым мы были вместе с самого Ворошиловграда, в соответствии с разделом Германии был жителем Восточной зоны и почти еженедельно получал письма из родного Лейпцига.

Мы не раскаялись в том, что в свое время отправились добровольцами в Москву. Здесь для пленных были созданы куда лучшие условия. Если болен, от работы освобождали и предоставляли сносное медицинское обслуживание. Раз в десять дней — на дезинсекцию, в душ, кроме того, нам регулярно предоставляли возможность смены белья.

И все-таки условия были тяжелыми. Нас постоянно гоняли на работы, где приходилось вкалывать под окрики начальства. Даже со скотом и то обращаются куда бережнее. Но каждый из нас смирился со своей участью, радуясь тому, что хотя бы уцелел в этой мясорубке.

Особых проблем со здоровьем у меня не было, хотя весил всего-то 47 килограммов. Как-то в душе кто-то из наших заметил: «Ну, ты прямо ходячий скелет, так что не особо надрывайся на работе». Но все мы выглядели примерно одинаково. Ведь мы не получали ни мяса, ни жиров, одну только жидкую баланду, да кашу, и так уже целых два с половиной года.

Январь 1946 года

И столицу не щадила суровая русская зима. Иногда столбик термометра опускался до 40 градусов ниже нуля. В такие морозы лагерная администрация запрещала всякие работы на улице. С одной стороны, это было, конечно, очень неплохо, но с другой — приходилось довольствоваться одним лишь пайком, не рассчитывая на всякого рода «добавку со стороны».

Пару недель спустя привезли почту. К моему великому удивлению и мне пришло две открытки.

Однажды вечером, это было уже в конце февраля, я уже почти заснул, как меня вдруг разбудили и велели срочно прибыть к нашему майору. Я очень удивился, потому что это было уже в десятом часу.

Он с порога спросил у меня: «Уже получили письма из дому?» «Так точно!» — ответил я. И в качестве доказательства тут же извлек из нагрудного кармана обе открытки и подал ему. Переводчица перевела ему их содержание. Потом они стали что-то обсуждать, я, правда, не все понимал, но речь шла явно о том, что мое австрийское гражданство подтвердилось. Майор написал на листке несколько строк, поставил штемпель и приложил к моим бумагам, сказав: «Ну, вот, теперь вы — австриец, так что спокойно отправляйтесь спать». Я, одурев от радости, тут же рассыпался в благодарностях и пожелал майору и переводчице спокойной ночи.

Как и во всех лагерях военнопленных, здесь в Москве существовал комитет «Свободная Германия». Они постоянно пытались нас убедить вступить в коммунистическую партию. В стенгазете говорилось, что фельдмаршал Паулюс, бывший главнокомандующий погибшей под Сталинградом 6-й армией, тоже оказавшийся в плену, уже ходил в кандидатах в партию. Раз в неделю в столовой нам читали лекции, в которых идеализировалось коммунистическое общество. Я не мог принять этой философии, потому что даже нам, военнопленным, изолированным от внешнего мира, было известно, в каких ужасных условиях жили тогда русские люди. И, по моему мнению, коммунистические идеи крайне сложно воплощались в реальность. Те, кого им удалось привлечь на свою сторону и которые подписали соответствующие документы, могли надеяться на значительное улучшение лагерных условий — их назначали на склады, в надзиратели и т. п.

Нас регулярно информировали и о ходе Нюрнбергского процесса.

Однажды мне крупно не повезло. С несколькими товарищами мы работали в подвале вблизи продсклада. После работы нам велели прихватить продукты со склада и занести их на кухню. Я нес ведро с упаковками кулинарного жира. Прибыв на кухню, я поставил ведро и незаметно сунул в карман пачку жира. Куда разумнее было бы просто незаметно слопать его по пути, потому что ремонтировавший плиту каменщик заметил мои манипуляции и тут же стукнул заведующему кухней. Тот вытащил у меня упаковку из кармана, а потом засветил мне оплеуху. Тут появился офицер и заорал: «В карцер его!» Так я и загремел в карцер. Правда, конвоир проводил меня к моей койке, и мне разрешили взять с собой куртку. Все наши уже были там. Я рассказал бригадиру об инциденте. Тот взвился: «Вот идиот! Из-за такой ерунды устраивать спектакль!» Но мне все равно пришлось провести ночь в насквозь продуваемой ветром дощатой хибаре. Охранник запер меня. В тот день я остался без ужина, это было еще полбеды, зато на следующий день мне светило, не позавтракав, идти работать, а это уже можно было считать довольно суровым наказанием. Но мой бригадир Тельхофен не бросил меня в беде. К полуночи он сумел убедить охранника, что, дескать, я важный работник, так что меня никак нельзя оставлять без еды, посему он, бригадир, кое-что должен мне передать. Охранник был в добром расположении духа, отвел меня на кухню и велел остававшемуся на ночь на кухне повару выдать мне двойную порцию каши. После этого вернул меня в карцер. Разумеется, все это было сделано тайком от лагерной администрации.

Много раз мне приходилось сталкиваться с проявлениями русскими доброты, невзирая даже на то, что и сами они жили в те времена не ахти как. Причем эти проявления человечности носили совершенно спонтанный характер.

Самый крупный продсклад располагался в одном из подвалов на стройплощадке. Он круглосуточно охранялся тремя часовыми. Четверых монтажников часто по ночам вызывали для ликвидации очередной поломки в котельной, находившейся в том же самом подвале. Они изготовили свой ключ от склада. И когда сменялись часовые, монтажники умудрялись стащить продукты. Впрочем, у самих часовых тоже было рыльце в пушку — они сознательно закрывали глаза на эти проделки, но исправно требовали свою долю. Но, как гласит пословица: сколько веревочке ни виться, кончику быть. Однажды вышло так, что они, забравшись в склад, наткнулись там на офицера-интенданта. Сами были виноваты, надо было загодя осведомиться у часовых, а они этого не сделали. Только они повернули ключ в замке, как офицер завопил: «Кто

здесь?» И, бросившись к телефону, поднял тревогу. Тут же прибежали другие офицеры. Четырех монтажников и начальника караула тут же арестовали, пока на 20 суток. А потом объявили приговор.

Пятерых виновников показали всему лагерю. Майор зачитал приговор: 7 лет лагерей. Короче говоря, их решили примерно наказать. Все пленные, да и охранники открыто выражали сочувствие и солидарность с виновниками — удивляться нечему, и те и другие в той или иной мере выигрывали от этих несанкционированных визитов в продсклад. Вот только не знаю, на самом ли деле все виновные оттянули столь долгий срок.

Хочу рассказать о еще одном досадном происшествии. Однажды нам ни с того ни с сего на обед к супу подали еще и жареную рыбу. Вечером того же дня на поверке, нередко затягивавшейся на час, а то и дольше (дело в том, что выяснялось наличие и местонахождение решительно всех пленных, в том числе и тех, кто был занят на кухне или на внелагерных работах), вдруг поднялась суматоха. Прямо на построении у многих открылась рвота. На меня тоже накатил приступ неукротимой рвоты. Майор и остальные офицеры были явно смущены происходящим. Все понимали, что речь идет о массовом пищевом отравлении, а за это грозила солидная взбучка от вышестоящего начальства. Тут же был вызван врач, а потом и «Скорая помощь». Всем выдали миску с теплой водой, в которую добавили рвотного, и заставили выпить. И вскоре разблевался весь лагерь — в уборных было не протолкнуться, стояла страшная вонь, да и зрелище было не из приятных. Пленных с тяжелым отравлением немедленно отправили в госпиталь, а тех, у кого все ограничилось расстройством желудка или рвотой, освободили от работы. Потом кухню на несколько дней закрыли, в результате нас поили только чаем. Виной всему стала испорченная рыба, которой наелся весь лагерь. Но и это событие, как и многое другое, в конце концов кануло в прошлое.

Зима 1945/46 гг., даже по российским меркам суровая, здорово затрудняла жизнь. Впрочем, у нас теперь было в чем уберечься от холодов — вполне сносная зимняя одежда, которой могло и не быть у наших товарищей по несчастью в других, не столичных лагерях. Валенки мы после работы относили в сушилку, потому что, выйдя на следующий день на работу в мокрых валенках, можно было вполне недосчитаться пальцев на ногах — вмиг бы отмерзли.

Я стал часто задумываться над тем, сколько еще продлится этот плен. Ведь пошел уже третий год. Так далеко от дома и в подобных условиях долго протянуть было весьма проблематично.

Любое, даже самое, казалось, безобидное заболевание или пустяковая травма, если недоступна надлежащая медицинская помощь (а она оставалась недоступной и для самих русских, не говоря уже о нас), могли обернуться смертью.

Тогда мы и еще десятеро наших работали в автоколонне. Здесь находились и служебные автомобили многих членов правительства. Мы имели удовольствие лицезреть и «мерседес» министра иностранных дел СССР Молотова. Я подумал, что машину наверняка прихватили в Германии в качестве трофея. У роскошных авто день и ночь дежурили сотрудники КГБ.[9] В особом помещении дежурили водители, их вызывали по громкоговорителю, если возникала нужда отвезти кого-нибудь из боссов в Кремль.

Мы укладывали плитку и проводили разного рода отделочные и ремонтные работы. Условия были очень хорошими — в правительственных гаражах центральное отопление работало как часы. В большом помещении стояли рядами огнетушители, мы должны были очистить их от ржавчины и покрасить красной краской. За нами надзирал один пожилой русский, судя по всему, он нами был вполне доволен, потому иногда мог плеснуть нам водочки или отсыпать махорки.

В московском лагере я познакомился и с неким Пислингером, он был родом из Виндишгарстена. Пислингер попал в плен еще в 1942 году и за это время успел неплохо освоить русский. Он тоже занимался укладкой плитки и разведал, что в нежилом доме неподалеку в подвале хранится картофель. Вход в дом не запирался, только дверь в подвал, но через внутреннее окошко без труда можно было проникнуть и в подвал. И вот мы с этим Пислингером регулярно совершали рейды за картошкой, причем без каких-либо осложнений. Пислингер был в хороших отношениях с поваром. Мы нашли укромное место за кучей угля и там складывали добытую картошку, откуда повар ее забирал. Дополнительные порции были нам гарантированы. Чувство голода, не покидавшее нас, постоянно подталкивало к изобретательности по части мелких хищений съестного.

Но как ни сурова была зима, на смену ей пришла весна. Температура поднялась до приемлемого уровня. Но в целом радоваться было особенно нечему. Разве что перспективе в один прекрасный день все же оказаться дома. Ведь война кончилась без малого два года назад.

В одно из воскресений нам, пленным, предложили посетить Мавзолей Ленина. Дело было вполне добровольное, и я все же решил сходить разнообразия ради. В программу вошла и довольно долгая поездка в московском метро.

Май 1947 года

С мая месяца нашу рабочую команду регулярно отвозили на грузовиках за 40 километров от Москвы. Там мы строили новый барачный городок. Девятиэтажное здание министерства было почти достроено. Несколько наших рабочих групп занимались уборкой помещений. В начале мая весь наш лагерь снялся с места — нас переселили на новое место.

Там уже имелись громкоговорители. По ним ежедневно в 6 утра звучало по-русски «Здравствуйте, товарищи!», потом следовали последние известия и музыка. Затем все шли в столовую поедать утренний супчик с хлебом.

После поверки в 7 часов мы отправлялись на работы. Здесь тоже была большая стройка, по слухам, возводилась больница.

Первым делом необходимо было вырыть котлован. Если посмотреть на нас со стороны, мы, работая, наверняка напоминали муравьев.

300 человек орудовали лопатами и кирками. Котлован под фундамент глубиной 5 метров приходилось отрывать вручную. Работа была зверская, нормы явно завышенными, что негативно отражалось на пайке.

Меня вновь направили в транспортную группу. Первые грузовики со стройматериалами прибывали обычно в 9 часов утра. Бывало, за смену приходилось разгружать от 30 до 40 машин. Русские в ту пору пока что самосвалами не располагали.

С 7 до 9 утра я находился на складе инвентаря. Раздавал нашим инструментарий на день. И принимал новый инструмент, поступавший на склад.

Один молодой русский, с которым мы вместе работали, был хорошим парнем. Мы сразу с ним подружились. Однажды я толкнул ему форменные брюки и рубаху за 50 рублей и три пачки американских сигарет. Все это я стащил в раздевалке. В этой необозримой стране, весьма трудно управляемой, коррупция и обман были необходимым средством выживания.

Кое-кто из наших предлагал мне, чтобы я приворовывал инструмент из склада и продавал его водителям грузовиков. Но мне это занятие представлялось небезопасным, поскольку я хорошо понимал, что мне за это грозит. Но про себя подумал: «Если уж и рискнуть, то только вместе с камрадом Пислингером». Тот знал толк в подобных делах, да и связи у него были.

Вместе с ним мы стащили барабан кабеля и за 120 рублей продали шоферу грузовика Василию, тот, довольный, отпускал шуточки, подбадривая нас.

Пислингер ночами часто работал на лагерной кухне.

Однажды ему поручили покрасить столы и стулья. И он попросил меня достать масляной краски. Я принес ему ведро краски. Пару дней спустя ему вновь срочно понадобилась краска, разумеется, неофициально, поскольку он выполнял чей-то частный заказ. Приходилось следить, чтобы пропажи краски не заметили. И Пислингер расплачивался со мной своей порцией утреннего супчика, поскольку за свои труды на кухне получал вполне солидные рационы.

Июль 1947 года

Наступило знойное лето. И на этой стройке было обычным делом подгонять пленных. Целый день только «Давай, давай!» и «Быстрее!». И с питьевой водой было плохо донельзя. Однажды наша транспортная группа даже пригрозила забастовкой, если нас не обеспечат достаточным количеством чая или хотя бы кипяченой воды. Мы прекрасно понимали, что подобная мера, прибегни мы к ней, неизбежно отразится и на русских, а им ни к чему лишняя головная боль. Но однажды мы все-таки сдержали слово. Можно было, конечно, утолять жажду водичкой из Москвы-реки, но существовала вполне реальная опасность подхватить дизентерию. К тому же это строго воспрещалось. Питание в подмосковном лагере было значительно хуже, чем в московском. Дежурным блюдом здесь был суп из крапивы. На болота отряжали на сбор крапивы специальную, группу. Когда же повозки разгружали у кухни, это очень напоминало скотный двор с одним только отличием, что этой зеленью собрались потчевать нас.

Вот поэтому каждый из нас вынужден был идти на кражу продуктов питания. Водители грузовиков регулярно привозили с базара табак, овощи, колбасу, хлеб. Все это предлагалось по бешеным спекулятивным ценам. Например, за кило колбасы они заламывали 120 рублей. Но с нас можно было получить если не деньги, то другие полезные вещи: горбыль, доски, цемент, толь, словом, стройматериалы, которых в России тогда отчаянно не хватало. Начальники, да и охрана не проверяли водителей. Но все знали, что происходит, другими словами, у всех было рыльце в пушку. Самое главное, чтобы все было шито-крыто.

Заработанные таким образом рубли или продукты разделялись между всеми поровну. Каждое воскресенье в столовой крутили кино. Входной билет стоил рубль. Самое удивительное было то, что официально пленным не разрешалось иметь деньги. Но администрация лагеря была осведомлена о махинациях с гражданским населением и, соответственно, извлекала выгоду из них. Здесь все невозможное становилось возможным, более того, частью повседневности. Все что-то

покупали, продавали, меняли. Достать можно было все, только вот попадаться не следовало. И для нас, пленных, это был единственный способ повысить калорийность скудного лагерного рациона, который — кто знает — может, дарует нам лишний день жизни и, соответственно, возможность дождаться освобождения из плена.

Из 800 пленных этого подмосковного лагеря нас, австрийцев, было 70 человек. Стали циркулировать слухи, что всех австрийцев до конца года отпустят домой. Меня и еще 24 человека моих земляков распределили в группу разнорабочих — на легкие работы на территории лагеря. Я каким-то образом связал этот перевод со скорым возвращением домой.

Но какое-то время спустя внутрилагерные работы перестали меня удовлетворять, поскольку лишали возможности приработок на стороне. Мой бригадир разрешил мне снова вернуться на стройку. Там моим начальником был русский, мой ровесник, мы вместе с ним занимались уборкой помещений от мусора. Надо сказать, мой новый начальник явно не перетруждался. И вскоре я возобновил нелегальные гешефты с водителями автотранспорта. Что, соответственно, разнообразило мое меню. Я даже прикопил немного табаку.

Октябрь 1947 года

Стояла осень, да и зима уже была на пороге. Пару раз выпал снег, похолодало. А мы, пленные, вовсю меняли наши летние тряпки на теплые зимние.

Я думал: «Черт побери, придется проторчать еще одну зиму здесь, в России».

Но 27 октября вызвали 25 человек австрийцев из 3-й группы разнорабочих. Нам велели к 9 часам собраться у душа и пункта дезинсекции. Больше нам ничего не сказали. Что нас ожидало? Переброска в другой лагерь? Ничего другого в голову не приходило.

В душ прямо во время мытья явилась врачиха и сообщила: «Завтра вам на работу не идти, потому что к 8-ми всем собраться на построение». Мы молчали, и она пояснила: «Да отпускают вас, отпускают домой». Это прозвучало громом среди ясного неба. Мне даже показалось, что я ослышался. У меня колени подогнулись, мы недоуменно переглянулись, никто не в силах был и слова произнести. Может, все это очередная глупость, недоразумение? И не следует принимать это всерьез.

Мы живо обсуждали услышанное с нашими товарищами. И те восприняли с радостью новость — ведь она для каждого из них приближала день освобождения из плена. Никто, разумеется, в ту

ночь не заснул, я беспокойно переворачивался с боку на бок на нарах — кто знает, а может, я в последний раз лежу на них? Что готовят нам ближайшие дни? Неужели на самом деле мы уедем домой? Это уже казалось невероятным. События последних лет чередой проносились в голове. Сотни раз смерть была рядом, и сотни раз мне удавалось уйти от нее, потом один лагерь, другой, третий… И что же, теперь все это должно враз кончиться? Пройти, как кошмарный сон? В памяти всплывали лица моих товарищей, однополчан, отдавших жизнь в боях. С одной стороны, я чувствовал себя безумно счастливым, с другой, мне было грустно как никогда.

Начинался новый день. Рабочие группы собирались на стройку. Но на сей раз без нас 25-ти. Несмотря на то что хотелось поскорее уехать отсюда, жалко было расставаться с хорошими ребятами. Я обошел всех товарищей, пожелал им всего хорошего, держаться до конца, потому что и для них наступит радостный день свободы. В особенности я был благодарен моему другу Гельмуту Покшу и венцу Херцигу, тому самому, кто помог мне вернуть австрийское гражданство, обратившись к нашему майору, без этого мое предстоящее возвращение домой отодвинулось бы бог знает насколько. Все понимали, что расстаемся мы навсегда. И, несмотря на грусть расставания, день свободы стал ближе для каждого, кто еще оставался здесь.

Среди кандидатов на освобождение не было Алоиса Пислингера. Но как мне удалось впоследствии разузнать, он был отправлен со следующей группой пленных в феврале 1948 года.

В 8 часов мы в последний раз вышли на построение. Лица у всех сияли, и все-таки втуне опасались очередного сюрприза этих наших непредсказуемых русских. На складе мы получили новую одежду, полушубки и шапки. В обед, как всегда, съели свой суп и кашу, а к ним дневную пайку хлеба. А после этого оставалось терпеливо ждать. Прождали мы до 17 часов, пока за нами не приехал грузовик. В сотый раз проверили наши документы. Врачиха еще раз затеяла медосмотр. Потом всем вручили полотенце и по куску мыла. Ну, а после этого велели грузиться на машину. Лейтенант, у которого находились наши документы, уселся в кабину рядом с шофером. Когда мы выезжали из лагерных ворот, хором прокричали слова прощания остающимся там товарищам, те махали нам вслед.

Нас доставили в сборный лагерь, тоже неподалеку от Москвы. Там собралось человек 700 наших, тоже дожидавшихся отправки на родину.

Здесь мы в полной мере вкусили плоды русской бюрократии — мы до самого 7 ноября, то есть неполных две недели,

просидели в этом сборном лагере. Было решено еще раз скрупулезно проверить и перепроверить наши бумажки.

Все это время нас кормили лекциями на тему светлого будущего человечества — коммунизма. И наш лейтенант не упускал возможности удариться в агитацию, общаясь с нами. Но рекомендовали рассказывать дома о России и об условиях нахождения в плену только хорошее.

Ноябрь 1947 года

6 ноября всех нас, кому предстоял отъезд на родину, усадили на нары. Потом объявили следующее: «Сейчас будут названы по фамилиям те, кто завтра отъезжает». Не могу описать, что пережил, пока дождался своей буквы — «ц». Но когда услышал «Цвайгер, Алоис», у меня гора с плеч свалилась. Фамилии нескольких человек так и не прозвучали. Они были близки к истерике. Не знаю, почему их решили задержать. Может, документы оказались не в порядке, а может, внезапно выяснилось, что они служили в частях СС.

У лагерных ворот нас выстроили только к исходу следующего дня. Снова зачитали список. Но теперь каждый, кого назвали, должен был выйти на шаг вперед и громко назвать дату рождения и гражданство. Потом его тщательно обыскивали двое охранников. Все личные вещи изымались. Даже присланные мне из дому игральные карты, и те отобрали. Позволялось оставить только табак, сигареты, папиросы и курительные принадлежности.

Вся процедура заняла 5 часов. Казалось, ей конца не будет. Но вот постовой распахнул ворота, и мы пешим маршем направились к близлежащей железнодорожной станции. Там нас рассадили по уже хорошо знакомым скотским вагонам, вот только на этот раз не били прикладами в спину. Но мне сейчас было уже все равно, на чем нас повезут, лишь бы быстрее. Потом к нашему прицепили еще состав с 500 возвращавшимися из плена домой из Ленинграда. Наконец поезд тронулся. Ожидалось, что поездка продлится около трех недель.

Еще раз повезло!

Когда наш состав остановился на какой-то станции, я решил воспользоваться этим и сбегать в уборную. Уже стемнело. Я рассчитывал, что наш поезд какое-то время простоит здесь. Я не спешил, но краем глаза заметил, как один из стоявших на этой станции составов стал медленно отъезжать. И когда поезд уже набрал скорость, меня вдруг осенила ужасная догадка — это же наш поезд! В панике я помчался за ним вдоль платформы и

буквально в последнюю секунду успел вскочить на буфер. Вот так и проехал несколько часов, мертвой хваткой вцепившись в металл, в постоянном страхе сорваться на рельсы. В конце концов, дождавшись остановки, я, продрогший до костей, вернулся в наш вагон. Слава богу, поезд остановился, потому что еще немного, и я не выдержал бы.

На русско-румынской границе нескольких наших сняли с поезда. Как я им сочувствовал! Они были уже почти дома. Возможно, речь шла о бывших эсэсовцах, служивших в айнзатцгруппах. Но я и поныне не знаю ответа на этот вопрос.

В маленьком городке нас повели на пункт дезинсекции и в душ. После душа мы совершенно голые и с поднятыми руками еще раз прошествовали мимо комиссии из советских офицеров. Они высматривали эсэсовские татуировки. Кое у кого их обнаружили. Естественно, тут же отделили от нашей группы.

29 ноября 1947 года транспорт с военнопленными из России прибыл на венский вокзал Винер-Нойштадт. Нас радостно приветствовали толпы людей. Тут же на платформе люди бросались друг другу в объятия. Многие женщины держали над головой фотографии своих близких и спрашивали нас, не видели ли мы их там. Но мы были вынуждены разочаровать их. Министр внутренних дел Австрийской Республики произнес приветственную речь, а Красный Крест обеспечил нам угощение — гуляш. Потом мы поехали дальше до Линца и к полуночи туда прибыли. И здесь речь, на сей раз выступил глава федеральной земли. У вокзала нас уже дожидался маленький автобус из Штайра. Но перед этим нас завезли в здание земельного парламента, где выдали новые брюки и жилетки. Нас было 15 человек, один из Гафленца, один из Райхраминга, я из Гросраминга, остальные из Штайра и его окрестностей. В вокзальном ресторане в Штайре бургомистр и члены магистрата пригласили нас на прием в нашу честь. Нас угостили шницелем и вином. Было уже поздно, и поезда не ходили. Первый поезд до Эннстапя отправлялся только утром. Но я уже просто не мог выносить ожидания, поэтому решил поехать на товарняке. В конце концов, и не в таких условиях приходилось ездить. Мимо вдоль берега Энна проплывали знакомые места. Тернберг, Лозенштайн. Заметив строящуюся электростанцию в Гросраминге, я задумался — ведь и здесь тоже в нечеловеческих условиях трудились пленные, многие из которых умерли. Везде, повсюду в мире творилось зло, совершались акты чудовищной несправедливости в отношении людей, так что невиновных в этой войне не было — все были виновны.

И вот мы проехали мимо места, где Родельсбах впадает в Энн. Я дома!

В воскресенье 30 ноября в 7 часов утра поезд остановился на станции Гросраминг. Чудо свершилось, я вернулся домой. Я не верил глазам, видя красоты моей родины. Фаренберг, Хиасльберг, Альмкогель — все горы были на месте, будто ничего и не произошло. Что им до нас! Мерзости, нами творимые, их не касаются.

Это был самый главный и самый радостный день в моей жизни. Меня переполняло непривычное, полузабытое чувство свободы — просто идти без конвоя. Стояла поздняя осень, природа понемногу замирала. Но я знал, что пройдет два-три месяца, и снова настанет верна, и природа пробудится. И я вместе с ней. Несмотря на полтора годы войны и на три с половиной года плена я все же верил в свое воскрешение и надеялся на него.

Нетрудно представить радость моей матери и сестер, когда мы встретились. Произошло то, во что боялись верить: война выпустила меня из своих когтей, ужасы хоть и запечатлелись в памяти, но все же не поглотили меня — я живым и здоровым вернулся домой.

Наш сосед, старый герр Хаберфельнер, завидев меня, радостно прокричал: «Давай, Лоис, ко мне — я только вчера поросенка заколол, так что наешься до отвала!» Ну, разве мог я отказаться? Все только и старались, что угостить меня чем-нибудь вкусным, а вот мой отвыкший от человеческой пищи организм взбунтовался. И ночью я извергнул из себя все эти вкусности.

Прошла не одна неделя, пока мой организм смог перестроиться для приема нормальной пищи.

Два месяца, декабрь и январь, я отдыхал. В феврале я поступил на работу в Австрийское Федеральное лесничество. Кроме того, союз жертв войны в середине марта предоставил мне путевку в дом отдыха. И я провел три незабываемых недели в Бад-Ишле. Как было там прекрасно, какое обслуживание, питание! Я прибавил в весе и вполне мог исполнять обязанности на службе в лесничестве.

В природе вещей, что не каждому дано оценить тяготы и страдания, выпавшие на долю нас, солдат и пленных, в России.

Алоис Цвайгер

В Гросраминге нет семьи, которая не испытала бы горечь потери родных и близких. Увы, судьба не оказалась столь же милосердна к моему брату Берту. И хотя мы так и не получили

официального извещения о его гибели, но он считается пропавшим без вести под Сталинградом.

«Да благословит бог душу его!»

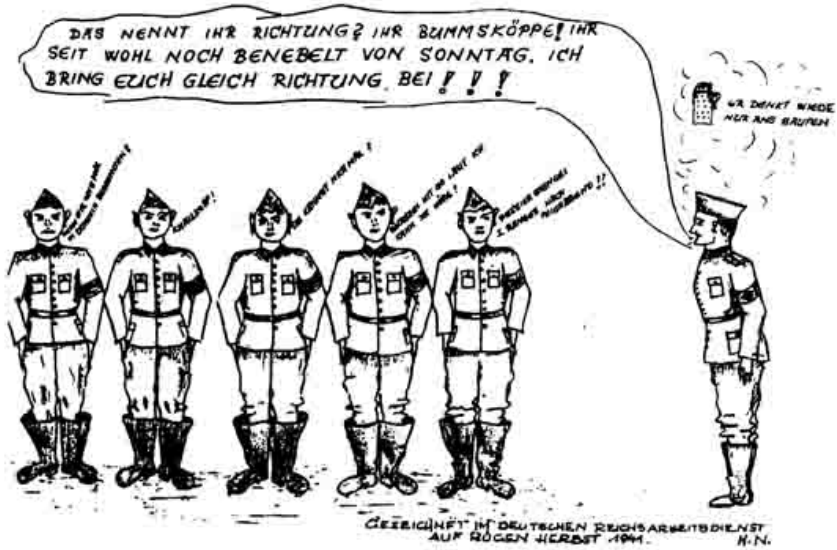
Всего в развязанной Гитлером войне погибло 700 тысяч австрийцев, среди них и 176 жителей Гросраминга.

Хельмут Нойенбуш
Юность на восточном фронте

Глава 1. Призыв на имперскую трудовую повинность.

Когда мне исполнилось 16 лет, началась Вторая мировая война. Тогда, 1 сентября 1939 года, отец сказал мне: «Я рад, что начинается война, надолго она не затянется, уж во всяком случае, не на четыре года, как Первая мировая». В Первую мировую вследствие ранения в голову мой отец лишился глаза и долгие годы мучился от этого. Что же касалось Германии, с этого момента ее участь была роковым образом предрешена.

Вначале на работах Имперской трудовой повинности было весело. Я всегда имел под рукой аккордеон



Мы не принимали всерьез нашего командира Кульмана, муштровавшего нас, и даже посмеивались над ним. А на острове Рюген из-за жуткого холода было уже не до смеха. (Слова командира: «И это вы называете выправкой? Тупицы! Еще после выходных не успели протрезветь. Я вам сейчас покажу, что такое выправка!» И подпись автора карикатуры: «А у самого только пьянка на уме».)

Мне только исполнилось 18 лет, и моя карьера практиканта у одного известного дюссельдорфского архитектора внезапно оборвалась с получением повестки явиться в октябре 1941 года в мекленбургский городок Гюстров для отбывания ИТП — имперской трудовой повинности. Сразу же по прибытии в лагерь нам было велено поставить в сторону чемоданы и сумки. Бразды правления нашим подразделением взял в свои руки некий Кульман, известный своим умением обрабатывать молодежь. Когда-то он служил на командной должности в войсках. Нам приказали взять в руку по кирпичу и в таком виде бегать по строевому плацу. Этот неприятной наружности красномордый горлопан и хам находил удовольствие до потери пульса гонять новоприбывших. Потом дело дошло до экипировки; гражданскую одежду сдать, а вместо нее получить форму. Самым ходовым словечком тогда стало «Подойдет!». Каптером был немец, кажется, польского происхождения, говоривший по-немецки с акцентом. Когда мы потом сдавали ему обувь в ремонт, он неизменно спрашивал: «Фриц, у тебя что, подметки из картона?»

А вообще там было полно приятных в общении и говоривших без всякого акцента серьезных ребят из Нижней Саксонии. Подготовка началась суровой допризывной муштрой и орудованием лопатами. Иногда приходилось работать и на аэродроме, где удлиняли взлетную полосу для проведения учебно-тренировочных полетов люфтваффе. Нам приходилось в буквальном смысле слова вручную удлинять ее.

В начале фатальной зимы 1941/42 гг. наше трудовое подразделение перебросили на остров Рюген. У самого берега Балтийского моря вмерз в лед крупный морской транспорт со строительными материалами на борту.

По прочному, но страшно бугристому ледяному покрову к судну проложили узкоколейку. Кирпичи с борта мы разгружали с помощью думпкара, а потом при температуре минус 25–30 градусов и на ледяном ветру отправляли их на сушу. Потом эти работы все же прекратили, потому что кое-кто из наших, несмотря на защитные средства, заработал легкое обморожение ушей. До побережья Швеции вполне можно было дойти и пешком.

Я с ужасом воспринимал известия о морозах в далекой России и их последствиях для наших войск. Тогда я еще не подозревал, что и мне выпадет пережить не одну зиму на Восточном фронте.

К середине марта 1942 года лед на Балтийском море стал таять. Весь личный состав ИТП был задействован в работе по перетаскиванию канатами нескольких рыбацких лодок с суши на лед. При этом лед довольно подозрительно потрескивал под ногами, но не проламывался. Рыбаки Рюгена готовились вновь выйти в море на лодках. К концу мая 1942 года поступило распоряжение выдать гражданскую одежду и отпустить домой. У меня запечатлелись в памяти дни тяжелой работы и духа искреннего товарищества.

Глава 2. Призыв в вермахт

После отпуска я 1 января 1942 года был призван в 58-й пехотный полк в Оснабрюк-Хасте. Мне надлежало явиться в 4-й батальон 58-й запасной пулеметной роты. Ничего хорошего от этого ожидать не приходилось! Началась тяжкая, изнурительная военная подготовка к предстоящим боевым действиям в России. Я был обычным рядовым солдатом, стрелком-пехотинцем, новобранцем. Служба начиналась в 5 утра со свистка дежурного унтер-офицера. Все происходило очень быстро — сначала

команда: «Достать кофейники!» После короткого завтрака, состоявшего из солдатского хлеба с искусственным медом, снаружи раздавалось: «Стройся!» Строиться полагалось, конечно же, в соответствии с условиями марша, то есть в стальных касках с карабинами и тяжелым крупнокалиберным пулеметом SMG 34, полностью укомплектованным. В продолжительных маршах с оружием и ящиками с боеприпасами мы прочесывали тренировочную местность далеко за городом.

Послеобеденное время отводилось теоретическим занятиям: стрелковому делу, тактической подготовке. На казарменный стол водружали тяжеленный пулемет, потом разбирали его. Нужно было в асбестовых перчатках за считаные секунды заменить замок и ствол. Потом соединить пулеметные ленты и уложить их в ящики с боеприпасами. Мы учились и устранять любые возможные отказы оружия. Осваивали и оптический прицел, установленный поверх ствола.

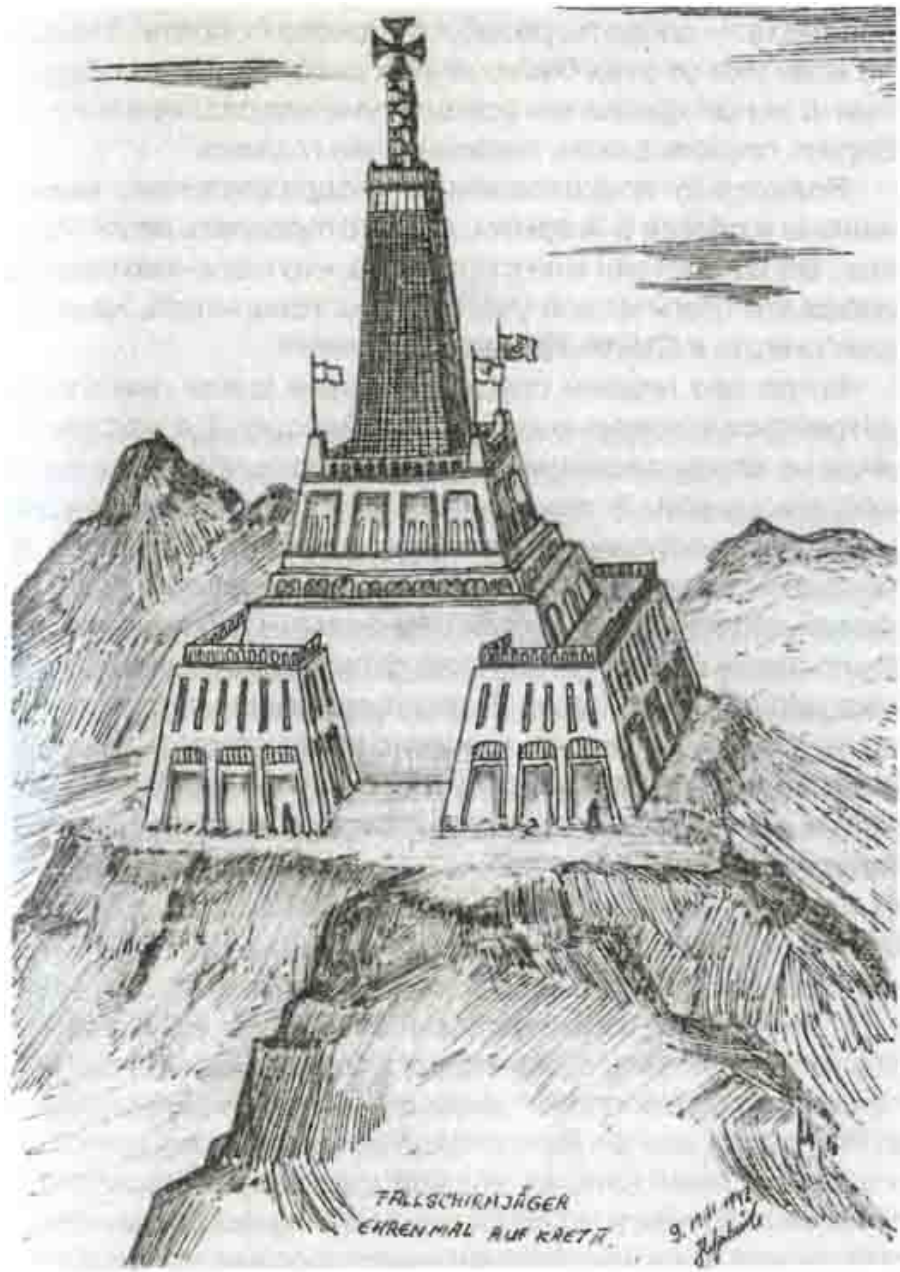
Затем наступало время вещевой службы, а после кто желал, мог получить увольнительную до 22 часов. По вечерам я в свободное время рисовал. Тогда еще убежденный в нашей окончательной победе, я делал наброски проектов памятников павшим на фронтах. Таким образом я упражнялся ради своей будущей профессии.

Меня, молодого человека, в то время угнетало, что мне самому в скором будущем придется убивать людей или даже погибнуть самому, что отнюдь не исключалось. Потребовалось время, и немало, чтобы свыкнуться с этим. Впрочем, иного выхода не было. Подаваемый нам как особо опасный враг международный большевизм представлял угрозу для дорогой нашему сердцу Германии, посему подлежал уничтожению.

В целом, я чувствовал себя вполне готовым к предстоящим боевым действиям. К увесистым, кованым сапожищам я успел привыкнуть еще в период отбывания имперской трудовой повинности. Хотя искусству правильно намотать портянку предстояло еще учиться и учиться — нередко кое-как намотанная портянка натирала ноги до волдырей. Потом приходилось их прокалывать иголкой и выдавливать скопившуюся внутри жидкость. Ядреный запах мужского пота и кожаных ремней был повседневным в жизни пехотинцев; иногда к нему примешивалась вонь пищеварительных газов. Тогда инструкторы во всю глотку орали: «От кого так несет?» Никакого ответа, все молча маршировали дальше.

Период подготовки постепенно подходил к концу, когда вдруг произошло нечто совершенно неожиданное. В нашем казарменном блоке началась эпидемия дифтерита и скарлатины.

Весь блок посадили в карантин. Ни выйти, ни войти. Пищу нам подвозили к входу в блок, откуда мы ее и забирали. Не разрешалось даже покидать кубрики — даже занятия проходили там. Впрочем, все занятия сводились к дальнейшему изучению пулемета — собрать, разобрать, снова собрать. Тошнило всех уже от этих бесконечных разбираний и собираний. В конце концов мы освоили умение разбирать и собирать оружие даже с завязанными глазами.



В период учебы весной 1942 года я еще сохранял веру в нашу конечную победу. По вечерам в свободное от службы время я набросал эскиз мемориала павшим на Крите десантникам. Лист бумаги и карандаш всегда были при мне

Полностью подготовленные подразделения, включенные в состав 6-й армии, стали отправлять на юг России. Впоследствии мне стало ясно, что я все-таки сумел избежать трагической участи моих товарищей, нашедших смерть в Сталинграде.

Когда две недели спустя карантин сняли, мы стали готовиться к первому отбытию в Россию. Тут нас погоняли на славу, заставив совершать марш-броски с полной выкладкой. В день «х» мы маршем проследовали на железнодорожную товарную станцию Оснабрюк в сопровождении полкового оркестра. Стоявшие по обочинам дороги люди махали нам белыми платочками, их было очень много. На вокзале полковой оркестр исполнил прощальный марш. Я тогда еще подумал, кому же из нас, молодых людей, суждено вновь увидеть родину. На товарной станции стояли выложенные соломой и готовые к отъезду вагоны для транспортировки свежего пушечного мяса в Россию.

Глава 3. Впервые в России 12.07.1942 г.

Мы проехали всю Восточную Пруссию, потом через страны Балтии, направляясь на север России по преимущественно одноколейным железнодорожным веткам к озеру Ильмень. Немецким саперам-железнодорожникам пришлось попыхтеть, чтобы перешить русскую широкую колею на более узкую европейскую. Дорога тянулась, главным образом, через унылую равнинную местность. Из-за нападений партизан вермахт превратил отдельные перегоны в небольшие бастионы. По обеим сторонам пути виднелись опрокинутые, полусгоревшие вагоны эшелонов войскового подвоза. Активность партизан на железной дороге создавала серьезные проблемы для бесперебойного войскового подвоза снабжения северного участка Восточного фронта. После пятидневной поездки мы наконец добрались до лагеря учебного полевого батальона 126-й пехотной дивизии, расположенного у местечка Городцы неподалеку от озера Ильмень. На огромном сыром лугу у Городцов мы возвели палаточный лагерь из расчета по 4 человека на палатку. Каждая палатка была заглублена с помощью саперных лопат на 30 см в землю, а из вынутого грунта мы соорудили нечто вроде вала для защиты от осколков. Спали мы на соломе или сене, накрываясь шерстяными одеялами.

Ежедневно нас гоняли до упада, заставляя действовать в условиях, приближенных к фронтовым. Однажды мы изучали приемы переправы через водную преграду.

Неподалеку от нашего лагеря протекала довольно быстрая речка шириной около 10 метров. Вскоре поступил приказ отыскать брод и с оружием и с полной выкладкой переправиться на противоположный берег. Брод был найден, и мы, обвязав вокруг головы одежду, с карабинами, ремнями и со всем остальным переправились через реку. Обратный путь выглядел так же. К счастью, стояли теплые дни начала лета, и мы спокойно вытерлись полотенцем и вновь облачились в форму, самое главное, что и сапоги оставались сухими.

Один раз появилась возможность осмотреть деревню Городцы. Деревня эта выглядела бедно, мужская часть населения отсутствовала, вероятно, по причине призыва в Красную Армию. Через деревню тянулась типичная русская немощеная дорога. Мне еще нигде и никогда не доводилось видеть такого убожества. Мы с одним моим товарищем вошли в крестьянский дом попросить яиц. Яиц нам дали, и, как мне показалось, хозяева разговаривали с нами приветливо, хотя мы ни слова не поняли. Рассчитались мы с ними рейхсмарками.

Меня поразило полное отсутствие каких-либо удобств внутри этой типично крестьянской хаты. По дому в поисках чем поживиться вовсю разгуливали куры, грязи опасаться было нечего — земляной пол легко выметался большим березовым веником. Внутренние стены были сложены из грубо оструганных деревянных досок, а вместо обоев хозяева использовали старые газеты. Оказывается, вот он каков, пресловутый «рай для трудящихся». Теперь мой жизненный опыт обогатился еще одним отрицательным примером.

Что касалось войскового снабжения фронтовых частей, то на бесконечно длинных и однопутных железнодорожных линиях товарные составы вермахта русские партизаны нередко пускали под откос, подкладывая мины под рельсы. Поэтому впереди к паровозу прицепляли вагоны со щебенкой, а непосредственно за ним — платформу с установленной на ней легкой зениткой, а только потом вагоны с провиантом и всем остальным. Невзирая на эти меры, партизаны все равно подрывали составы.

(Фото из фронтовой многотиражки, 1943 год)

Нам предстояло переместиться поближе к фронту в районе давно окруженного неприятелем Демянска. Это на какое-то время избавляло нас от необходимости выставления ночных постов боевого охранения. Здесь, в тылу, приходилось быть начеку, в особенности по ночам. Из лесов постоянно появлялись партизаны и делали свое черное дело. Дорогу к станции Тулебля мы прошли пешим маршем — как же иначе, мы, в конце концов, бравые пехотинцы. Из Тулебли по железной дороге мы должны были перебраться в Старую Руссу, красивый город на озере Ильмень. Нас предупредили, что этот участок железной дороги кое-где простреливается артиллерией противника. Если по нам откроют огонь, следовало сразу же лечь на пол вагона.

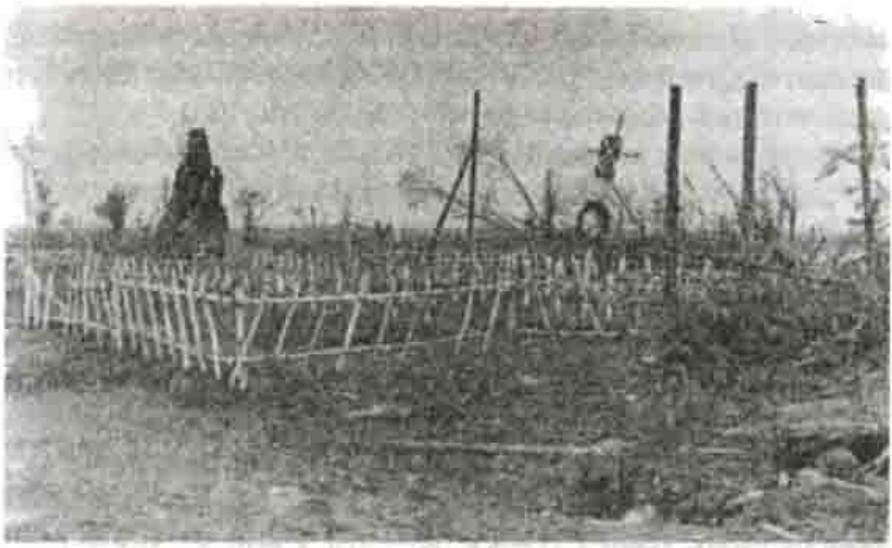
Могилы немецких солдат вдоль дорог северной России

Откуда-то подогнали небольшой тепловоз с прицепленными к нему несколькими товарными вагонами, и мы отправились в путь. Мы сразу же обратили внимание на ужасное состояние рельсового пути — время от времени его подрывали минами, а потом кое-как приводили в порядок. Вскоре заявила о себе и русская артиллерия — несколько снарядов разорвалось прямо у насыпи. Странное это было ощущение — вроде едешь в поезде, а тебя враг обстреливает из пушек, даже смешно как-то. Когда мы уже подъезжали к вокзалу Старой Руссы, кое-где поблизости падали снаряды. На территории вокзала мы наскоро поели, а затем начался марш по довольно сильно разрушенным улицам города. Под периодически вспыхивающим беспокоящим огнем противника мы вынуждены были передвигаться разреженным строем. Прекрасно помню, как мы маршировали мимо архитектурного ансамбля Вознесенского собора с весьма оригинальной колокольней, тоже полуразрушенной. Большевики превратили чудесный памятник архитектуры в атеистический музей. Впоследствии у меня появилась возможность срисовать этот шедевр архитектуры.

Было начало августа 1942 года, стояла жуткая жара. Мы не успевали наполнять свои 750-граммовые фляги. В условиях полнейшего бездорожья мы продвигались в направлении Рамушево, небольшого городка на восточном берегу Ловати, черной речки. Наши саперы штурмовой группы, уже дожидавшиеся нашего прибытия, на своих проворных десантных катерах переправили нас через почти семисотметровую реку. Чуть южнее Рамушево мы сошли на берег и в полуразрушенном городе попали под артобстрел.

Именно южнее Рамушево и начинался узкий и пользовавшийся дурной славой коридор войскового подвоза — артерия, питавшая хорошо известный Демянский котел, участок площадью 280 квадратных километров. Там начиная с 8 февраля 1942 года в кольце окружения противника находилась 16-я армия генерал-лейтенанта Отто фон Кнобельсдорфа в составе шести пехотных дивизий. На этом участке фронта развернулось самое долгое в истории Второй мировой войны сражение на окружение, затянувшееся в общей сложности на 12 месяцев и 18 дней. Вот туда, в этот котел, мы, молодые пехотинцы, и угодили, мне тогда как раз исполнилось 19 лет.

Что-то восточное проглядывает в красивом здании Воскресенской церкви в Старой Руссе — городе у озера Ильмень. Я, в ту пору 19-летний пулеметчик, проходя мимо в колонне, не мог не заметить ее. Но времени на рисунки не было — этот возник лишь позже



Маленькое солдатское кладбище неподалеку от реки Ловать в Рамушево, юго-восточнее озера Ильмень

Прежде чем приступить к детальному описанию своих впечатлений, мне хотелось бы вкратце пояснить о причинах возникновения кольца окружения под Демянском. Произошло это в суровую зиму 1941/42 гг., суровую даже по русским меркам, в условиях которой пришлось действовать нашим войскам. Как утверждали, это была самая холодная зима за 140 лет. Примерно с конца ноября 1941 года установились морозы в 40–50 градусов. [10] У большинства наших солдат были только каска на голове, вязаная куртка и перчатки. Потери по причине обморожений в этих условиях были колоссальными и почти до критического минимума сократили численность войсковых соединений. Заболоченные участки под Волховом, у озер Ильмень и Селигер, быстро сковали морозы, что позволило сибирским ударным дивизиям, солдаты которых были соответствующим образом экипированы для ведения боевых действий в условиях морозов, совершить решающий прорыв на широком фронте. Тем самым участь 16-й армии была фактически предрешена — она в полном составе оказалась в кольце окружения. Нетрудно догадаться, что при таком холоде и оружие отказывало. Стволы минометов покрывались льдом, да и с артиллерийскими орудиями возникали аналогичные проблемы. Войсковой подвоз агонизировал. И положение окруженных с каждым днем все более

осложнялось. Необходимо было создать фронт внутри кольца окружения, причем в условиях сокращенного более чем наполовину продовольственного рациона. Лошади, а их было несколько тысяч, остались без прокорма, и среди них начался массовый падеж. Военные ветеринары отчаянно боролись за каждое животное, но в конце концов оставался единственный выход — пристрелить его ради избавления от мук. Конина поступала на полевые кухни, потому что именно она стала основным источником пропитания войск. Кости и внутренности доставались местному населению, в отходы шли одни только копыта.

Теперь все надежды возлагались на транспортные эскадрильи германских люфтваффе и их трехмоторные машины Ю-52. Временный аэродром вблизи Демянска мог удовлетворять лишь первостепенные нужды, через него завозились провиант, боеприпасы, горючее. Через него осуществлялась и эвакуация раненых. Прибытие каждого такого самолета становилось событием. Среди пилотов-транспортников тоже были большие потери. Трудно вообразить, что пришлось вынести немецкому солдату в эти жестокие зимние месяцы. Лишь ранней весной 1942 года удалось создать узкий коридор войскового подвоза. И вот мы, молодые пехотинцы, в те сырые, промозглые дни небольшими группами небольшим интервалом, пройдя по шатким бревнам деревянного настила, вошли в кольцо окружения через этот самый коридор. Ширина его в самом узком месте составляла 400 метров, местами он с обеих сторон простреливался противником, а длина — приблизительно 18 километров. По обеим сторонам внутреннего фронта коридора окопались силы дивизии СС «Мертвая голова». Русские постоянно пытались прорвать этот единственный путь обеспечения. Для лежавших в глухой обороне дивизий это были самые тяжелые времена, но именно они сумели отвлечь на себя целых пять русских армий.

Бревенчатый настил дороги, единственный путь войскового подвоза в кольцо окружения, первоначально возводился для снабжения Демянска. Он был так сильно поврежден артиллерийским огнем и бомбами, что стал полностью непроезжим. Переправить по нему удавалось лишь небольшие по численности пехотные части. Противник с обеих сторон подвергал путь снабжения непрерывным минометным обстрелам. Мины, которые мы прозвали «фрикадельками», нередко шлепались в трясину, не разрываясь. На наиболее узких участках противник простреливал коридор из пулеметов. Во время передвижения через коридор мы всегда были начеку, чутко прислушиваясь к выстрелам из артиллерийских орудий и краем

глаза отыскивая для себя подходящее место для укрытия, если станет совсем уж жарко. А по ночам коридор становился и вовсе непроходимым. Через эту заболоченную, усеянную ямами с водой местность и разрушенные огнем остатки бревенчатого настила и в светлое время суток было сложно пробраться. И наша запасная часть, включенная в 126-ю пехотную дивизию, в страшную духоту двинулась по снабженческому коридору к Демянску. По обеим сторонам в болотах и ямах, наполненных водой, еще с зимы лежали трупы русских солдат, лошадей, а также полусгоревшие обломки подбитых танков и грузовиков. Более жуткой картины для нас, молодых пехотинцев, вообразить трудно. Страшный, ужасающий смрад исходил от разлагавшихся трупов лошадей, сплошь покрытых белесой колышущейся массой червей. Вся эта мертвечина еще долго не давала нам покоя, поскольку убрать ее не было никакой возможности. Не следует забывать и о комарах, тоже ставших для нас адовыми муками. Прямо у нас над головами проносились колонны транспортных Ю-52. Ежедневно садились и взлетали от 100 до 150 машин, снабжавших 100000 человек 16-й армии, доставлявших в котел все необходимое и забиравших оттуда раненых. Проход через коридор войскового подвоза вечером наконец завершился, и мы получили возможность передохнуть. Он стал для меня одним из самых изнурительных маршей за всю войну в России.

По прибытии в 126-ю пехотную дивизию нас, молодых запасников, разделили на полки. Я попал в 422-й пехотный полк, в 4-ю пулеметную роту. Адъютант полка приветствовал нас следующей тирадой: «Ну, вот, дождались! Скоро они нам из детского сада пополнение пришлют. Вы хоть голую бабу живьем видели?» Повисло неловкое молчание, после этого посыльный повел нас на командный пункт 4-й роты.

Глава 4. Знакомство с передовой, проживание в землянке, скудная жратва, комарье тучами, я — связной, едва не попавший в плен

Путь в 4-ю роту пролегал по холмистой и заболоченной местности, через кустарник и луга. Прямо у кустарника краснели целые ковры спелой брусники, ягоды, произрастающей до самой Сибири. Я, на всякий случай, приметил себе местечко, чтобы потом полакомиться и пополнить ослабевший организм витаминами. Чуть в стороне горел небольшой костер из поленниц, перед ним на корточках сидели две русские женщины в темной одежде. Наверняка картошку пекут, подумал я. Я

спокойно подошел к ним попросить головешку прикурить сигарету, но, едва увидев их лица, в испуге отпрянул — лица обеих пожилых женщин покрывала буроватая корка, и руки тоже. Боже мой, да этим несчастным уже не помочь, промелькнуло у меня в голове. У них, скорее всего, проказа.[11]

Где-то вдалеке погромыхивала артиллерия, и у нас, молодых запасников, похолодело в животе. Мы сейчас приближались к передовой, это подтверждали и другие недвусмысленные признаки боя — автоматные и пулеметные очереди. Затем нам повстречались двое санитаров, которые несли в тыл тяжело раненного унтер-офицера. Жуткая картина: окровавленная голова болтается в такт шагам несущих. Я впервые видел тяжелораненого немца и не на шутку перепугался.

Вскоре мы явились на командный пункт 4-й роты, там нам посоветовали ходить пригнувшись. Чавкая сапогами по грязи, мы через траншеи добрались до землянки ротного командира, лейтенанта Вайса, оказавшегося, как выяснилось вскоре, человеком понятливым и опытным фронтовым офицером. Далее нас разбили по подразделениям пулеметчиков. Меня пока что в качестве связного оставили в отделении управления роты и велели ознакомиться с системой ходов сообщения. На фанерном листе я потом начертил синим мелком примерную схему позиций. В сырой землянке первую ночь не спалось вообще. Дощатые нары мало подходили для лежания, впрочем, и без этого хватало раздражителей — отрывистые выкрики команд, уханье минометов, пулеметные очереди и так далее. Потребовалось время, чтобы привыкнуть к этому. Спать можно было, даже не снимая каски, ее продуманная форма это позволяла.

Приходилось стоять на посту, заниматься хозработами, окапываться — свободного времени почти не оставалось. Ежедневно нам сообщали пароль, чтобы, в первую очередь, в темное время суток по отзыву мигом определить, кто свой, а кто чужой. В дождливую погоду выручала плащ-палатка, хотя штаны и сапоги промокали насквозь. Стоявшая в землянке печка «фирмы «Самоделка» обеспечивала теплом, если, конечно, раздобудешь сухих поленьев для растопки. Потом, если печку как следует растопить, можно было подкладывать и сырые березовые дрова. Землянка состояла из сложенных в несколько накатов толстых бревен. В ней всегда было сыро и дымно; кроме того, она кишела вшами. Я заметил это, ощутив зуд сначала под воротником, потом на спине и в нижней части тела. Зудело все тело. Можно было потереться о косяк землянки, но это помогало лишь ненадолго. К этому следует добавить муки, причиняемые комарами, этой широко распространенной на севере России

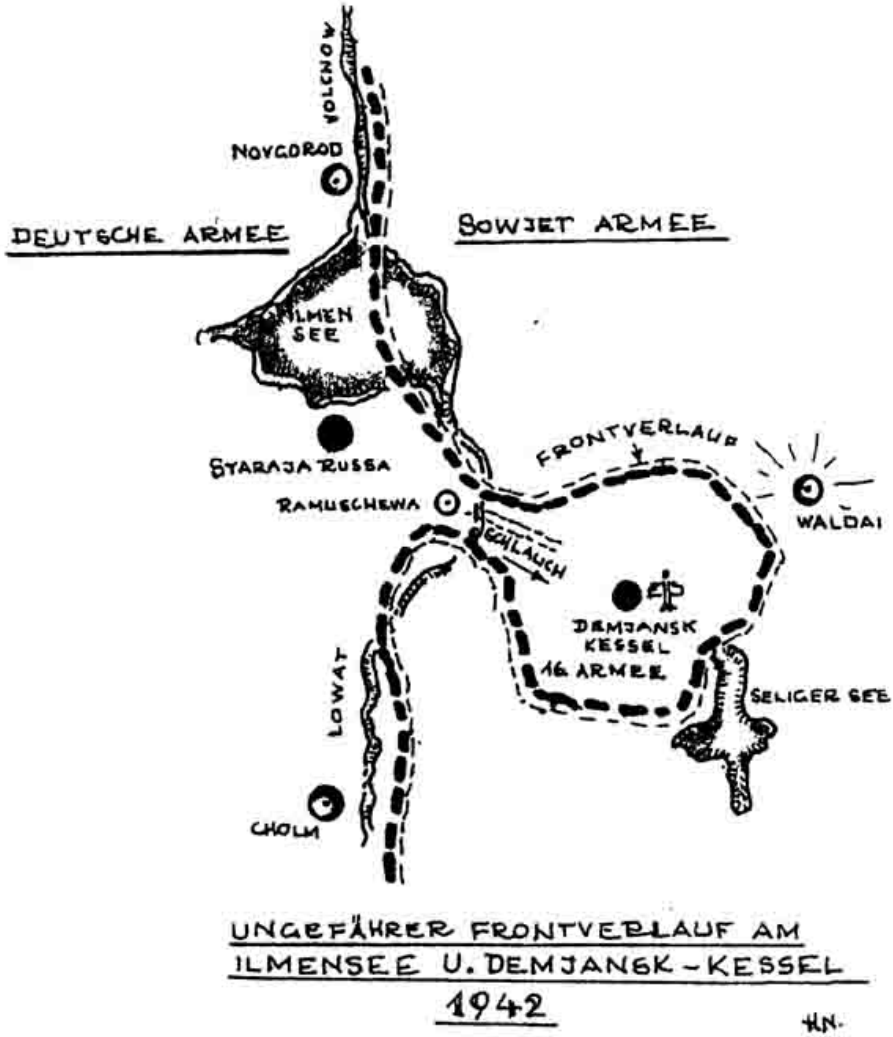
бедой. Кровососущие бестии жужжали день и ночь у самых ушей. Свыклись мы и с обычными для военного времени отхожими местами — ямами, вырытыми где-нибудь в отдалении. Туалетная бумага в ее традиционном представлении просто не существовала. После того как в ход шел последний бумажный носовой платок, приходилось пользоваться письмами из дому либо фронтовыми газетами. Последним из подручных средств был пук вырванной свежей травы, но от нее тоже возникал зуд в самом чувствительном месте. Пришлось до минимума сократить ежедневный туалет, включая и бритье — бриться приходилось раз в два дня. Я научился бриться даже без зеркала. Фактор бритья приобретал особую важность в связи с возможностью газовых атак — маска противогаза должна была плотно прилегать к коже лица.

Иногда нам на Восточном фронте попадались и советские рубли. Эту купюру я на память вложил в свою солдатскую книжку

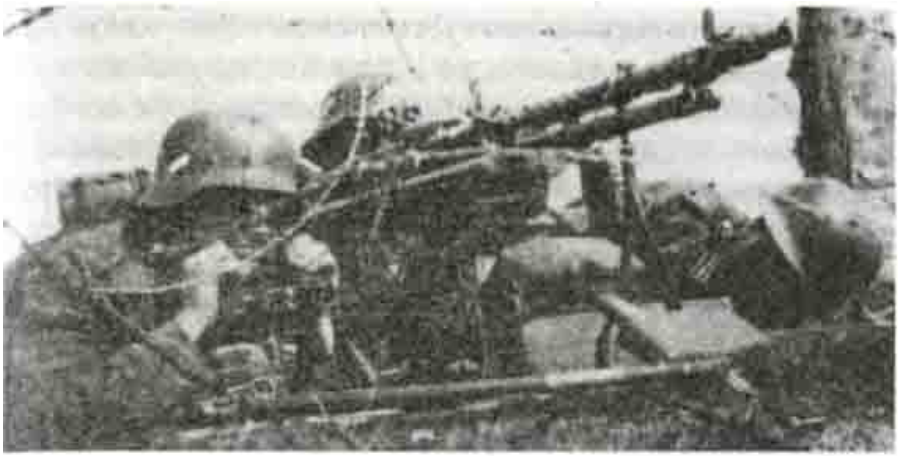
Чаще всего по вечерам привозили еду. Для этих целей использовалась маленькая телега, запряженная хилой русской лошаденкой, она доезжала почти до передовой. Каптенармус докладывал командиру о прибытии еды и почты. Тут к нему устремлялись разносчики еды, как правило, еду брали на четверых. Приходилось быть начеку, чтобы, передвигаясь по ухабам, донести все, не расплескав. К густому супу полагалась еще холодная пища и походная фляжка с ячменным кофе. Холодной пищи хватало разве что на короткое время утолить голод, но не на восстановление сил. На шестерых человек полагалась одна палка колбасы. Ее точно делил между всеми самый старший из солдат, сначала он тщательнейшим образом, но на глазок прикидывал, сколько выйдет на каждого, и уже потом отхватывал ножом от батона равные куски. Крайне

мизерным был хлебный рацион, буханку солдатского хлеба делили на шестерых. В довесок давали несколько штук сигарет, редко крохотную шоколадку бельгийского производства. Поскольку я не курил, то полагавшиеся мне сигареты я с удовольствием выменивал у своих товарищей на шоколад. Пока наша дивизия находилась в окружении, мы терпели нужду и голодали. Немецкие транспортные эскадрильи доставляли в Демянский котел только самое необходимое и увозили в тыл раненых.

На ротной упряжке на передовую подвозили и пулеметные ленты, ручные гранаты, мины и другие боеприпасы. Как-то раз для ведения ночного беспокоящего огня из крупнокалиберного пулемета потребовалось довольно много боеприпасов. Каждый пятый патрон в пулеметной ленте был с трассирующей пулей, что позволяло пулеметчикам отследить траекторию огня. Русская артиллерия обожала портить нам жизнь как раз во время подвоза самого необходимого. Если в таких случаях лошадь получала ранение, ее полагалось тут же пристрелить. Это было повсеместным правилом на всем Восточном фронте. Мясо убитых лошадей было желанным дополнением к рациону.



Примерная схема линии фронта в районе озера Ильмень и Демянского котла. 1942 год



Станковый пулемет MG-34 на лафете. Я обучался стрельбе из этого оружия, с ним же мне пришлось сражаться на Восточном фронте. Особенно трудными выдались месяцы, проведенные в Демянском котле.
(Фото: Гейнц Шрётер)

Мы, зеленая молодежь, уже несколько недель спустя обжились на фронте и даже приобрели кое-какой опыт. Наконец я, связной, получил свой первый приказ — с наступлением темноты вернуть в роту крупнокалиберный пулемет унтер-офицера Майера. Лейтенант Вайс подробно объяснил мне, как добраться до места и на что обратить внимание. Вначале я тащил пулемет через наши траншеи, а потом, когда они закончились, мне предстояло преодолеть небольшой участок просматриваемой противником местности, за которой снова располагались наши ходы сообщения. По опасному участку я пронесся стрелой, собравшись нырнуть в начало следующей траншеи, но почему-то повернул не туда, куда следовало, и в результате оказался в траншее русских. Впервые я лицезрел своих смертельных врагов, помню их темно-зеленые каски; они вполне мирно пилили дрова, устроившись между двумя землянками. Внезапно увидев немецкую каску, они побросали пилы и схватились за оружие. В считаные секунды оценив опасность ситуации, я сиганул в кусты и побежал, петляя, как заяц, вверх по склону. Вслед мне прогремели несколько выстрелов. Но противник тут же потерял меня из виду. На командном пункте роты я доложил лейтенанту Вайсу о незапланированном визите в окопы русских, во что он, естественно, верить не хотел. Потом он решил послать к выдвинутой пулеметной позиции кого-то поопытнее. Так провалилось мое первое боевое задание. Повезло!

В целом в тот период на фронте было довольно спокойно, в

боковых оврагах, которые нами не контролировались, находились русские. С наступлением темноты там разжигались костры, и русские пели свои берущие за душу песни. Мы, затаившись, слушали их пение, на мгновение забывая ужасы войны и даже ненависть к тем, кто находился по ту сторону.

В этом изголодавшемся Демянском котле темой номер один была и оставалась жратва. Когда чувство голода усиливалось, мы начинали воображать себе всякую вкуснятину в самых различных вариантах. В письме к родителям я молил их прислать мне хоть хлебных крошек, потом, правда, пожалел об этом — ну к чему заставлять их лишний раз переживать за меня? Мы были обязаны испить свою чашу страданий за Германию до дна. Солдатское братство и взаимопомощь позволили нам выстоять в эти тяжкие времена. Я тогда и вообразить не мог, что все может быть гораздо хуже.

К великому счастью, полевая почта, хоть с грехом пополам, но функционировала, и мы имели возможность написать домой. По воздуху нам доставляли стограммовые бандероли и письма. Как же мы радовались, услышав свою фамилию при раздаче писем. В письмах отец старался подбодрить меня, вспоминая Первую мировую войну и ураганный огонь под Верденом, где он получил тяжелое ранение в голову. В письмах на родину строго воспрещалось указывать место расположения армейской части.

Поползли слухи о том, что скоро будет предпринята попытка выхода из кольца окружения. Меня зачислили четвертым стрелком станкового пулемета. Командир расчета и первый стрелок были смертельно ранены в голову, в подобных случаях всегда можно было рассчитывать на повышение.

Незаметно наступила середина сентября 1942 года, ночи стали холодными, что мы почувствовали, в первую очередь, ногами. Мы с волнением и нетерпением ожидали, что еще до начала зимы наше положение все же хоть как-то изменится — в конце концов, не сидеть же в этом котле до конца войны!

Задним числом мне хотелось бы поведать о причинах таких страшных потерь среди командного состава расчетов станковых пулеметов SMG 34. Чаще всего командиры этих расчетов и первые стрелки гибли от ранения в голову. Дело в том, что прицел был установлен слишком высоко над стволом пулемета SMG 34. Как бывший пятый стрелок (подносчик боеприпасов) в начале операции «Михаель» я выдвигался далеко вперед и, соответственно, первый и второй стрелки тоже. Я задумался над тем, как сократить потери, и пришел к выводу, что выход есть — взять и изменить расположение прицела, просто-напросто расположив окуляр ниже, как это, например, сделано в

стереотрубе. И вот в доставшейся мне в качестве трофея русской тетрадке я начертил простые схемы усовершенствования прицельного приспособления пулемета SMG и отослал их в Берлин в Имперское министерство вооруженных сил. В ответ на это мои родители получили очень вежливое послание из министерства, с просьбой переслать его мне на мой адрес полевой почты. Это послание, увы, до меня так и не дошло, а фронтовые войска стали вооружать исключительно пулеметами полегче.

Глава 5. Начало операции «Михаель» 27.09 -5.10.1942 года Попытка прорыва из кольца окружения у Демянска под Салунами. Наш 422-й полк вместе со штурмовым отрядом 1-го дивизиона 184-го артиллерийского полка занимает исходное положение к востоку от Великого Села. Позиционная война в болотистой местности в Ловати. Несчастный случай на позиции, желтуха, пребывание в госпитале

В большом лесном массиве около Великого Села мы с наступлением темноты выдвигались на исходную позицию, где уже развертывалась для наступления еще одна пехотная часть. Я подумал, что мы, скорее всего, будем атаковать волнами. К утру поступил приказ: «Подразделению получить глинтвейн для согрева». С четырьмя солдатскими котелками я в кромешной темноте, шлепая по лужам, потащился через лес туда, где находился обоз. На человека полагалось пол-литра глинтвейна. Залив четыре порции, я поспешил назад, но заплутал в лесу и добрался до своих, когда наша артиллерия уже открыла ураганный огонь по русским позициям. Началась классическая пехотная атака с большим размахом, в которой и мне довелось участвовать. Потом были и оборонительные бои, и отступление с боем. Противник со знанием дела окопался на поросшей местности, превратив ее в глубоко эшелонированную линию обороны. Предполье было заминировано, о чем мы знали. Вскоре послышался хорошо знакомый гул. Две группы пикирующих бомбардировщиков типа Ю-87 и две эскадрильи истребителей «Ме-109» атаковали русские позиции прямо перед нами. Бомбардировщики, пикируя, не могли точно определить, где мы, а где противник, поэтому несколько бомб упали на наши позиции. Но мы, вовремя заметив падавшие на нас бомбы, сумели укрыться. От воя сирен пикирующих бомбардировщиков душу выворачивало наизнанку. Мой близкий друг получил тогда ранение. Это на самом деле очень напоминало ад. После того как

пикирующие отбомбились, настала очередь Ме-109. Истребители на бреющем щедро поливали из пулеметов позиции русских. Если кто-нибудь из летчиков, увлекшись, слишком долго держал палец на гашетке, от его огня перепадало и нам. Приходилось действовать как всегда — «мордой в грязь». Позабыв о смертельной опасности, мы выползали из наших траншей на нейтральную зону перед русскими окопами. Из-за коварных мин в предполье, не говоря уже об ответном огне противника, один за другим гибли и получали ранения наши солдаты. Там, где мины были обезврежены или сработали, саперы кусочками бинтов обозначали безопасный проход. Наш станковый уже в начале боя расстрелял все боеприпасы и нуждался в срочном их пополнении. И я ползком приволок через просеку своим товарищам два полных ящика с патронами. Слева и справа от меня я слышал мольбы о помощи: «Санитар! Санитар!» Лишь с наступлением темноты стало возможным помочь раненым, но для многих эта помощь запоздала.

Мы так и не смогли добраться до позиций русских — они засели с пулеметами в глубоко эшелонированных, круглых окопах. Атака пикирующих бомбардировщиков и минометный обстрел особого успеха не имели, русские тут же открыли огонь по нашей наступающей пехоте. На это мы никак не рассчитывали. Их огневые точки смогли подавить только малочисленные ударные группы, лишь тогда стал возможен прорыв к первой линии оборонительных позиций. У одной из землянок мы обнаружили немецкую разведгруппу, перебитую всю до единого человека, лежащие рядами трупы с перерезанным горлом, леденящая душу картина. Что же за муки выпали на долю этих несчастных ребят в последние мгновения жизни? Нам противостояли калмыки, татары и сибирские штрафные батальоны, то есть не знавшие пощады русские части, у которых был один девиз: пленных не брать!

Во время следующей атаки мы попали под обстрел из тяжелых минометов. Кое-как, согнувшись в три погибели, мы добрались до близлежащей воронки от бомбы пикирующих и рухнули на дно. Мы — это трое: двое рядовых и унтер-офицер. Русские наверняка засекли нас, потому что следующая мина разорвалась в двух шагах от нашей воронки. Унтер-офицер был куда опытнее нас по части подобных ситуаций, и рявкнул: «Убирайтесь отсюда!» Мы со всех ног понеслись наверх, когда мина прямым попаданием угодила прямо в воронку. Позже я неоднократно убеждался, что русские непревзойденные мастера по части ведения прицельного огня из Минометов. Мины русских пехотинцев представляли собой воистину дьявольское оружие —

они взрывались при соприкосновении с веткой дерева, и горе тому, в кого попадали их осколки — оставался на всю жизнь калекой. У нас ничего подобного не было. В красноармейских землянках было полно мясных консервов, изготовленных в Чикаго, и сухарей в бумажных пакетах, так что мы имели возможность как следует подкрепиться в пути, ведь наши рационы были куда скуднее.

Вскоре наша атака захлебнулась из-за русских зениток, бивших по нам прямой наводкой. Когда стемнело, по порядку шепотом передали срочный приказ: «Примкнуть штыки, подготовиться к рукопашной схватке, не стрелять». В этой незабываемой и жуткой схватке в лесу мы, обойдя огневую позицию русской зенитной артиллерии с фланга, подавили ее. И невольно выпучили глаза при виде самых современных, тяжелых американских зенитных орудий с электрическим управлением огнем.

На следующий день нам удалось еще потеснить противника, на этот раз при поддержке наших штурмовых орудий, что вследствие заболоченной местности не везде было возможно. Мы продвигались вперед между танков вдоль шоссе, когда вдруг увидели русский танк Т-34 и в ужасе замерли на месте, а потом стали лихорадочно рыть окопы, но куда там! Я ничком шлепнулся на землю, когда прямо позади меня остановилось немецкое штурмовое орудие и открыло огонь по Т-34. Взрывной волной меня даже приподняло. Да и русские тоже не буханками хлеба стреляли, с тех пор у меня и остался на левом предплечье рубец от осколка, которым меня полоснуло. Тогда я обошелся с помощью йода и пластыря. Когда удалось поджечь несколько «тридцатьчетверок», мы смогли продвигаться дальше и, овладев каменным мостом через реку Ропя, овладели еще куском территории.

Немало нам досаждали русские тяжелые танки Т-34.

В книге я достаточно подробно упоминал об этом. Данный рисунок выполнен уже дома после войны

Нашему расчету станкового было приказано выдвинуться как можно дальше на позиции. Боеприпасы доставлялись теперь в достаточном количестве и вовремя. Местность была непросматриваемая, поросшая деревьями и кустарниками. Русские бились как безумные, каждый раз все ожесточеннее. Вдруг танк Т-34 через кустарник покатил прямо на меня. Упав ничком в грязь, я ждал момента отскочить в сторону. Позади меня расположилось хорошо замаскированное противотанковое орудие с хорошим, надежным снарядом в стволе. Я услышал, как командир расчета скомандовал: «Подпустить ближе!», потом после паузы: «Еще ближе!», а затем: «Огонь!» Танк Т-34 получил прямое попадание и тотчас же загорелся. Повсюду пылали и другие русские танки, в сумерках это была жутковатая сцена. Обычные снаряды наших 3,7-см противотанковых орудий броню Т-34 не пробивали, поэтому использовались особые надкалиберные снаряды, вставлявшиеся непосредственно в ствол орудия.

К ночи, насколько позволяла ситуация, складными лопатками мы вырыли углубление, куда и залегли. Наступила короткая передышка, но мы ожидали неприятностей. Начались заморозки, и в плащ-палатках по утрам было холодно. Прошедшие дни атаки высосали из нас последние силы. Ночью выносили с поля боя раненых. Для тяжелораненых у нас не было носилок, приходилось рубить еловые ветки подлиннее и, закрепив на них плащ-палатки, сооружать импровизированные носилки. Однажды ночью я должен был доставить вместе с взятыми в плен татарами троих наших тяжелораненых солдат на перевязочный пункт. Но на нас неожиданно обрушился град реактивных снарядов «катюш». Татары, бросив раненых, стали искать укрытие, да и я вынужден был последовать их примеру. Куском земли меня ударило прямо по крестцу, было очень больно и страшно. А в целом, всем нам повезло — никто не получил ни царапины. Не особо церемонясь с пленными, я все же заставил их взять носилки с ранеными. Надо сказать, что я оказался в непростой ситуации — один неизвестно где в лесу и вдобавок в компании пленных татар. Но я все-таки сумел доставить на КП батальона и раненых, и пленных. Возвращаясь назад, я еле волочил ящики с патронами для нашего пулемета.

Операция по деблокированию кольца окружения у Демянска под кодовым названием «Михаель» в сентябре 1942 года наглядно показала, с какой жестокостью действовали солдаты монгольских полков

Что касается ракетного оружия, то и у нас были реактивные минометы, их называли «ракеты DO». Эти тяжелые снаряды для одиночной стрельбы были наполнены сжатым воздухом или воспламеняющейся масляной смесью. Однажды на марше нам пришлось увидеть участок местности после обстрела этими снарядами. Надо сказать, зрелище это не позабыть до конца жизни: огромной силы взрывная волна с корнем вывернула вековые деревья и раскромсала их на части, к которым прилипли обезображенные фрагменты человеческих тел. Вскоре оружие сочли варварским и больше в ходе войны не применяли.

В результате атак нам так и не удавалось овладеть пространством. Однажды русские открыли внезапный огонь из пулеметов, я вовремя сумел скатиться в небольшую ложбинку и не сразу сообразил, что лежу прямо на трупе русского солдата, пролежавшего там, наверное, еще с зимы 1941/42 гг. Покрытая

черными волосами голова показалась мне неестественно маленькой, лица я не разглядел, поскольку труп лежал ничком.

Мне пришлось, не поднимая головы, пролежать в этом странном соседстве довольно долго. Когда голод дал о себе знать, я, лежа, на ощупь нашел кусок солдатского хлеба в вещмешке. Близкое соседство трупа аппетита не испортило, в конце концов, я уже достаточно огрубел, чтобы не обращать внимания на подобные вещи.

5 октября 1942 года наш полк, вернее, его остатки, вышел к новому оборонительному рубежу у излучины Ловати, в 2 км юго-восточнее Козлова и до южных окраин Великого Села. Здесь мы приступили к сооружению оборонительной позиции. В кольце неприятеля вокруг Демянска удалось прорвать брешь шириной до 12 километров. Наступила краткая передышка, по крайней мере, теперь нечего было беспокоиться за тыл. За минувшие несколько дней наши ряды заметно поредели, один только наш пулеметный расчет потерял двух бойцов, Для оставшихся в живых это означало большую нагрузку и днем, и ночью. Мы с товарищем за ночь делали до 2000 выстрелов в ночь, ведя беспокоящий огонь по неприятельским позициям. Русские были мастерами ночного боя, они без конца бросались в контратаки на наши отсечные позиции.

Новая линия обороны располагалась, конечно же, опять в заболоченной местности. Заметно осложняли жизнь дожди и холода. Полковые саперы вновь приступили к работе и помогали нам сооружать новые землянки и прорывать траншеи. Временные траншеи быстро наполнялись водой, с раннего утра было слышно, как хлюпает по воде наше боевое охранение. Позже мы стали собирать сухие сучья и выкладывать ими дно траншей. Несмотря на это, глинистая жижа попадала за голенища сапог, отчего носки в вечно мокрых сапогах гнили. В русской землянке мы нашли толстые полотенца, которые использовали как портянки. Мы по три месяца не стриглись, и вши жутко донимали нас. Несколько товарищей подхватили дизентерию, но попасть в госпиталь не было никакой возможности. Из лекарств в наличии имелся лишь таналбин, больше ничего. Из нас, несчастных фронтовиков, буквально выжимали последние соки. Только что отгремевшие ожесточенные бои, завершившиеся прорывом из Демянского котла, убедили меня (заявляю это без ложной скромности), что немецкий солдат с его любовью к Отечеству всегда отличался мужеством и самоотверженностью. С горечью хотелось бы дополнить, что многие замечательные молодые люди заплатили жизнью за готовность идти на жертвы.

И вот что я скажу: кто вменит этим людям вину за участие в

человеконенавистнической и жестокой войне? Тут уж каждому лучше оставить свое мнение при себе, когда-нибудь, спустя десятилетия, историки назовут все своими именами.

А теперь назад к фронтовым событиям и к сооружению новой позиции: приходилось постоянно быть начеку, русские что ни день, причем чаще именно по ночам норовили вторгнуться в нашу позицию, они уже поняли, что наступление отняло у нас силы. Они забрасывали наши окопы и траншеи ручными гранатами, но мы успешно отражали все эти попытки. В особенности их занимала наша пулеметная позиция. Наши пулеметные ленты, как я уже говорил, были снабжены и трассирующими пулями, что здорово облегчало им задачу обнаружения нас, и в дальнейшем трассирующие пули больше не применялись.

Однажды ночью мы с товарищем напряженно прислушивались к тому, что происходит на позициях русских. Вдруг со стороны предполья послышался хруст, и мой друг прошептал мне: «Гельмут, там кто-то есть, ну-ка дай ракету!» Я вытащил ракетницу, зарядил и уже собрался выстрелить, но слишком рано нажал на спусковой крючок и ракета, пройдя вплотную к моему товарищу, угодила прямо в бруствер и загорелась ярким белым пламенем. Это счастье, что я не попал в своего товарища. При стрельбе я повредил мизинец, пошла кровь. На КП роты мне перевязали пострадавший палец. Лейтенант Вайс свел инцидент к несчастному случаю якобы при рытье окопов, потому что в противном случае мне без труда приписали бы членовредительство, а с этим у нас не шутили. Завшивленный, грязный, голодный и смертельно уставший, я поплелся в полевой госпиталь, где мне прочистили рану и зашили. В полевом госпитале у меня подскочила температура, и врачи направили меня на санитарном поезде в Тильзит[12] в Восточной Пруссии.

Санитарный поезд состоял из переделанных на скорую руку товарных вагонов с печным отоплением. На крупных станциях в вагоны заходили медсестры Красного Креста и приносили холодные и горячие напитки. Солдаты полевой жандармерии тоже не оставляли нас без внимания — искали среди нас солдат с легкими ранениями, их сразу же забирали, но вот меня просмотрели: я решил забраться в темный угол, где с головой накрылся шинелью. Было уже довольно холодно на севере России.

30 октября 1942 года меня доставили в резервный госпиталь в Тильзите, где наконец как подобает продезинфицировали рану, помыли в бане и выдали чистое нижнее белье. А потом я получил то, о чем давно мечтал: лег в нормальную, застеленную кровать, и тут же провалился в глубокий сон. В результате обследования

выяснилось, что у меня начинается желтуха и волынская лихорадка.[13] Это заболевание было очень распространено в болотистых районах северной России. По утрам температура поднималась до 38°, к обеду было уже 39°, а вечером — 40°. Так продолжалось несколько дней, потом температура медленно поползла вниз, и меня отправили уже в рейх, в Вермсдорф в Саксонии, где я проходил дальнейшее лечение, выздоравливая в замке Хубертусбург.

> Моим первым госпиталем стал дворец Хубертусбург под Лейпцигом, куда я был доставлен с желтухой и лихорадкой. Этот вид на Хубертусбург появился в период отпуска для выздоравливающих у нас дома за чертежным столом отца

«Россия 18.10.1942 г. (после прорыва из Демянского котла, или операции «Михаель»).

> Дорогие родители!
>
> В первых строках моего письма я хотел бы сердечно поблагодарить вас за ответ от 4.10.1942 г. Какая досада, что у меня постоянно меняются номера полевой почты, письма не поспевают за мной. Наверняка обозные все слопали. У меня совсем не осталось носков, они сгнивают прямо на ногах, потому что ноги вечно мокрые. Вместо портянок использую старое русское полотенце. Жду не дождусь посылочку с чем-нибудь вкусным. К чертям собачьим этот опостылевший голод. Приходится

держать себя в руках, чтобы вообще не свихнуться от вечного голода и усталости. Днем и ночью то на пост; то на работы (обустройство позиций). Буду рад хоть корке хлеба, если пришлете. Вышлите, пожалуйста, в следующей посылке мои наручные часы, без них никак нельзя на посту. На посылке напишите: «в случае недоставки вернуть отправителю», чтобы ничего не пропало. Не сердитесь на меня, что я у вас столько всего сразу выклянчиваю. Но здесь действительно полнейшая нищета, это трудно себе представить, если сам не пережил. Два с половиной месяца я не стригся, лохмы отросли, как у девчонки. Скоро точно здесь окочурюсь».

Южнее озера Ильмень (Демянск)
Действующая армия, 23.12.1942 г.

Дорогой камрад Нойенбуш.

В предстоящем новом году рота желает Вам всего хорошего и скорейшего выздоровления.

Хайль Гитлер!

Лейтенант и командир роты Шварц.

4-й полк 22-й пулеметной роты.

Август—октябрь 1942 г.

Глава 6. Вторая переброска на север России в апреле 1943 г., теперь уже в качестве связного в роте самокатчиков 422-го пехотного полка, 126-й пехотной дивизии. Место дислокации: участок фронта к югу от озера Ильмень; прибытие в Утошкино 1.05.1943 г.

Почти все мои новые товарищи были родом из Восточной Пруссии и лучшими солдатами. Командиром нашей роты был обер-лейтенант Антон Малиновски, он был удостоен Золотого Немецкого креста. Командирами взводов — опытные фронтовики, обер-фельдфебели Борхерт, Шульц и Ляйзе, к сожалению, они погибли в последующих крупномасштабных оборонительных сражениях за Синявинские высоты. Мои новые товарищи во взводе роты были крепкими ребятами, типичными восточными пруссаками. Нас, двоих новых связных из Рейнской области, полушутя окрестили «полуфранцузами». На КП 422-го пехотного полка мы добрались 1 мая 1943 г., когда еще лежал снег, а температура не поднималась выше минус двух градусов.

Когда мы отъезжали из Херфорда, солдатские невесты и родственники втыкали в дверные щели вагонов букеты сирени. Нет нужды объяснять, каково было у нас настроение в этот холод и под грохот артогня. Нас тут же погнали на передовую, ожидалось, что нас там раскидают по подразделениям. Погода понемногу улучшалась, но и за это пришлось расплачиваться: участились атаки русских штурмовиков — Ил-2. Данная позиция считалась самой сложной и одной из первых по числу потерь. Располагалась она южнее озера Ильмень на полностью заболоченном участке под названием «Грушевая топь», именно так он и обозначался на картах. Здесь уже не было возможности прорыть траншеи или землянки. Так что все ДОСы и блиндажи были надземными. Приходилось тщательно маскировать их срубленными еловыми ветками, которые русские часто поджигали снарядами. Сообщение между отдельными боевыми постами осуществлялось только по специальным решеткам, да и они часто уничтожались огнем противника или утопали в трясине. Наши оборонительные позиции регулярно подвергались интенсивному артиллерийскому обстрелу. Опаснее всего были русские танки и противотанковые орудия. Они били по нашим сооружениям прямой наводкой. Пока у меня еще оставалась пленка, я делал снимки переднего края обороны. Отец подарил мне перед вторым отъездом малоформатный фотоаппарат, он помещался в кармане френча. Часть фотографий служат

доказательством тому, насколько интенсивным был огонь русской артиллерии. От прежнего леса остались только жерди, оголенные обрубки стволов. По ту сторону позиции, в тылу русских лес так и оставался.

По нашим подсчетам, на участок нашей роты (100 м в поперечнике) обрушивалось до 280 мин в час. Одно преимущество имела эта заболоченная местность: не все мины разрывались. Зато это достоинство с лихвой возмещалось муками от комарья. Целые тучи комаров изводили нас круглые сутки, единственным утешением нам служило то, что и русским от них ничуть не легче. Мы вечно ходили с опухшими от многочисленных укусов кистями рук. Лицо мы защищали выданными нам специальными противомоскитными сетками, надеваемыми под каску. В ушах постоянно стояло пронзительное жужжание. Стоило только усесться справить нужду, как тебя атаковали мириады насекомых. Чего они органически не выносили, так это табачного дыма, поэтому мы постоянно дымили в наших блиндажах.

Так выглядела наша передовая на поросшем березами болоте юго-восточнее озера Ильмень летом 1943 года. Лес состоял только из оголенных стволов и обрубков деревьев — последствия почти постоянных артиллерийских и минометных обстрелов. На заднем плане различим командный пункт роты

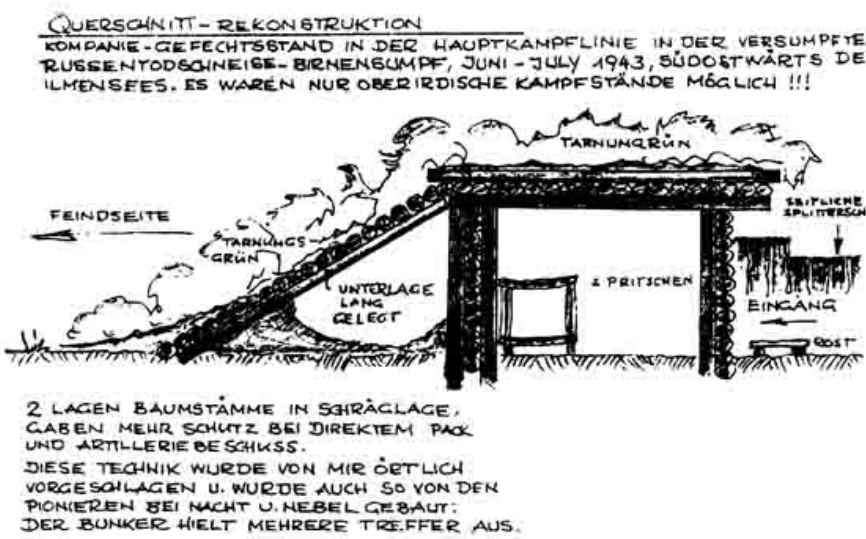
Передвигаться в радиусе роты можно было только по уже упомянутым решеткам. Днем приходилось стремглав носиться по

ним, чтобы противник не подстрелил тебя. Нередко решетки ломались, и тогда приходилось передвигаться по трясине. Ежедневно погибал или получал ранение кто-нибудь из наших, с наступлением темноты хоронили убитых, а раненых отправляли в госпиталь. Ужасно было видеть, как умирал наспех перевязанный тяжелораненый. Эти жуткие стоны и крики леденили душу, потом они прекращались. От страха и тоски избавлял глоток водки. А потом начинались извечные разговоры о смысле войны, мол, чистое безумие, что мы должны торчать здесь, в этой бескрайней России. Тяжелее всего приходилось как раз тем, у кого дома остались жены и дети. Но, несмотря ни на что, мы не теряли веры в лучшее. Страх смерти уже давно прошел. Если мы и боялись чего-нибудь по-настоящему, так это очередного артобстрела «иванов».

Самым старшим в нашей роте был участник еще Первой мировой войны, награжденный Железным крестом 1-й степени унтер-офицер Кунц, весельчак из Берлина. Он непременно желал быть рядом со своим сыном, служившим в пулеметном взводе. Обер-лейтенант Малиновски позаботился о том, чтобы унтер-офицера Кунца перевели в обоз. Браво, господин обер-лейтенант.

Однажды меня откомандировали на командный пункт дивизии на похороны погибших товарищей. При исполнении песен у открытых могил «Был у меня товарищ» и «Снимем каску, чтобы помолиться», я, старый фронтовик, растрогался. И вот с тех пор, стоит мне услышать эту песню, даже шестьдесят лет спустя, как она вновь заставляет меня переживать. На березовые кресты водрузили каски, я обратил внимание на разную величину дыр от осколков снарядов и пуль — безмолвное свидетельство трагической участи павших товарищей.

Что же у нас происходило по ночам? По шаткой деревянной решетке доставляли стройматериалы для дальнейшего оборудования и восстановления позиций, а также боеприпасы и продовольствие. Как связной, я по ночам бывал в транспортных группах. Особенно тяжело было перевозить бревна на передний край, где их укладывали саперы. В зависимости от размера и веса бревна для его переноски требовалось от 3 до 6 человек. Бревно обычно носили на правом или левом плече — вся группа на одном. При внезапной минометной атаке его можно было сразу бросить. Сами носильщики тут же падали на решетку или же в грязь, как придется. Путь был неблизким, и плечи ныли от напряжения, время от времени звучала команда сменить плечо. Если кто-то из носильщиков спотыкался и падал, это было чревато серьезными неприятностями, но, как правило, товарищи успевали подхватить бревно на лету.



Сооружать и оборудовать позиции на заболоченных участках местности было крайне трудно. А соорудить из бревен землянку, проложить траншею и вовсе было адскими муками. Тем более, под огнем противника. Не менее мучительными были и «атаки» комаров. На этой схеме представлена в разрезе землянка, в которой располагался командный пункт. Собственно, это сооружение и землянкой назвать трудно — дело в том, что в трясине приходилось возводить только надземные сооружения

Русские противотанковые орудия нередко сводили на нет всю работу по возведению надземных сооружений. Приходилось усиливать конструкцию той стороны землянки, которая была обращена к позициям русских, и тщательно маскировать сооружение ветками. Применить средство дополнительной защиты было моей идеей — см. соответствующие иллюстрации. На противоположной стороне, там, где располагались позиции русских, на соснах замаскировались снайперы — оттуда имелся отличный обзор наших позиций. И мы днем вынуждены были носиться, как зайцы, но даже и это не всегда помогало — многие наши товарищи погибли от пуль снайперов. С этой напастью мы справились с помощью сосредоточенного пулеметного огня по кронам деревьев, где, предположительно, могли находиться русские стрелки. Шквальный огонь сразу из 6 станковых пулеметов, будто гребешком прочесал кроны сосен, ни одной ветки не осталось. Было видно, как русские сваливались с

деревьев. Какое-то время они нам не досаждали.

Я не расставался с небольшой записной книжкой в красной обложке, занося туда все фронтовые события. Вот запись от 5 мая 1943 года:

> «Рано утром в 6 часов сильный артобстрел, вечером разведрота во главе с обер-лейтенантом Малиновски попала на минное поле и благополучно вышла оттуда под пулеметным огнем противника. На предполье множество убитых русских, ужасный смрад.
>
> 9 мая 1943 г.: воздушный бой между русскими истребителями и нашими «Фокке-Вульфами», сбит один «Хеншель-126». Обстрел переднего края обороны русскими танками, затем в 12 часов атака русских танков 27 пикирующими. Интенсивный огонь нашей минометной батареи.
>
> 20 мая 1943 г.: атака русских истребителей и штурмовиков Ил-2 с бреющего, всего 18 самолетов. Наш привязной аэростат воздушного заграждения возле Утошкино обстрелян Ил-2.
>
> 26 мая 1943 г.: 3 убитых и 6 раненых в результате прямого попадания снаряда противотанкового орудия».

Однажды обер-лейтенант Малиновски вызвал меня к себе в землянку, я заметил в руках у него красную папку Имперского верховного военного суда по делу Нойенбуша. Я сначала испугался, но потом успокоился — я знал, что ни в чем не виноват. Так, по крайней мере, я рассуждал. Затем последовало объяснение. Какое-то время назад русские пустили слезоточивый газ южнее нашей позиции и нас предупредили, чтобы мы держали наготове противогазы. Вот об этом инциденте я и черкнул в письме родителям. Мне не повезло — письмо прочла военная цензура, и система Имперского верховного военного суда начала расследование. Только то, что я в конце письма выражал убеждение в нашей окончательной победе и находился на передовой, и спасло меня от серьезных неприятностей. Командир по долгу службы еще раз серьезно предупредил меня об ответственности за разглашение информации, и на этом вопрос был исчерпан.

О том, что происходило потом на этой богом забытой позиции у «березового болота» и «леса из жердей», сообщает моя маленькая записная книжка:

> «28 мая 1943 г.: снова обстрел прямой наводкой русских противотанковых пушек, два прямых попадания

в нашу землянку; унтер-офицер Пигус и рядовой Киндер убиты, лейтенант Эрдманн ранен в лицо. Ночью в небе наблюдали большую комету с протянувшимся с востока на запад хвостом.

31 мая 1943 г.: ночью обстрел нашего переднего края обороны танками Т-34, из противотанковых пушек и минометов, далее русская радиопропаганда с венской музыкой.

2 июня 1943 г.: беспокоящий огонь противника на участке «прямоугольника «катюш», промах в 3 метра в сторону, все прошло благополучно, правда, 2 раненых. Я выдавал роте жалованье, ни разу не ошибся».

После недель напряжения и страшных потерь в «березовом болоте» и у «леса из жердей» для роты наступила короткая передышка у Порусси, речушки в луговой долине, в километре и восьмистах метрах от фронта. Было по-летнему тепло, наконец-то представилась возможность помыться и переодеться в свежее нижнее белье. Почистили форму, оружие и снаряжение, доложились командиру.

Потом в начале июня рота вновь участвовала в боях на соседней позиции 422-й роты, за которой закрепилась репутация самой страшной. Стояла жара, и до сих пор неубранные с ничейной земли трупы погибших во время ожесточенных зимних боев 1942/1943 гг. распространяли страшное зловоние. В ту зиму у позиций 7-й роты полегла наверняка не одна сотня русских. Отсюда и название на карте: «Коридор «Смерть русским!» Строго говоря, звучит негуманно, если вдуматься, сколько русских матерей получили похоронки. Но ведь на войне по-другому не бывает, так что нечего забивать голову подобными вещами, лучше следует подумать о том, как сделать все возможное, чтобы твоим родителям на тебя не пришла похоронка.

Вследствие жары высохли почти все болота. Передвигаться по позиции стало удобнее. Ротная продовольственная упряжка теперь заезжала довольно далеко, пробираясь даже к небольшому лугу, хотя приходилось подхлестывать лошадь — мешкать было никак нельзя. На этот луг свозили трупы и кое-как забрасывали их землей. Иногда повозка на полном ходу попадала колесом в ямы, где лежали едва присыпанные грунтом трупы, бывало, что и чьи-то косточки из-под него летели, но, увы, другого пути в расположение нашей роты не было. Ротная лошадка по имени Лиза со временем привыкла к почти ежедневным поездкам, и даже внезапные минометные атаки русских не пугали ее. На нашем участке наступило некоторое затишье, иногда

происходили обстрелы из всех калибров, но только иногда. Теперь наша артиллерия задействовала и крупнокалиберные орудия. Тяжелые снаряды с воем проносились над нашими головами в сторону «иванов».

На противоположной стороне позиции мы обнаружили древнее орудие времен Первой мировой, по меньшей мере, 250-миллиметровую. Нашли и надпись с именем и датой изготовителя, выяснилось, что пушку изготовили во французском Шербуре. В небольших запечатанных зеленых мешочках лежал порох как цилиндрической формы, так и зернистый. Только вот снарядов в наличии не имелось. Эти отжившие свой век громоздкие пушки доставлялись сюда из Франции ради того, чтобы выпустить из них парочку снарядов — страшно представить, какие с этим связаны затраты времени и сил — какой толк с этих орудий здесь?

В соседнем овражке мы с несколькими товарищами тренировались навыкам уничтожения русских танков Т-34 в ближнем бою. Один опытный фельдфебель с двумя серебряными нашивками за сбитые танки на левом рукаве разъяснял нам на подбитых и обгоревших «тридцатьчетверках» способы их уничтожения. В общем, незаметно подползти к танку и пришлепнуть на броню магнитную мину кумулятивного действия ничего не составляло, если, конечно, тебя не хлестнут очередью из танкового пулемета. Взрыв мины этой модификации пробивал небольшое отверстие в броне, около 4 см в диаметре, через которое внутрь танка устремлялась огненная струя, уничтожавшая все, включая экипаж. Потом фельдфебель показал нам, как Т-34 снимает шляпу: засунув под башню дисковую противотанковую мину, он сорвал запальный шнур и отскочил в сторону. Рвануло, надо сказать, на славу, и тяжеленная броневая башня поднялась вверх, а у самого фельдфебеля осколком слегка задело левую руку.

А вот этот прием был уже куда более рискованным. Вы только представьте себе: подползти вплотную к танку с противотанковой миной, потом вскочить на броню, подсунуть ее в щель между башней и корпусом, привести мину в действие, соскочить с брони на землю и укрыться от взрыва. Причем все это на ходу. Существовал еще один способ: всадить в довольно короткий ствол орудия ручную гранату, и после взрыва орудие полностью выходило из строя. К более поздним модификациям, имеющим длинное орудие, описанный метод неприменим. На мое счастье, мне так и не пришлось испытать на практике способы уничтожения вражеских танков в ближнем бою.

Однажды во время отдыха мы не поверили своим ушам:

откуда-то доносились звуки военной музыки. Оказывается, на передовую прибыл полковой оркестр поднять упавшее до нуля настроение. Для добровольцев 11 июля 1943 года, воскресенье, было объявлено выходным днем. А рядом с полковым кладбищем в Порусси происходило богослужение под открытым небом. Эта не совсем обычная служба произвела на меня впечатление, оказала благотворное воздействие на наши исстрадавшиеся души.

В Порусси все было спокойно, мы занимались обычными делами, приводили в порядок снаряжение, проводили тактическую подготовку. На временном полигоне стреляли из карабинов в положении лежа на дальность 150 метров. Я тремя выстрелами попал в 34 кольца, Старик (наш командир) был доволен. Резервисты из Германии и выздоравливающие восполняли людские потери последних недель и месяцев. Теперь рота была почти полностью укомплектована личным составом. Однажды вечером выдали бочковое пиво и несколько бутылок рома. Мы страшно обрадовались — ведь мы столько времени были лишены подобных маленьких удовольствий. Пиво, хоть и теплое, без пены, казалось таким вкусным даже в алюминиевой кружке. Я сделал снимок своего лучшего друга-связного Герхарда Штарка на старой французской пушке.

Мой друг Герхард на старом французском орудии времен Первой мировой войны. Снарядов к нему не было, только пороховые заряды

На следующий день мне поручили отвезти пустую пивную бочку на тележке к обозу. Тележка эта представляла собой небольшую одноосную колымагу, на которой перевозили все, что угодно. Как возница я был ноль без палочки, и мне было трудно управляться с нашей Лизой, ротной лошадью. На развилке меня притормозил солдат-ополченец с ношей и попросил подвезти. Удивлению моему не было границ, когда я узнал в нем своего друга детства Маттиаса Мюллера-Хугельсхофа, жившего с нами по соседству. Он уже носил погоны унтер-офицера и служил в соседнем 424-м полку. По его словам, его решили направить на офицерские курсы. Нам было о чем поговорить, и, прощаясь, мы пожелали друг другу всего самого хорошего, что только может быть в жизни. К сожалению, Маттиас Мюллер-Хугельсхоф погиб, уже будучи в должности командира роты.

Ходили слухи, что 126-ю пехотную дивизию перебрасывают в Италию. Сплетня или все же правда? Если правда, то здорово. Когда русские пропагандисты через громкоговоритель пожелали 126-й пехотной дивизии счастливого пути в Италию, мы едва верили, что вырвемся из убогой России. Но на самом деле все обернулось по-другому. Южнее Ладоги Красная Армия пыталась форсировать прорыв в Ленинград (ныне Санкт-Петербург). Нас в 3 часа ночи распихали по товарным вагонам на станции Тулебля. Поезд шел на север — сомнительно, чтобы нас везли в Италию. К 21 часу мы добрались до Тосно, это приблизительно в 15 километрах южнее Ленинграда. Там нам дали день на отдых, перед тем как выступить на участок у Мги и Синявинских высот. Было по-летнему тепло, и мы обливались потом, таща на себе наш обычный набор снаряжения. Фляжки с ячменным кофе мгновенно опустошались. Но мы неутомимо маршировали дальше.

Глава 7. Сражение за Синявинские высоты, южнее Ладоги, август 1943 года

Последующее боевое сообщение записано непосредственно после того, как мы оставили нашу болотную позицию. В мою маленькую красную записную книжку от 1943 года я почти ежедневно заносил важнейшие события.

Рота самокатчиков 422-го гренадерского полка 126-й

пехотной дивизии.

Командир роты: обер-лейтенант Альфред Малиновски.

1-й взвод: фельдфебель Грюнталь.

2-й взвод: обер-фельдфебель Шульц.

3-й взвод обер-фельдфебель Борхерт.

Короткая предыстория крупномасштабного оборонительного сражения за Синявинские высоты.

Располагая гигантским потенциалом в виде примерно 44 дивизий, русские в январе 1943 года сумели прорвать блокаду вокруг Ленинграда на самом узком участке, а именно возле Шлиссельбурга. В ходе продолжительных, ожесточенных и кровопролитных боев продвижение наступления на юг было приостановлено, и противнику удалось овладеть лишь полоской шириной 10 километров на южном берегу Ладожского озера. 27 июля 1943 года началось третье сражение на Ладоге, это было на самом деле колоссальное по масштабам оборонительное сражение, за которое обеим сторонам пришлось заплатить большой кровью. Неприятель нанес удар, прежде всего, по выступу в линии фронта вокруг Мги, с целью овладения железнодорожной линией Марково — Мга — Ивановское. Русским удалось прорваться к высотам между Синявино и Невой, создав тем самым серьезную угрозу для немецких войск. Театр военных действий южнее Ладожского озера представлял собой болотистую местность, лишь кое-где покрытую лесными массивами и редкими песчаными полосами, Песчаные высоты у Синявино насчитывали около 50 метров над уровнем моря и лежали в окружении труднопроходимых болот.

«Дорога от КП к перевязочному пункту была мукой особого рода. Те, кого ранило серьезно, потом не могли вспомнить, кто и как доставил их туда. Их притаскивали

на себе товарищи, иногда тащить раненых приходилось не одну сотню метров. А бывало, просто взваливали раненого на плечо и короткими перебежками добирались до тележки для подвоза боеприпасов. Если кого-нибудь ранило в живот, туг уж медлить было никак нельзя — операцию делать полагалось сразу, иначе, считай, конец…»

(Отрывок из фронтового очерка)

После разгрузки в Тосно полк под грохот канонады направился в район боевых действий. Мы прошли маршем через Нечеперт в Сологубовку, куда прибыли 5 августа 1943 года. Затем марш продолжился до Кельколово, в район расположения нашего обоза. В Кельколово мы подвергались непрерывным атакам с воздуха штурмовиков Ил-2. Местами расквартирования вначале служили многоквартирные жилые дома. Потом мы были подняты по тревоге: русские наступают! Мы вынуждены были отойти в район командного пункта полка. На железнодорожном переезде наш склад боеприпасов был подожжен в результате мощного артиллерийского обстрела и взорвался. Рота, постоянно атакуемая штурмовой авиацией, сделала крюк. До сих пор у нас не было потерь. Дни стояли погожие, было очень жарко. 10 и 11 августа 1943 года рота осталась в резерве полка. Командир полка полковник Фукс оберегал свою лучшую роту, и впоследствии верность его решения подтвердилась. Перед ротой самокатчиков (без самокатов) стояла почти непреодолимая задача. Окопавшись, мы с нетерпением ожидали событий, которые вот-вот наступят. Часами русские вели ураганный огонь из артиллерии по позициям наших пехотинцев. Все роты постоянно несли огромные потери личного состава. Санитарные машины с великим трудом справлялись с отправкой раненых под ураганным огнем врага. 11 августа в результате нашей смелой контратаки была предотвращена попытка прорыва русских на позиции 1-й роты. Противник предпринимает по несколько атак в день, предваряемых многочасовой интенсивной артподготовкой из орудий всех калибров. Заметное превосходство врага по численности и вооружению бесспорно. В ночь с 11 на 12 августа рота самокатчиков в составе 115 бойцов пополнила ряды 1-й роты, из которой уцелели лишь несколько человек. 3-й взвод под командованием обер-фельдфебеля Борхерта остается на полковом командном пункте в качестве резерва. Группа унтер-офицера Альтенберга остается на командном пункте 1-го батальона в качестве резерва, предназначенного для контратаки. Отход осуществляется под сильнейшим артиллерийским обстрелом. В

особенности нам досталось от русских крупнокалиберных минометов. Наша позиция по песчаной возвышенности продвигается в болотистую местность южнее Шлиссельбурга. Слева и справа — нейтральная полоса.

Если бросить взгляд на север, то на горизонте различимы белеющие здания Шлиссельбурга, города, захваченного в результате смелой операции 126-го пехотного полка. В 150 метрах от нас проходит железная дорога на Ленинград. Попавшие под огонь вагоны изуродованы снарядами до неузнаваемости.

У наших артиллеристов было одно преимущество: они наблюдали за противником с господствующей над местностью высоты. Поэтому имелась возможность препятствовать его передвижениям по ведущему на Ленинград коридору. У русских тоже был неплохой наблюдательный пункт — они устроились на огромной горе шлака слева от треугольника для поворота локомотивов. Все без исключения, кому пришлось сражаться в районе Ладожского озера, помнят и «вересковый коридор», и «электрический коридор», и «партизанскую дорогу», и все остальное. Противник громогласно заявил о том, что вскоре начнет крупномасштабное наступление на Мгу, крупный железнодорожный узел. Сообщил даже о сроках этого наступления — 13 августа 1943 года. То, что «иваны» (так мы величали русских) заблуждались, выяснилось позднее. И у нас хватало тех, кто способен был поставить жизнь на карту.

А потом разыгрались бои за наши позиции. Впрочем, слово «позиции» плохо подходит для описания того, во что они превратились. Ни траншей, ни ДОСов, ни землянок. Местность уподобилась лунному ландшафту. Полуобвалившаяся землянка — вот что осталось от командного пункта роты. Несчастная 1-я рота, чьи жалкие остатки были рады-радешеньки, когда им пришли на смену другие. Нас не покидало чувство тревоги. В самую первую ночь в траншеи 1-го взвода прорвалась штурмовая группа русских, с которой, правда, быстро разделались. Унтер-офицер Найтцель был тяжело ранен во время этой схватки. Артиллерия противника вела продолжительный беспокоящий огонь. К этому следует прибавить и постоянные атаки штурмовой авиации и низкоскоростных легких самолетов-ночников (мы прозвали их «кофейными мельницами»), с бреющего полета сбрасывавших на наши головы осколочные бомбы и горящий фосфор. И все это свалилось на нас, повторяю, в самую первую ночь. Первых раненых удалось незаметно спровадить из роты, так что они весь последующий ужас не видели. Еще ночью мы отрыли себе лисьи норы, заготовили ручные гранаты и боеприпасы и убрали с дороги множество трупов русских.

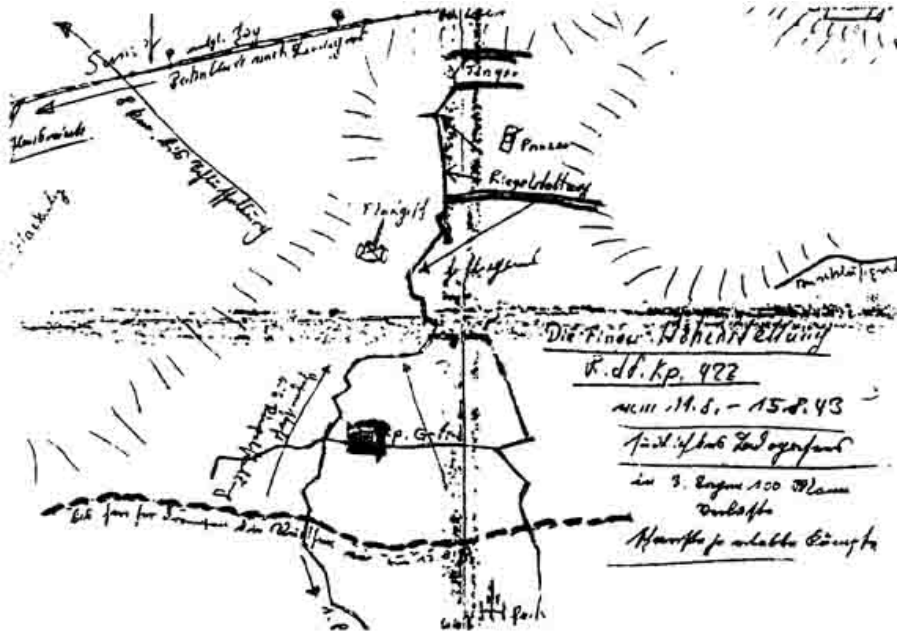
12 августа 1943 года мы без особых усилий отбивали эпизодические атаки русских, действовавших при поддержке штурмовой авиации. За что удостоились первой похвалы командира полка полковника Фукса.

В 1-м взводе фельдфебеля Грюнталя, находящегося в сапе на передовой, во второй половине дня был схвачен русский перебежчик из трудового батальона Ленинграда. Его показания показались нам правдоподобными. Если верить им, русские располагали не очень крупными силами на исходных рубежах. Наш боец по фамилии Якубасса доставил перебежчика на полковой командный пункт. К вечеру фельдфебель Грюнталь сообщил: «Русские сосредоточивают в лощине крупные силы пехоты». Под лощиной он имел в виду небольшой овражек прямо перед сапой на участке Грюнталя.

Мы с командиром ползком отправились на передовую. Фельдфебель Грюнталь попросил подкрепления, но сил у него вроде было вполне достаточно. И вот, не особо доверяя услышанному от фельдфебеля Грюнталя, мы поползли обратно. Ночью нам даже не дали толком перекусить — русская разведгруппа ввалилась прямо в нашу траншею. Видимо, аппетитный запах чечевичной похлебки Петера Кляйна приманил их. Проблему решили, наскоро организовав контратаку, после чего продолжили трапезу в уже спокойной обстановке. Так что ночь на 13 августа 1943 года прошла без особых приключений.

В предрассветной мгле около 5 часов на нас внезапно обрушился ураганный огонь русских. «Иваны» били по нам из орудий крупного калибра, танков, минометов, словом, из всего, что могло стрелять! Начался ад в чистом виде. Все бескрайнее заболоченное пространство перед нами буквально пылало от вспышек выстрелов. Ничего нельзя было разглядеть! А потом снова вернулась ночь — воздух наполнился густым пороховым дымом и песчаной пылью, от которой саднило в глазах. В нашу уже полуразрушенную огнем землянку ударил новый снаряд. Все живое было стерто в порошок или засыпано фонтанами песка. Наш командир сидел на корточках у входа в землянку, ему в левую ногу угодил осколок снаряда. Ураганный огонь не прекращался. Сжавшись в комок, бойцы в окопах и траншеях, замотав носовыми платками затворы — чтобы песок не попал в них и оружие не отказало в решающий момент: предстояла рукопашная. Только прямым попаданием снаряда можно было вывести их из строя. Многих моих товарищей или засыпало песком в окопах, или раскромсало на части разрывами снарядов. Песок не успевал впитывать кровь. Стиснув зубы, готовые к чему угодно, мы мольбами приближали конец безумствовавшей вокруг

огненно-стальной бури. Когда спустя час смертоносный град стал понемногу утихать, каждому сидящему в окопе стало ясно: все, сейчас они явятся к нам! Именно так и произошло. Едва русские снаряды стали рваться за командным пунктом полка, как наш командир выкрикнул: «Готовьтесь! Вон они! Сейчас будут здесь!»



Сражение за Синявинские высоты августа 1943 года представляло собой классическое пехотное сражение. За три дня одна только наша рота потеряла 100 человек. Что же касается наступавших русских, их потери многократно превышали наши. Поле битвы представляло собой адское зрелище. Я набросал эту схему наших позиций сразу же по завершении сражения

Картину, представшую моему взору тогда, мне не забыть до конца жизни. Один за другим русские со знаменосцем в центре группы устремились на наши позиции. Только на кого они устремлялись? У нас и людей-то не осталось — всех перебили. А у тех, кто уцелел, оружие было безнадежно забито песком. Оставались разве что карабины с примкнутыми штыками, да ручные гранаты. Их мы и могли противопоставить надвигавшемуся на нас цунами. Из окопов 1-го взвода было видно, как некоторые из наших побежали к полковому командному пункту. Нет, ребята, мы так не договаривались — все, кто выжил после ураганного огня, принимают бой. Из

нескольких остававшихся у нас карабинов мы открыли огонь по атакующим. И оторопели — почти никого не уложили! Как это может быть? Что они, в броню закованы, что ли? Командир вопил: «Стрелять по ногам!» А вот на это они явно не рассчитывали! И тут нагрянули бронированные штурмовики Ил-2 с крупнокалиберным бортовым оружием и осколочными бомбами. Но уничтожать было уже некого и нечего, так что пришлось им атаковать наш тыл.

Тем временем русские пехотинцы стали с обеих сторон обходить наш ротный командный пункт. Их превосходящие силы — на наш участок бросили не меньше парочки дивизий — вплотную приблизились к нашим окопам и траншеям. С криками «ура» мы, как обезумевшие, пытались отбиться, забрасывая их ручными гранатами. Справа в наши траншеи спрыгивали все новые солдаты в темно-зеленых касках, их вполне можно было прикончить ударом с фланга. Вражеская пехота, проскочив мимо нас, уже успела оторваться довольно далеко. Ради того, чтобы не оказаться в плену, не грех и уступить чуть-чуть территории. Наши шестиствольные минометы и артиллерия, придя в себя, вели огонь по атакующему противнику. Повсюду царила кровавая неразбериха, полнейший хаос. Многочисленные потери противник постоянно возмещал новыми солдатами. Да и наши ряды редели, что серьезно ухудшало наше и без того непростое положение. Казалось, все кончено. Но мы не побежали словно перепуганные зайцы от нашего закованного в броню противника. После того как командный пункт роты пришлось оставить, обер-лейтенант Малиновски, человек опытный, прошедший не один жестокий бой, собрав последние остатки людей, бросил их в контратаку. Горстка бойцов — двое радистов, трое связных и еще несколько человек из группы Ольсена — с громкими криками «ура» бросилась навстречу русским. Те явно не ожидали ничего подобного и отступили. С примкнутыми штыками и ручными гранатами мы нанесли удар вдогонку отступающему противнику. Теперь повсюду мелькали темно-зеленые шлемы удиравших со всех ног русских, кое-кто падал и больше не поднимался. Отбив ротный командный пункт, мы вскоре добрались и до отсечной позиции. Мне поручили доползти до командного пункта батальона и доставить подкрепление — штурмовую группу Альтенберга. Результат предпринятой врагом мощнейшей атаки пока складывался в нашу пользу. С несколькими бойцами 2-го взвода мы под командованием обер-фельдфебеля Шульца продолжили контратаку, и все потерянные было позиции 2-го взвода были отбиты у врага. Но русские продолжали удерживать выдвинутый вперед участок наших траншей.

Пока что мы удерживали отсечную позицию. Потом наконец прибыли обе резервные группы роты под командованием обер-фельдфебеля Борхерта. Началась последняя и решающая контратака за возвращение позиции. В кровопролитной рукопашной схватке, стенка на стенку, обер-фельдфебелю со своими храбрыми бойцами все же удалось сдержать и отбросить наседавших русских. Прежний передний край обороны теперь полностью был в наших руках. Фельдфебель Грюнталь вернулся из командного пункта полка, где получил от командира нахлобучку за слишком быструю сдачу позиции. Однако, несмотря на колоссальные потери противника — около 250 убитыми только на участке роты, — прорваться ему так и не удалось. Наша рота потеряла в этом бою 60 бойцов. Поле битвы представляло собой жуткую картину, мы просто не имели физической возможности предать земле всех наших павших. К тому же надо было подумать и о раненых — оказать им первую помощь и организовать отправку в тыл. Поскольку траншей, как таковых, больше не было, нам приходилось передвигаться исключительно на пузе, да и то с крайней осторожностью — лежавшие повсюду раненые русские вполне могли пустить пулю в спину нашим солдатам. Именно так и погиб мой лучший друг Герхард Штарк.

Командование дивизии заинтересовалось тем, какие именно вражеские дивизии атаковали нас. С этой целью командир отправил на задание моего друга Якубасса вместе со мной. А задание было следующим: собрать солдатские книжки погибших русских. Хуже и грязнее работы не придумаешь, у нас все руки были в запекшейся крови. Но с поставленной задачей мы справились: собрали несколько документов, содержавших данные о частях и подразделениях неприятеля. Все это незамедлительно было доставлено на КП полка. Пусть даже этот только что отгремевший бой был ожесточенным и кровопролитным, пусть! Это того стоило. Имевшая исключительно важное стратегическое значение позиция осталась нашей.

В тот день 13 августа 1943 года рота израсходовала примерно 1000 единиц ручных гранат. Я лично всегда имел за поясом одну-две ручные гранаты. Однажды товарищ сказал мне: «Эй, Хельмут, погляди-ка, что с твоей гранатой!» Сначала я не понял, но потом увидел, что пороховая емкость пробита осколком, и желтая пороховая масса тонкой струйкой высыпалась из нее наружу. Я не спеша вытащил ручные гранаты из-под ремня и выбросил их в воронку от снаряда. Еще одно крупное везение! Вечером прибыла долгожданная смена остатков 1-й роты. Можно было вытащить штыки из карабинов. Поспав пару часов на батальонном

командном пункте, мы отправились обратно; весь отрезок пути проходил под непрерывным огнем русской артиллерии. 1-я рота срочно нуждалась в подкреплении — русские вновь полностью овладели передним краем обороны. Нам очень недоставало поддержки с воздуха. Отбивать позиции отправились две штурмовые группы, обе потерпели неудачу. В этом бою погиб фельдфебель Бруне. Четыре раза русские после мощнейшей артподготовки атаковали наши позиции. Прежняя линия обороны вплоть до выдвинутой дальше всего вперед точки оставалась в наших руках. Атаки штурмовиков не прекращались. Так завершился день 14 августа 1943 года.

15 августа мы оставались с 1-й ротой под командованием опытного командира обер-лейтенанта Бирлински. После мощной артиллерийской подготовки серым, промозглым утром русская пехота снова идет в атаку. Мы задаем себе вопрос: ну, откуда берется столько большевиков? На одном участке они попытались атаковать, пустив американские танки «шерман». В последнюю минуту парочка наших штурмовых орудий добралась до КП батальона и обстреляла атаковавшие «шерманы». Один за другим оба запылали. Снова убитые, и снова их много.

Из остатков двух рот собрали людей для новой контратаки. Наша артиллерия работает очень неплохо. У нас на передовой находился корректировщик артогня дивизиона шестиствольных минометов с переносной радиостанцией. Он направлял залпы минометов по исходным рубежам русских пехотинцев. Тяжелые снаряды, шипя, проносились у нас над головой, заставляя нас невольно приседать. Судя по всему, у противника ужасающие людские потери. То, что мы увидели, мне даже не хочется описывать. Шестиствольные минометы наводили на русских такой страх, что они всякий раз бросали против них свою авиацию. Мы соорудили ложную позицию, связали несколько жестяных труб, изобразив, таким образом наши минометы, летчики это подвергли обстрелу и успокоились. Но каково же было удивление русских, когда шестиствольные минометы вновь заработали как ни в чем не бывало, но уже с новых позиций. Наша контратака удалась, обер-фельдфебель Шульц снова оказался на высоте; правда, в этом бою он был тяжело ранен. Прежняя позиция представляла собой невообразимую картину. Фрагменты тел, и наших, и русских, вперемежку с оружием и снаряжением, нет сил описывать это. Русские вновь решили закрепить за собой отвоеванные у нас позиции ураганным огнем. В роте едва наберется и пара десятков бойцов. К вечеру атака свежих пехотных сил противника. Неприятель ценой огромных потерь снова овладевает выдвинутым вперед участком нашей

позиции. Временами происходили вещи, просто не поддающиеся описанию. Впрочем, и описывать особенно некому — почти все перебиты. Миновал еще один день ожесточенных оборонительных боев за Синявинские высоты. Доблесть и героизм сил пехоты, проявленные в ходе этого крупнейшего единоборства, омыты кровью многих моих боевых товарищей, навеки оставшихся лежать в земле России. Они отдали жизнь за самое дорогое — за Германию.

После полуночи 16 августа 1943 года остатки роты пришлось отвести — мы были раздавлены и психически, и физически. Вместе с раненым командиром мы, еле волоча ноги, направились на полковой командный пункт. Нас сменил разведбатальон дивизии, последний резерв. Помню еще, как мы уселись в тени раскидистого дерева перевести дух. И стали друг друга расспрашивать, мол, где такой-то и такой-то. Ответы разнообразием не отличались — погиб, ранен или пожимание плечами. В роте еще оставалось 15 бойцов, унтер-офицеры погибли все до одного. Общие потери роты — 100 человек за четыре дня. Таковы были последствия этого страшного сражения. Повар роты, унтер-офицер Берендс в память о павших пролил несколько ложек нашей солдатской похлебки в песок. Молча мы жевали шоколад из пайка, обычно выдаваемого перед большими сражениями, а потом наконец расползлись по своим норам отсыпаться.

Никому из роты самокатчиков, кто уцелел в этих оборонительных боях за Синявинские высоты, никогда в жизни не забыть эти тяжкие дни. В знак признательности за проявленный героизм все оставшиеся в живых были удостоены Железного креста 2-й степени, если еще не были награждены этим орденом. Пять Железных крестов 1-й степени и Немецкий Золотой крест получил обер-фельдфебель Шульц. Рыцарский крест достался обер-фельдфебелю Борхерту. Нашему командиру, оберлейтенанту Малиновски было присвоено звание гауптмана. Ударные группы 1-го и 2-го батальонов еще 2 дня удерживали позиции. Потом весь полк оставил это проклятое место. Это произошло 19 августа 1943 года. Полуразгромленные остатки дивизии посадили на грузовики и переправили в Кирзино. После непродолжительной поездки по шоссе Москва — Ленинград мы въехали в Красное Село, откуда открывался незабываемый вид на лежавший под солнцем Финский залив и огромное скопление зданий Ленинграда.

В Красном Селе 126-я пехотная дивизия получила первое пополнение. Потом последовала переброска на новые позиции в пригороде Ленинграда Урицке. Здесь мы сменили 145-ю

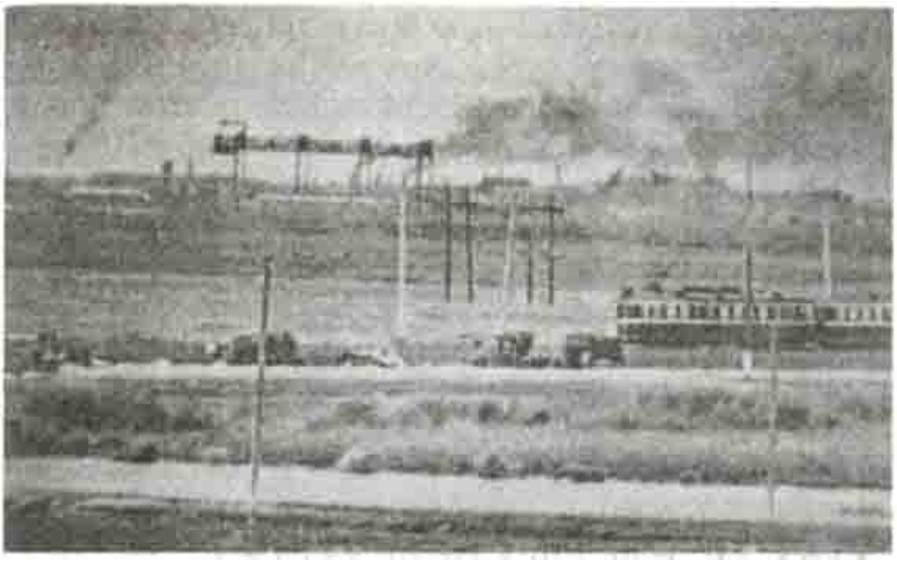
пехотную дивизию. Именно здесь, на уже новых позициях у Финского залива, получил Рыцарский крест обер-фельдфебель Борхерт. В торжественной обстановке командующий дивизией генерал Хоппе, прозванный «необузданным Гарри», вручил ему эту награду.

19 августа 1943 года в дивизионном госпитале скончался унтер-офицер Мельк, 20 августа — фельдфебель Бруне, а 28 августа — обер-фельдфебель Шульц.

Приведенный выше фрагмент составлен на основе дневниковых записей и боевого отчета о сражении за Синявинские высоты.

Глава 8. Прибытие на осадные позиции под Ленинград, с конца августа 1943 по 15 января 1944 года, впечатления от одной ленинградской поездки на санях

При виде открывшейся моему взору потрясающей панорамы города с высот вокруг Красного Села я на мгновение забыл, что являюсь солдатом осадных войск; стало даже как-то больно оттого, что нет возможности осмотреть этот великолепный город. Прежде позолоченные башни и купола теперь были замазаны черной краской, чтобы не привлекать особого внимания немецких артиллеристов. Должно быть, Ленинград отличала своеобразная архитектура, и какая жалость, что столь долгое время это чудо зодчества находилось в блокаде и со всех сторон обстреливалось. О голоде, опустошившем город зимой 1941/42 гг., я узнал только в конце войны. Была хорошо видна значительная часть портовых сооружений с портальными кранами. По правую руку различалось очень большое белое здание, наверняка принадлежавшее какому-нибудь партийному комитету. Слева же на горизонте угадывались острова крепости Кронштадт. На противоположном берегу залива была уже Финляндия. На этом же берегу разместились роскошные царские дворцы Петергофа (Петродворец). Петергоф был почти полностью разрушен во время боевых действий в 1941 году. Однажды мне представилась возможность свершить весьма краткую экскурсию по парку. Я тогда решил поближе подойти со стороны берега к дворцу, вдоль канала, построенного в стиле классицизма, и прошел почти до того места, где он впадает в Финский залив. Но тут меня заметили с того берега и открыли огонь. Назад я пробирался сквозь кустарник.

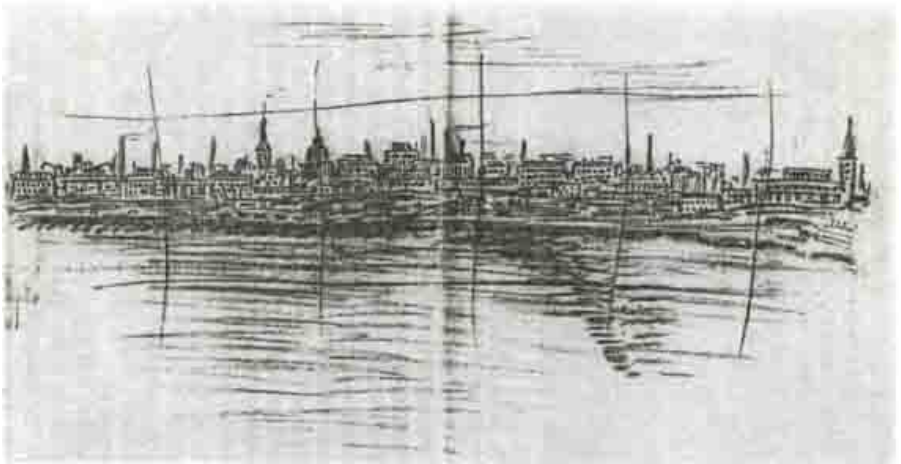


Вид на Ленинградский порт. На переднем плане набережная с трамвайными вагонами и подбитыми бронемашинами. Вдали виднеется портальный кран (тот самый, на котором засел русский корректировщик артиллерийского огня). Фабричные трубы оборонных предприятий продолжали дымить как ни в чем не бывало, хотя набережная была в наших руках

Широкая набережная была частично заасфальтирована и вела из Ленинграда в Ораниенбаум. Ораниенбаум теперь являлся плацдармом русских, больше известным под названием «Ораниенбаумский котел». Здесь стояли 9-я и 10-я полевые дивизии люфтваффе. На нашем участке набережная была сверху обтянута маскировочной сеткой, мешавшей противнику осуществлять обзор нашей траншейной системы. Пострадавшие от артиллерийского и пулеметного огня трамвайные вагоны да несколько сгоревших тяжелых танков служили напоминанием о наступательных боях осени 1941 года. Ленинград находился в кольце блокады вот уже без малого три года. Беспрепятственное обеспечение города всем необходимым осуществлялось только через дорогу, проложенную прямо по льду Ладожского озера. Основной рубеж дивизии делился на участок фронта, шириной около 12 километров и полосу побережья протяженностью около 24 километров. Позиции 422-го полка протянулись до окраины почти полностью разрушенного пригорода Ленинграда — Урицка. Мотопехотный батальон оборонял участок побережья под названием «Немецкая колония», там в свое время действительно

обитали переселенцы из Германии. Система позиций перед Урицком была обустроена наилучшим образом. Землянки для расквартирования личного состава располагались на недосягаемой для неприятеля противоположной стороне склона, выходившей на так называемую северную впадину. Обстрел их был возможен лишь с применением артиллерии навесного огня, то есть минометов и гаубиц. Позже несколько таких землянок были укреплены двумя слоями железнодорожных рельсов. Северная впадина перед нашими землянками представляла заболоченный участок, сплошные ямы с водой. Кое-где можно было перемещаться только по сколоченным из досок решеткам. Землянки кишели клопами и вшами, да вдобавок донимали крысы. Приходилось высоко подвешивать все съестное на проволоке поверх землянки, чтобы ненасытные твари не оставили нас голодными.

Хорошо был виден портальный кран у побережья гавани. С него корректировщик направлял артиллерийский огонь по нашим позициям и тылу. Но мы нашли выход из затруднительного положения: ночью в туман мы выволокли 8,8-см зенитное орудие, из которого потом прямой наводкой обстреляли кран и кабинку крановщика. После этого в нашей деревне стало тихо.



На чердаке многоэтажного жилого дома в Урицке мы оборудовали наблюдательный пункт, где имелась стереотруба. Однажды мне позволили взглянуть через нее на Ленинград. Зрелище, надо сказать, незабываемое — в отдалении дымят трубы оборонных заводов. Я быстро взял лист бумаги и карандаш и набросал панораму города. Но тут же начался артобстрел, и мы вместе с нашими артиллеристами побежали в подвал

Совсем близко от наших позиций располагался двухэтажный жилой дом. На чердаке дома наши артиллеристы посадили корректировщика огня, сняв часть крыши, он через стереотрубу обозревал местность и Ленинград в том числе. Вид оттуда был потрясающий. Мне как связному однажды удалось сделать наброски городского пейзажа через эту самую стереотрубу корректировщика огня. В моем распоряжении было всего несколько минут, потом «иваны» засекли наше «кукушкино гнездо» и открыли по нам артогонь. Пришлось срочно бежать в подвал. Эти наброски я храню и поныне.

Насколько мы могли видеть, наша артиллерия обстреливала только крупные промышленные объекты по ту сторону Невы. Знаменитые постройки в стиле классицизма центральной части города не обстреливались. Однажды командир батальона гауптман Малиновски отправил меня с донесением на КП полка в сторону Красного Села. Я смог воспользоваться единственным в батальоне велосипедом. Когда я возвращался, уже стемнело, дорога, отлого ведущая к нашим береговым позициям, была обстреляна артиллерией русских. И я на полном ходу влетел в свежую воронку от снаряда и, перекувырнувшись, грохнулся на дорогу. На сей раз каска выступила в роли мотоциклетного шлема. Как всегда, везение! Переднее колесо приобрело форму овала, но доехать все же было можно. 15 октября 1943 года мне предоставили две недели отпуска, и с багажом в виде карабина и боеприпасов я отправился на родину. Отъезжали мы со станции Дудергоф-Западный, где, в первую очередь, нас подвергли дезинсекции. В Восточной Пруссии мне вручили знаменитую «посылку от фюрера», полагавшуюся всем солдатам-фронтовикам, — колбаса, сало и так далее. Этот продовольственный пакет выдавался лишь раз, о чем в солдатскую книгу заносилась соответствующая запись. Поездка моя заняла двое суток, за которые я одолел 2 ООО километров до родного Дюссельдорфа.

Две недели отпуска в родительской заботе пролетели незаметно, и мои старики пошли провожать меня на вокзал. Прощание оказалось для всех болезненным, всем нам казалось, что расстаемся мы навеки.

Этот снимок сделан у стены того же жилого дома в Урицке. 18 августа 1943 года генерал Холле, командующий 126-й пехотной дивизией от имени фюрера и Верховного главнокомандующего вермахта вручил мне Железный крест 2-го класса

После возвращения из отпуска все подъездные пути к передовой, а также траншеи и ходы сообщения находились под интенсивным обстрелом русской артиллерии. А в ясную погоду русские обстреливали нас уже из крупнокалиберных орудий (до 42 см) из Кронштадта. У нас в тылу тоже были развернуты тяжелые железнодорожные орудийные установки. На участке 2-го батальона 422-го пехотного полка русские предприняли минирование на подходах к нашей выдвинутой вперед позиции. Однако воздушная разведка своевременно доложила нам об этом, и пришлось переносить позиции. Сначала последовал взрыв огромной силы, а потом началась пехотная атака, надо сказать, безрезультатная.

Уже довольно долго стояли заморозки, не заставил себя ждать и снег — русская зима заявляла о себе. Всех охватило недоброе предчувствие — явно назревали грозные события.

Наши землянки отапливались самодельными печами, дрова в которых сгорали очень медленно. На электростанции, расположенной поблизости на нейтральной полосе, имелся в наличии и первоклассный антрацит. В туманные ночи какое-то время мы таскали уголек, хотя это было небезопасно. Но потом

русские заминировали участок нейтральной полосы возле электростанции, и на рейдах за антрацитом пришлось поставить крест.

Где-то в той самой бывшей немецкой колонии мы обнаружили старые одноконные сани. У нашего командира родилась идея: доставить из обоза нашу Лизхен, запрячь ее в сани и в лучших петербургских традициях прошвырнуться до КП полка, там, небось, все глаза выпучат — мол, откуда у батальона новое боевое транспортное средство? Командир заправски размахивал кнутом, мне, как посыльному, дозволялось ехать стоя на запятках — точнее, на полозьях саней. Это стало для меня единственной в своем роде забавой среди зимне-осенней фронтовой тоски. Боевые действия на тот период ограничивались отражением атак русских штурмовых групп, в первую очередь на участке у «Красных развалин».

Между тем, множились признаки подготовки Красной Армией грандиозного зимнего наступления. Нам даже выдали добротную зимнюю одежду. Каждый солдат получил толстые шерстяные кальсоны, толстые стеганые штаны на ватине и в довершение ко всему — белые маскировочные штаны. Каски были закрашены тоже белой краской. Под каску надевалась шерстяная шапочка. Кожаные сапоги для этих климатических условий явно не годились, посему нам раздали, неподшитые русские валенки, то есть без подошвы. На тело мы надевали шерстяную фуфайку, поверх нее вязаный свитер, а потом уже и форменный френч. Затем натягивали куртку на ватине, к которой пристегивался маскхалат. На руки — меховые трехпалые перчатки, не мешавшие стрельбе.

На этой фотографии у Хельмута Нойенбуша вид недовольный. Чему удивляться — ведь я был одним из немногих из нашей роты, кто уцелел после кровопролитного сражения за Синявинские высоты

В таком зимнем обмундировании уже можно было и поспорить с холодами. Вот только справлять нужду во всей этой роскоши было крайне затруднительно: приходилось оперировать с четырьмя видами штанов. Сомнительное удовольствие, в особенности если пуговицы приходится расстегивать задубевшими на морозе пальцами.

На Рождество и под Новый 1944 год происходили перестрелки с использованием трассирующих пуль, только 24

декабря стало относительно спокойно. В нашей землянке мы соорудили подобие рождественской елки и, усевшись вокруг нее, стали распевать знакомые песни. Караул сменялся по очереди, мы, стоя под усыпанным звездами небом, имели возможность наблюдать восхитительное зрелище — северное сияние. Наша полевая кухня даже приготовила каждому пудинг. Дни на 30-м градусе северной широты в эту пору были очень короткие, к 15 часам уже темнело. Мороз пока что был вполне переносим.

Сразу после Нового года в наши окопы явились солдаты спецподразделения связи и стали прокладывать толстый кабель с резиновым защитным слоем. С помощью специального оборудования стало возможным прослушивать телефонную связь противника в районе фронта. Вскоре выяснилось, что широкомасштабное наступление Красной Армии назначено на 15 января 1944 года.

Глава 9. Начало крупномасштабного наступления русских за освобождение Ленинграда 15 января 1944 года. Ожесточенные арьергардные бои с частыми вклинениями танковых сил русских, отрезающих пути отхода. Первое столкновение с напалмовыми бомбами американской авиации. Отсутствие еды. Первое ранение 25 января 1944 года.

За день до начала упомянутого наступления мы оставили передовые позиции у Лиговского канала, северной ложбины и набережной, так что традиционная артиллерийская подготовка перед началом наступления нас уже не застала. На участке справа от нас действовала испанская «Голубая дивизия» (170-я пехотная). Здесь Красная Армия и сумела организовать главный прорыв. Наступление началось по всему фронту под Ленинградом, а также из Ораниенбаумского котла. Мы располагали на данном участке слабыми силами в составе 9-й и 10-й полевых дивизий люфтваффе, боеспособность которых была низка. Противник легко осуществлял прорывы, бросая в бой крупные силы танков. Мотопехотный батальон был тотчас же переброшен на грузовиках к ораниенбаумской бреши, но уже не смог сдержать наступавшего противника: у нас отсутствовали необходимые для отражения танковой атаки штурмовые орудия. Танковый разведывательный дозор русских блокировал на нескольких участках наши пути сообщения. Мы тогда здорово переполошились — еще бы! Вдруг оказаться отрезанными от своей дивизии. Но, к счастью, у нас осталась переносная радиостанция, по которой мы и сообщили о нашем

местоположении. Увы, но наших доблестных люфтваффе и в помине не было, так что остановить мощную атаку врага было нечем.

Ночью роты маршировали по заснеженным равнинам, днем рассредоточивались в оврагах для обороны. Провианта больше не осталось, и «железный рацион» (маленькая банка мясной тушенки) тоже был съеден. Те, у кого еще оставались сухари или краюха промерзшего солдатского хлеба, довольствовались ими. Холод лишь усиливал чувство голода, делая его невыносимым. Иногда мы, накидав в котелок снега, растапливали его на костре и готовили кипяток, чтобы хоть как-то согреться, а жажду утоляли сосульками. В каждой роте имелось 2–3 финских санок, в которые мы впрягались по двое. Первоначально в них перевозились боеприпасы и фаустпатроны, а также тяжелые ранцевые радиостанции, потом туда грузили первых тяжелораненых. Перевязать их в стужу тоже превращалось в проблему: сначала нужно было обнажить раненые участки тела, перевязать их, а затем снова укутать. Те, кто получил серьезные ранения, изначально были обречены на смерть и умирали тихо и безмолвно, лежа на санях. Мы снимали с них жетоны, забирали солдатскую книжку, а потом укладывали на обочине дорог. Саваном им служил снег которым мы и присыпали наших погибших боевых товарищей. Ох, какая же все-таки свирепая и страшная вещь — зимняя война! Могу предположить, что и русские поступали со своими тяжелоранеными в точности так же.

Наш батальон и части полевой дивизии люфтваффе оказались полностью окружены и отрезаны от своих русскими передовыми отрядами. Посредством радиосвязи мы согласовывали со штабом дивизии различные варианты прорыва из кольца окружения. Как только начинало темнеть, мы продвигались по занесенным снегом дремучим лесам южнее Ленинграда. Добравшись до рокадного шоссе, мы услышали гул танковых и автомобильных двигателей, высланная вперед разведка доложила о передвижении колонны русских. Мы небольшими группами проскальзывали между колоннами танков и грузовиков через шоссе и тут же исчезали в придорожном лесу. Очень трудно было ориентироваться, приходилось идти всем вместе, потому что в этих лесах ничего не стоило заплутать, а это означало верную гибель. Так мы сумели продвинуться на 20 километров в глубокий тыл русских и оказались в полной изоляции, к тому же без еды. Все населенные пункты у Ленинграда были уже в руках русских.

20 января 1944 года, выйдя к рокадному шоссе, мы услышали характерный шум мотоцикла БМВ; это был наш связной-

мотоциклист. Радости нашей не было предела, он указал, куда нам идти, чтобы соединиться со своей дивизией. Потом мы вышли к пути отхода Красное Село — Кипень; здесь потерпела неудачу попытка русских прорваться. Все шоссе усеивали убитые, рядом громоздились сгоревшие танки и грузовики, изуродованные повозки. Да, бои здесь происходили нешуточные. К счастью, мы сумели спасти наших раненых, они были тотчас отправлены дальше, в городок под названием Коцелево, где расположился дивизионный сборный пункт раненых, для их перевозки была оперативно сформирована санная колонна. Это их и спасло.

Отступление продолжалось. По радио мы получили приказ отбить у врага наш полевой госпиталь. Он находился в нашей зоне отступления и занимал стоящее на возвышенности здание, очень похожее на дворец или, скорее, имение в окружении пастбищных угодий. Мы прозвали его «Валгалла». Предполагалось овладеть им в ходе дневной атаки. Мы сосредоточились в овраге. Уже смеркалось, когда мы штурмовали косогор. Противник, быстро опомнившись, открыл по нам ураганный огонь из пулеметов и автоматов, пули так и свистели сквозь пастбищную изгородь. Мы были вынуждены отойти. Так что вызволить из русского плена своих раненых товарищей мы так и не сумели. С несколькими легко раненными мы отступили в овраг.

Когда стемнело, перед нашими позициями вдруг откуда ни возьмись появился унтер-офицер. «Не стреляйте, я свой!» — выкрикнул он по-немецки. Оказалось, он сумел улизнуть от русских. Унтер-офицер был без сапог и в летнем обмундировании. Мы тут же растерли ему ступни ног снегом и закутали их в теплое. Беглец рассказал нам о таких ужасах, что и поверить было трудно: русские выносили раненых на носилках на мороз, стаскивали с них одеяла и обливали ледяной водой. Мол, чтобы долго не мучились. Мы все были поражены подобным изуверством. При первой же возможности унтер-офицера отправили в тыл — тем, кто побывал в русском плену, запрещалось воевать на Восточном фронте.

Мы продолжили отход в юго-западном направлении навстречу заходящему солнцу. Мы смертельно устали, жутко хотелось есть и пить. И тут случайно наткнулись в каком-то здании на целый ящик водки. Каждый чуть отхлебнул для поднятия жизненного тонуса. Только к вечеру после нескольких голодных дней наконец попробовали горячего супа. Когда прибыл транспорт с провиантом, мы стали в длинную очередь за супом. Капитан Малиновски, на всякий случай, решил выставить посты

боевого охранения по трое человек справа и слева на расстоянии 30-ти метров друг от друга. Едва мы успели наполнить котелки супом, как нас неожиданно атаковали русские пехотинцы. Капитан Малиновски мгновенно принял единственно верное решение, завопив, что было мочи: «В контратаку на них! Ура! Сигнальные ракеты!» И мы с криками «ура» бросились в темноту, и, в свете сигнальных ракет увидев врага, вступили с ним в рукопашную схватку. Русские явно рассчитывали захватить нас врасплох, но просчитались. В свете догоравших сигнальных ракет мы увидели, как они, оставляя убитых и раненых, устремляются в лес. У нас же, слава богу, были только легкораненые, так что лишних порций супа не было. И мы, наевшись до отвала, улеглись прямо на снег в овраге и стали дремать под звездным северным небом. Стоявшие в боевом охранении вынуждены были будить нас, чтобы мы не замерзли. Из предосторожности нам не разрешалось ночевать в домах. Тяжелые арьергардные бои стоили 126-й пехотной дивизии значительных потерь личного состава и техники. 20 января 1944 года 422-й полк располагал всего 150 бойцами, то есть, по сути, сравнялся с обычной полностью укомплектованной ротой.

Продовольственное обеспечение было скудным, один раз на человека дали несколько настоящих кофейных зерен и пиленый сахар, который мы потом грызли. Снег, абсолютно чистый в этих местах, тоже шел в употребление.

В ходе дальнейшего отступления — постоянные, изматывающие душу сюрпризы. Усталый, голодный и продрогший батальон тащился через лес. Едва мы приблизились к просеке, как что-то сверкнуло, и в свете вспышки мы успели разглядеть немецкую артиллерийскую позицию — 4 орудия, тут же угостивших нас огнем. Не помогли даже выпущенные нами белые сигнальные ракеты: рядом с нами разорвалось еще несколько снарядов. Мы были вынуждены залечь. Командир подобрал разведывательную группу из троих бойцов, поручив им незаметно добраться до артиллеристов. Разведгруппа подползла к указанному месту, дали еще одну сигнальную ракету, и вскоре наш батальон потянулся к артиллеристам. Первый вопрос: «Есть что-нибудь пожрать?» Пожрать нашлось, и все успокоились. Наш командир, не стесняясь в выражениях, отчитал командира артиллерийской батареи. Передохнув, мы продолжили путь в западном направлении. Снова все обошлось, даже никто не был ранен.

На наше счастье, зима не была такой лютой, как в 1941/42 годах. Случались и оттепели, обычно к полудню. Мои русские валенки мгновенно пропитывались влагой. На пятках валенок

появились дырочки, ведь валенки были без подошв. Возможности поменять обувку тоже не было. Подразделение было измотано в боях, ни о каком снабжении и говорить не приходилось, так что приходилось щеголять в дырявых, мокрых валенках. Мы постепенно уступали неприятелю деревеньки — Телеса, Аропакосы, Скворцы и Репусы. Однажды остатки мотопехотного батальона заняли позицию в какой-то небольшой деревеньке, и командир, прихватив и меня, отправился выяснять обстановку. Вдруг до нас донесся характерный гул двигателя танка Т-34, машина шла прямо на нас по деревенской улице. Танк был в летней камуфляжной окраске, и ничего не стоило подбить его. Наши товарищи не мешкали, и вот из дворика возле хаты зашипел фаустпатрон. Цель поражена! Т-34 тотчас же вспыхнул и остановился. Крышка люка открылась, из нее выскочил танкист. Все происходило метрах в 40–50 от нас. Командир приказал: «Нойенбуш, стреляйте!» Я тут же вскинул карабин, и тут командир тряхнул меня за плечо. «Стреляйте, стреляйте же!» Я ему ответил: «Герр гауптман, вы меня трясете и не даете прицелиться».

Между тем русский танкист успел исчезнуть, перебежав через улицу. И тут объятый пламенем танк на полном ходу вдруг устремился назад. Несколько секунд спустя мы услышали страшный взрыв, машина подорвалась на собственном боекомплекте. Задним числом я подумал, а ведь командир тебя не случайно тряс за плечо, видимо, хотел помешать тебе как следует прицелиться, какого черта палить по каждому улепетывающему со всех ног «ивану» — война и так проиграна.

И когда наши взгляды встретились, мы вдруг поняли, на кого мы стали похожи за все эти дни и ночи отступления. С тех пор как мы снялись с позиции у Ленинграда, мы не брились и не умывались. И руки, и лицо — пепельно-серые от грязи и копоти. Когда-то белоснежная маскировочная одежда была в грязи и крови, мы осунулись, завшивели и устали до чертиков. Что особенно угнетало, так это осознание того, что Красная Армия многократно превосходила нас и по численности, и по вооружениям и технике — мы в этом убеждались практически ежедневно. При всей нашей готовности отдать, если понадобится, жизнь, мы задавались вопросом: а есть ли вообще средство остановить неумолимое продвижение вперед Красной Армии? Увы, реальность давала страшный ответ: такой возможности нет.

Нередко русские танки почти одновременно с нами оказывались в тех населенных пунктах, куда мы следовали. Ижора — хорошо оборудованная запасная позиция в тылу — тоже была разгромлена. Возле Мочино 23 января 1944 года наш

батальон под командованием капитана Малиновски и при поддержке нескольких танков сумел перейти в контратаку, в результате мы овладели важной развилкой дорог для отступления, примерно в километре севернее Мочино. Вновь с трудом пробивались к нам по заснеженным лесным дорогам отдельные изолированные пехотные группы. Все было по-прежнему: по ночам отходы, а утром оборона от стремительно преследующих нас русских. Постоянные атаки штурмовиков Ил-2, именно тогда я впервые столкнулся с разрушительным воздействием новых американских напалмовых бомб; взрываясь на опушках леса, они вызывали настоящую огненную бурю.

Постоянные танковые атаки отнимали все наши силы и нервы, нам отчаянно не хватало эффективных средств противодействия танкам. Однажды мы устроили временную оборонительную позицию в низине у крестьянских домишек, и тут вдруг из зимней мглы на пустынной снежной равнине показалось приблизительно 25 танков Т-34. Мы срочно радировали в штаб дивизии и попросили немедленно прислать нам в помощь танки. Из штаба дивизии пришел ответ: танков в распоряжении нет, тем более для обороны; уничтожить вражеские танки в рукопашном бою; позицию удержать любой ценой. А между тем на весь батальон оставались всего несколько штук фаустпатронов. Но судьба вновь оказалась к нам благосклонна: примерно в 200 метрах впереди русские решили повернуть, и вскоре их машины скрылись из виду, растаяв в дымке зимнего дня.

Такая же история повторилась и на следующий день, когда в низине у наших позиций сосредоточились для атаки несколько танков Т-34. На сей раз наша радиограмма в штаб дивизии возымела успех. Довольно скоро к нам прибыло штурмовое орудие с боеприпасами. Командиром машины был гауптман Кениг, эту фамилию мне уже не забыть. И в этот же самый момент русские танки атаковали нас. Им предстояло перевалить гребень высоты. Именно этим и решил воспользоваться командир нашего штурмового орудия, то есть с возвышенного места огневой позиции взять на прицел русские танки. Оттуда гауптман Кениг подбил восемь танков Т-34; только это отрезвило русских, и они прекратили атаку. Безумная танковая дуэль — а мы, пехотинцы, угодили как раз между ними — обернулась убитыми и ранеными. Одному фельдфебелю осколок снаряда попал в сонную артерию, товарищи тщетно пытались зажать ее, но фельдфебель все равно умер. Гауптмана Кенига впоследствии в упор расстреляли появившиеся неизвестно откуда русские, когда он на мотоцикле ехал по дороге. Мы вновь и вновь, про себя,

проклинали эту подлую войну, каждая новая жертва казалась нам бессмысленнее предыдущей.

Судьба уготовила нам новое испытание: иссякло питание нашей переносной радиостанции, а о запасных батарейках нечего было и думать, нетрудно понять, что полевыми телефонами мы на марше не располагали. Оставалась только пешая связь, посылать связных в полк. Мы продолжали с боями отступать в направлении Эстонии. Каждая рота, численностью 25–30 бойцов, занимала по пути участок леса и большой крестьянский хутор на несколько домов. Между отдельными ротами связи больше не существовало. И в такой неясной обстановке справа из леса просочилась русская пехота, грозившая изолировать нашу 1-ю роту. Путь в расположение 1-й роты уже простреливался противником. Я получил приказ от гауптмана Малиновски передать 1-й роте приказ отходить. Короткими перебежками, прячась за деревьями, я должен был пробиться сквозь кольцо окружения русских. Но скоро выбившись из сил, я решил просто выйти на дорогу, по ней передвигаться было проще и удобнее, к тому же мне уже было все равно, что со мной будет. А думал я только об одном — как выполнить приказ. И вот до 1-й роты оставалось не более 750 метров. Неожиданно раздался хорошо знакомый гул двигателей, и из тумана показалась колонна русских танков. Сердце у меня екнуло, а потом я, машинально пригнувшись, отскочил в придорожный кювет и зарылся в глубокий снег. Мимо проносились русские танки с сидящими на них пехотинцами в белых маскхалатах. Я из своего укрытия в снегу насчитал не менее 8 танков Т-34 и две небольшие танкетки, они направлялись явно к КП нашего батальона и к крестьянскому подворью. Обстановка менялась на глазах, и я уже не мог сказать с определенностью, поспеет ли на выручку нашим моторизированная пехота и вообще, был ли сейчас смысл тащиться в 1-ю роту. Но, подумав о своих товарищах, все же решил идти — им во что бы то ни стало нужно было передать приказ об отходе. В конце концов я прибыл в расположение 1-й роты и передал приказ лично ее командиру, обязанности которого исполнял фельдфебель.

Уже смеркалось, когда я отправился обратно. Едва я приблизился к охваченным огнем домам, где располагался КП батальона, на меня как снег на голову обрушился огонь из 2-см орудия. Едва не задев меня, трассирующие снаряды просвистели мимо. Упав в снег, я заорал во всю глотку: «Не стрелять, я — свой!» Секунду или две спустя я все же решился подняться, стрельба прекратилась, но это еще ни о чем не говорило, могли стрелять и русские. Приблизившись к орудию, я различил

немецкие каски полевой дивизии люфтваффе, у нас в батальоне еще пребывали ее остатки. Струсив, эти ребята открыли огонь по одному-единственному человеку, не удосужившись даже разглядеть толком, кто он — свой или враг.

Меня распирало от гордости, когда я рапортовал гауптману Малиновски: «Ваше приказание выполнено. 1-й роте передано отходить». «Благодарю за исполнительность», — уважительно ответил командир. И в тот же миг мимо нас промчалась та же самая танковая колонна русских, которую я уже видел, но уже без пехотинцев на броне. В отсвете пламени пожара мы разрядили в них несколько фаустпатронов, однако промахнулись — слишком уж быстро они неслись.

На другой день линия фронта сдвинулась на запад и проходила уже через деревни Черново — Педлино (образцовое хозяйство) до Тойворово, где наш батальон под открытым небом, в мороз и ветер под огнем противника стал готовиться к обороне. Здесь нашему подразделению было придано 2 танка «тигр», чтобы было чем сдерживать русских — эти двое «тигров» вполне могли тормознуть танковую атаку противника. Если речь заходила о танковом единоборстве, «тигр», располагавший крупнокалиберным орудием, намного превосходил русскую «тридцатьчетверку» по огневой мощи. Но, увы, у нас было слишком мало этих мощных танков.

25 января 1944 года, где-то около полудня, я, доставляя донесение, попал под обстрел русских пехотинцев из близлежащего леса. Стало быть, русские в очередной раз едва не опередили нас. Вскоре начался минометный обстрел. Маленький осколок мины попал мне в нижнюю челюсть слева, и я увидел, как кровь хлынула на белый маскхалат. Я лежал в снегу, и осколок, угодив в глубокий снег, утратил первоначальную скорость, что меня и спасло. Я тут же помчался к своим, к унтер-офицеру вместе с еще двумя бойцами засевшими в снежной крепости у стены дома. Упав перед ними на колени, я успел сдвинуть на затылок каску и произнести: «Каппо, можешь мне…» И тут все и случилось. Рядом разорвался снаряд, и я без чувств свалился в снег.

Очнувшись, я сообразил, что, скособочившись, лежу на спине. Правое плечо страшно болело, я ощущал жар, а из рукава сочилась кровь. На мгновение промелькнула мысль: «Все, и до тебя добрались!» Попытался пошевелить ногами, вроде все нормально, работают. Это меня чуть успокоило. Одной рукой я расстегнул ремень со всем, что на нем висело. Мои товарищи без движения лежали тут же, почерневшие, словно по ним из огнемета пальнули. Засевший в лесу противник вовсю палил по

нам из винтовок. Сейчас самым главным было отыскать перевязочный пункт полка, и поскорее. Я знал, где он находится, потому что не раз проходил мимо, доставляя донесения. Дорога туда не простреливалась противником. Но, чтобы выйти из зоны обстрела русских, мне предстояло преодолеть еще несколько метров заснеженного косогора. Напрягая последние силы, я вскочил и зигзагами побежал наверх. Рядом свистели пули, но они меня, к счастью, не задели. Чувствуя себя как загнанный зверь, я все же добрался до КП полка, расположившегося в небольшом крестьянском доме. И тут же напротив развевался флаг с Красным Крестом — перевязочный пункт, оборудованный в вытянутом в длину сарае. На бегу я потерял много крови, и санитары сразу же потащили куда-то внутрь сарая, где уже лежали несколько человек тяжелораненых, легкораненые ожидали отправки, сидя у стены. С меня стянули толстую стеганую куртку, потом френч и разрезали рукав нательной рубахи. Один из санитаров наложил мне тугую кровоостанавливающую повязку. Рану на подбородке залепили большим пластырем. Санитары уже закончили перевязку, как снаружи вдруг раздался гул танковых двигателей и лязг гусениц. Тут послышались крики, выстрелы, где-то поблизости рвануло! Потом произошло невероятное: один русский танк открыл огонь из орудия по нашему перевязочному пункту, снаряд прошил тонкие дощатые стенки и вышел наружу, но, к счастью, не взорвался. Началась страшная паника, на улице вовсю стреляли, а я так и продолжал стоять полуодетый — в штанах и нательной рубахе. Не раздумывая долго, я решил спасаться — желания оказаться в плену у русских не было никакого. Подхватив здоровой рукой френч, я бросился в дальний угол сарая, где находилось распахнутое окно, и через него выскочил наружу прямо в снег чуть ли не по пояс. На ходу кое-как запахивая френч, я побежал в глубь леса, где смог наконец перевести дух, собраться с мыслями и определить, где проходит наш путь отступления. И я его нашел! Разглядев на снегу черные круги, я понял, что это следы обстрела, стало быть, именно здесь мы и отступали. Время от времени завывали мины, приходилось шлепаться в снег. Мне повезло, в тот день стоял лишь легкий морозец.

Я шел безо всякой конкретной цели, в полном одиночестве по нашей трассе отхода, и вдруг справа в лесу послышался гул мотора. Спрятавшись за толстым стволом дерева, я выжидал, что же сейчас будет. Слава богу, не русские танки. Из лесной просеки, переваливаясь с боку на бок, выкатился грузовик; сердце от волнения забилось, когда я узнал немецких солдат, это были артиллеристы, они оставляли позицию. Артиллеристы

прихватили и меня с собой, и я впервые в жизни понял, что чувствуешь, когда спасен. Скоро совсем стемнело. Я уже стал потихоньку замерзать, когда меня высадили у крупного пункта медицинской помощи. По лицам санитаров я понял, как они издерганы, и уже ожидал, что они взорвутся. Мне заявили, что перевязочный пункт немедленно эвакуируется — сюда приближаются русские танки. Ходячих раненых вели к уже готовым к отъезду промерзшим автобусам. Рассевшись по автобусам, мы целую вечность ждали, пока они наконец тронутся — все выясняли, нет ли на дороге русских. Мне не выдали ни одеяла, ни даже шинели, я так и продолжал сидеть во френче, в котором околевал от холода. Проплутав неизвестно сколько по заснеженным темным дорогам, мы все же добрались до железнодорожной станции, где располагался сборный пункт для раненых. Там мы наконец смогли прилечь на кишащую вшами солому и даже получить горячий суп — тепленькую водичку, в которой плавали горошины, но и это было уже хорошо для подъема тонуса.

Перевязочный пункт напоминал сарай. В центре стоял операционный стол, освещаемый бензиновой лампой. Рядом железная печь-времянка, на ней стерилизатор с операционными инструментами. Операционный стол был сколочен из сырых деревянных досок, которые как раз отскребали от крови моего предшественника, он еще не успел просохнуть. Для пристегивания раненых с обеих сторон стола были гвоздями прибиты кожаные ремни. Санитары сняли с меня повязки, и хирург, майор медслужбы, в некогда белом халате, осмотрел раны и объяснил, что осколок от снаряда, возможно, сумел проникнуть глубоко в мышечную ткань плеча, так что удалять его здесь и сейчас рискованно. Но вот края раны необходимо соответствующим образом обработать, иначе они не заживут. Что же до кусочка, застрявшего в подбородке, его, дескать, можно удалить без проблем. Но уж не взыскуйте — перед операцией мы вас на всякий случай зафиксируем — анестезии нет, так что всякое бывает с нашими ранеными. А кричать — кричите сколько влезет.

> Дорогие родители!
>
> Я с трудом пишу вам это письмо, поскольку в костях все еще сидит русское железо. Только бы не остаться без правой руки, не знаю даже, как без нее жить. Из-под завшивленной повязки сочится гной. Ужас! Пока что в Германию меня отправлять не собираются. Отсюда санитарные поезда не ходят. После того как меня

ранили, пришлось улепетывать от русских танков, тут уж было не до перевязок, и я потерял много крови. Если меня отправят в нормальный госпиталь, тогда все в порядке. Как только у меня будет постоянный адрес, я вам напишу снова.

На сегодня все. С сердечным приветом, ваш Хельмут.

(Письмо родителям от 30 января 1944 года, сразу же после ранения во время отступления из-под Ленинграда в снег и мороз. Осколки побольше в плече, небольшой осколок в нижней челюсти. Те, кто не мог ходить, все погибли.)

Хоть я изо всех сил старался, все равно не мог вытерпеть эту боль. После того, как мне оказали помощь, боли прекратились. Меня перевязали, и я прилег вместе с другими ранеными на солому. Ни спать, ни даже полежать спокойно невозможно — солома буквально шевелилась от вшей, они были везде, заползали под одежду и даже под повязку. Тело зудело нестерпимо, а ведь я не мог даже как следует почесаться. Повсюду шум, гам, беготня, все время поступают новые раненые, которыми надо заниматься.

На следующее утро всем ходячим было приказано отправляться на ближайшую железнодорожную станцию, там всех ожидает состав: товарные вагоны. И вот все, кто мог хоть как-то передвигаться, поковыляли к станции. Наша колонна представляла собой печальное зрелище. Мы помогали друг другу забраться в вагоны. Едва оказавшись в вагоне, люди тут же валились на промерзший пол или рассаживались по углам. Я вспоминал оставшихся в том сарае тяжелораненых. А им кто поможет? Кто их спасет? Как только последний раненый залез в вагон, состав тронулся. И тут как на грех авианалет на железнодорожную станцию; пока грохотало, молился про себя — только бы бомба не упала на рельсы. Мы все легли плашмя на пол и ждали. Поезд успел набрать скорость, и вроде пронесло.

Спустя несколько часов мы, полностью окоченевшие от холода, прибыли в эстонский город Нарва. Это было 27 января 1944 года. Забрезжила надежда, что нам окажут квалифицированную медицинскую помощь. Мои раны загноились, так что вши чувствовали себя прекрасно под повязкой, я же с ума сходил от зуда. Но вскоре моим мукам наступил конец, мне наложили свежую повязку, подвергли дезинсекции и впервые после долгого времени ужасов и мук досыта накормили. Только когда меня отвели в огромнейший зал, уставленный белыми госпитальными койками, и симпатичные медсестры уложили меня на одну из таких, я мгновенно

провалился в глубокий сон.

Когда я проснулся, было уже светло, и у моей кровати стоял маленький детский хор, который исполнил песню на непонятном мне языке. И я, как опаленный войной солдат, расчувствовался до слез, не стыдясь их: до меня постепенно доходило, что, несмотря на все ужасы, подстерегавшую меня на каждом шагу смерть, я все же жив! И этот хор детских голосов! Даже сейчас, спустя 55 лет, стоит мне услышать пение детского хора, как меня охватывает дрожь. Кое-как двигая правой рукой, я смог черкнуть родителям кратенькое послание, они, очевидно, уже знали из сообщений сводок ОКВ, что фронт перед Ленинградом рухнул. Все ушло в прошлое, даже моя двухнедельная борода и отросшие волосы.

Напротив меня лежал раненый русский, он тяжело, в страшных муках погибал от газовой гангрены. С ним сидел вспомогательный служащий вермахта, и я стал невольным свидетелем беседы двух людей, один из которых обречен. Ох, какая же дикость эта война — и конца ей не видно.

Фронт неудержимо приближался, и транспортабельных раненых приходилось отправлять дальше в тыл, на запад. Меня доставили в санитарный поезд и уложили на нижнюю полку, застеленную белоснежным бельем. Состав сформировали из пассажирских вагонов, переоборудованных под санитарные, с большими красными крестами на крыше и по бокам. Врачи и медсестры заботились о нас, как говорится, по первому разряду, и когда поезд двинулся в западном направлении, меня пронзило трудноописуемое чувство счастья. При проезде через лесной район санитарный поезд обстреляли из пулеметов партизаны. Погибло несколько человек, в основном, те, кто был на верхних полках; я не пострадал, поскольку лежал на нижней. Остался цел и наш локомотив — поезд, даже не остановившись, следовал дальше. Но теперь первоначальная безмятежность сменилась тихой паникой — врачам и медсестрам приходилось оказывать медицинскую помощь уже новым раненым. Кем были те, кто отважился открыть огонь по беспомощным людям? Кто оказался способен на такое подлое преступление?

Уже в санитарном поезде у меня начался жар, кожа покрылась красными пятнами и сильно зудела. Врач, сделав мне укол кальция, поставил предварительный диагноз: подозрение на воспаление легких. По причине потери крови, пребывания на холоде и недоедания я был на пределе физических сил.

В первых числах февраля 1944 года наш санитарный поезд прибыл в Летцен[14] (Восточная Пруссия). Я поступил в резервный госпиталь, тотчас был уложен в кровать и в условиях хорошего врачебного ухода и достаточного питания быстро пошел на

поправку. Уже спустя несколько дней мне разрешили вставать. Раны на подбородке и руке заживали, а, самое главное, больше не изводили вши. В мыслях я снова и снова возвращался к боевым товарищам из 422-го мотопехотного батальона. Кто из них остался в живых? После войны я узнал, что мой командир, капитан Малиновски, уже давно получивший очередной Рыцарский крест, погиб 13 сентября 1944 года. Я благодарен судьбе и внутреннему голосу, к которому всегда прислушивался, за то, что оказался в этом госпитале, даровавшем мне хоть и непродолжительное, но спокойное время вне фронта.

Уже другой санитарный поезд доставил меня 21 февраля 1944 года в резервный госпиталь «Три короны» под Гельдерном. [15] Госпиталь для выздоравливающих и легко раненных представлял собой перестроенный танцевальный зал. Деревенские девушки баловали нас пирогами и дополнительным уходом. Ко мне даже приехали родители. Нет слов, как они обрадовались, увидев меня.

К Пасхе 1944 года я неожиданно ощутил жжение в руке, она покраснела и опухла. Потребовалась еще одна операция в военном госпитале Гельдерна, на этот раз под общим наркозом. Но я выдержал и это, и 5 июня 1944 года, подлечившись, был выписан из госпиталя как «фронтопригодный». После выписки из госпиталя последовал двухнедельный отпуск домой, но особой радости, как прежде, не было — очень уж изменилась жизнь. Я едва ли не ежедневно видел, как рвутся бомбы союзников, а наших истребителей нет и в помине. Все это действовало удручающе, как солдат, я чувствовал, что меня нагло пытались принести в жертву непонятно чему. По истечении отпуска я должен был явиться для доклада в казарму в Падерборн-Нойхаузе, откуда меня снова должны были отправить на Восточный фронт в составе вновь сформированной части. А вновь сформированную часть перебросили на плацдарм южнее Варшавы. Красная Армия уже перешагнула Вислу.

И еще один небольшой эпизод во время боя при отступлении из-под Ленинграда.

Пасмурным и очень холодным зимним днем января 1944 года я отправился на задание с донесением, когда вдруг услышал шум самолета, летящего на небольшой высоте. Мне был знаком этот звук, он принадлежал низкоскоростному русскому легкому самолету, который мы называли «дорожной гуделкой». Самолет летел прямо надо мной. Я прицелился из карабина, естественно, с упреждением, как нас учили, выстрелил и увидел, как из крыла самолета вырвало кусок обшивки. Стало быть, попал. Второй выстрел оказался неудачным. Втайне я надеялся подбить русский

самолет из карабина, но пилоту повезло, что мои пули попали только в крыло. Эти небольшие легкие самолеты часто летали по ночам над нашими позициями. Бывало, подлетят, сбросят парочку осветительных ракет на парашютиках, снова уберутся, потом вырубят двигатель и, бесшумно приблизившись, киданут в свете догорающих ракет осколочные бомбы малой мощности на наши позиции. И пути войскового подвоза они тоже атаковали, прибегая к подобным уловкам.

Глава 10. Август 1944 года, снова отправка на Восточный фронт из Падерборн-Нойхауза, Баранувский плацдарм, южнее Варшавы. Позиционная война до 14 января 1945 года

Отпуск, полагавшийся мне для восстановления здоровья после зимнего ранения, пролетел незаметно, как и в прошлый раз. Между тем наступило лето, и я явился в Падерборн в запасную воинскую часть 18-го пехотного полка ополчения. 18-й полк входил в состав 6-й пехотной дивизии ополчения, действовавшей на центральном участке фронта. В этом симпатичном городке было полным-полно военных; вблизи находился знаменитый и нередко проклинаемый военный полигон «Зенне». Отец побывал там еще в Первую мировую войну и не раз приводил солдатскую поговорку тех времен: «Иисус Христос в гневе сотворил «Зенне», что под Падерборном». Как обычно, перед очередной отправкой на фронт проводилась общепехотная подготовка. Приходилось ежедневно до седьмого пота в жару имитировать атаки. Иногда для проведения учебных атак привлекались и настоящие танки типа «Тигр». Но поскольку в Германии отчаянно не хватало бензина, на учебных машинах стояли газогенераторные двигатели. И эти «тигры» с огромной трубой позади выглядели потешно. Однажды во время учений артиллеристы для создания условий, приближенных к боевым, произвели несколько выстрелов боевыми снарядами, и вышло так, что несколько снарядов разорвались в непосредственной близости от нас. Некоторые получили ранения, но тут же подкатили санитары и увезли их. За это командиру батареи наверняка досталось на орехи от начальства.

Был случай, когда меня вместе с другими товарищами откомандировали на товарную станцию в качестве вспомогательной рабсилы на погрузку танков. Танки типа «Тигр» из-за слишком широких гусениц не помещались на товарные платформы. Приходилось машины «переобувать» — надевать гусеницы поуже. И как только не могли предусмотреть подобные вещи? В общем, работа была дурацкая и на износ, и не только танкисты проклинали ее. Снимать широкие гусеницы еще куда ни шло. А вот надевать на металлические зубчатые колеса новые гусеницы — это уже потяжелее. Приходилось их на тросах протаскивать через верхний опорный ролик, а потом соединять. Надо сказать, танкисты справились с этим блестяще. Но все дело в том, что по прибытии на прифронтовую станцию назначения приходилось вновь менять узкие гусеницы на широкие.

20 июля 1944 года произошло покушение на Гитлера. В тот день ворота казармы наглухо закрыли и никого не выпускали. Да и в нашей казарменной жизни произошли кое-какие перемены. Теперь даже вермахту предписывалось приветствовать друг друга нацистским приветствием, как в СС, что казалось нам слишком обременительным — приходилось перестраиваться. Пехотинцы получили укороченные кожаные сапоги со шнуровкой, а прежние неудобные солдатские кованые сапоги канули в прошлое. Первоначально нас перебросили в 126-ю пехотную дивизию в Эстонию. Между тем Красной Армии удалось создать несколько плацдармов южнее Варшавы на западном берегу Вислы — обстановка стремительно менялась. Военная подготовка необстрелянной молодежи подходила к концу, а переброска на Вислинский фронт, напротив, приближалась.

В погожие летние вечера я болтался по Нойхаузу, разглядывая памятники архитектуры и дворец. Боже, какой прекрасной и богатой впечатлениями могла бы быть жизнь без войны! В пивных солдатские жены или невесты прощались со своими возлюбленными и самыми дорогими людьми. Кто знает, надолго ли? Возможно, и навсегда. Мысль не из приятных.

Отправка во фронтовые части произошла незамедлительно. Меня вновь назначили связным при штабе 2-го батальона 18-го пехотного полка ополчения. Командиром батальона был гауптман Хойсель. Район боевых действий — Баранувский плацдарм на западном берегу Вислы, южнее Варшавы. Следующим крупным городом был Радом, расположенный севернее Келецких гор. Наступление русских на этом участке несколько замедлилось. Линия фронта не была сплошной, не имела хорошо оборудованных в инженерном отношении позиций и проходила через небольшие городки. Гражданского населения в этом прифронтовом районе почти не было. Приходилось ежедневно укреплять линию обороны, поэтому все были заняты рытьем окопов и траншей. Позади нашей линии были выставлены щиты с надписями по-немецки и по-польски: «Стой! Линия фронта! Стреляют без предупреждения!» Но невзирая на это, у нас на позиции постоянно околачивались женщины, главным образом пожилые. Потом их приходилось отправлять восвояси — ничего не попишешь — война. Лишь после того, как мы заметили, что польки перебегали к русским и в деталях описывали, где, мол, эти чертовы фрицы, тогда мы стали с ними построже. Русская артиллерия понемногу начала обстреливать наши оборонительные позиции. Визиты местных прекратились — слишком стало опасно.

Мы, искушенные фронтовики, разумеется, были заняты

постоянными поисками всего, что оказалось бы полезным для работы и, уж конечно, съестного. В расположенном неподалеку фруктовом саду поспевали сливы. Мы притащили железные кастрюли и сварили в них отличное сливовое варенье. Мы смешивали и сливовый сок в пропорции один к одному с водкой, эту смесь мы окрестили «Вислинским ликером», который всем пришелся по вкусу. Ну а варенье с удовольствием намазывали на хлеб.

Позади, вплотную к нашей пока что временной позиции примыкала деревенька, хоть и небольшая, но с костелом. И мы с одним из моих товарищей однажды выбрались туда осмотреть храм. Костел оказался внутри довольно скромным. Интерес представлял орган. Большие мехи из натуральной кожи надувались с помощью насоса, приводимого в движение педалями, а положенный сверху тяжелый камень сжимал воздух, подавая его в трубы органа. Неприхотливая, но зато весьма надежная конструкция. Я немного играл на аккордеоне, и не смог удержаться, чтобы не сесть за орган и исполнить что-то веселенькое. Жест с моей стороны, мягко говоря, неуместный, но зато вполне мирного характера. Лето 1944 года подходило к концу, дни стояли солнечные и жаркие. Со свободой передвижения в прифронтовой зоне можно было распрощаться. Мы соединяли ходами сообщения землянки. В нашей землянке для связных мы из всякого случайно найденного барахла соорудили маленькую, но вполне пригодную для приготовления еды и обогрева печь, не позабыв и запастись дровами — как-никак, приближалась осень. Передвигаться вне позиции становилось рискованным — вполне можно было попасть под минометный обстрел. Мы, успевшие пообтереться на войне, которым не чуждо и приворовать, притащили с близлежащего поля картошки, которую нагло выкопали саперными лопатками. Русские, на глазах у которых все это происходило, не отказали себе в удовольствии ахнуть по нам пару раз из тяжелого миномета. Когда дым от взрыва рассеялся, мы с радостью отметили, что все целы и невредимы. Картошку удалось спасти, и ее хватило всего на сковороду; какой вкусной показалась жаренная на маргарине даже без лука картошка! Лука нигде не удалось раздобыть. Жара по-прежнему не спадала, и кое у кого из наших началось расстройство желудка. Причиной тому были, вероятнее всего, мясные консервы, явно подпорченные, которыми нас снабжали. Выбирать ведь не приходилось.

Мы, связные, знали как свои пять пальцев все окопы и ходы сообщения нашей позиции. Гауптман Хойсель велел мне однажды нарисовать приблизительную схему позиций батальона, включая

все землянки и ДОСы. Что касается оружия, то пехотинцам теперь выдали современное, короткоствольное оружие. «Sturmgewehr 44» со слегка изогнутой обоймой на 30 патронов, с возможностью ведения как одиночного огня, так и очередями. Старые карабины отслужили свой срок, их передавали ополченцам.

Линия фронта у Баранувского плацдарма понемногу укреплялась. Спустя 2 или 3 недели участия в боевых действиях нас сменили, направив в близкий тыл на несколько дней отдохнуть, помыться и переодеться в чистое. Хоть и с некоторыми ограничениями, мы все же могли передвигаться. Так, однажды разузнав о деревенском празднике с танцами и музыкой, мы отправились в пивнушку в расположенном неподалеку местечке. С двумя друзьями мы даже рискнули потанцевать. Тогда я пригласил на танец симпатичную польку, и мы стали танцевать. Потом я вдруг заметил, как остальные молодые люди вместе со своими подружками все плотнее придвигаются к нам и, бросая на нас недобрые взгляды, начинают окружать. Поняв, в чем дело, я вполне корректно завершил танец, и мы убрались подобру-поздорову. Не было никакого настроения устраивать потасовку, ибо мы были без оружия. Вот так и завершилась наша вылазка в мирную жизнь в самом конце войны.

Вернувшись на наши позиции, мы убедились, что артобстрелы русских с каждым днем усиливаются, теперь они вели огонь даже в темное время суток. Но к атакам противник не переходил. Видимо, решили взять нас измором. Мы думали и гадали, сколько еще они будут продолжать подобную тактику. Очень коварно действовали русские, обстреливая из своих, как они их называли, «сорокапяток» — небольших пушек, стоявших сразу же за их линией обороны. Выстрел, и тут же разрыв. Даже не остается времени опомниться. В ясную погоду прилетали одномоторные, частично бронированные самолеты-штурмовики Ил-2, сбрасывали на нас мелкие осколочные бомбы и обстреливали из пулеметов. Если кто-нибудь из нас засматривался вслед улетавшему Ил-2, тот рисковал получить «прощальный салют» от стрелка, сидящего позади пилота и спиной к нему. От наших доблестных люфтваффе, увы, мы больше не получали поддержки. Вследствие острой нехватки боеприпасов мало было толку и от нашего артиллерийского дивизиона. Превосходство Красной Армии в тяжелых вооружениях оборачивалось ежедневными потерями личного состава как убитыми, так и ранеными. Убитых, как правило, доставляли на куске брезента только к утру. Гауптман Хойсель отправил в полк зашифрованную телефонограмму о потерях. Ряды рот редели непрерывно, а замена приходила скудная;

соответственно, удлинялись и сроки боевого дежурства в окопах у пулеметов.

Наступила сырая, промозглая осень, зарядили бесконечные дожди. Все окопы залило водой. Хорошо хоть, что печь в землянке давала нам возможность просушить сапоги и одежду. Тогда со мной произошел совершенно уникальный за всю войну случай. Это было в начале ноября 1944 года. Как-то в первой половине дня на КП батальона заявилась симпатичная молодая особа в форме медсестры добровольной организации помощи тыла фронту. Она принесла с собой две сумки с сигаретами и маленькими бутылочками шнапса. Эти подарочки она пожелала лично раздать солдатам и непременно на передовой. Мы проводили ее к гауптману Хойселю, тот похвалил молодую женщину за мужество, но велел обязательно надеть каску и обуться в резиновые сапоги. Из-за густой копны волос надеть каску на голову было трудновато, так что волосы пришлось распустить по плечам. Мы с моим товарищем сопровождали нашу гостью. Там, где траншеи были не очень глубокими, приходилось просить нагнуться. Слава богу, на фронте в тот день стояло относительное затишье, если не считать эпизодических пулеметных очередей со стороны русских.

Когда мы прибыли на передовую, наши бойцы просто одурели. Даже не поняли, в каком тоне общаться с нежданной визитершей. Потом все же пришли в себя и даже осмелели. Один из них выдал следующее: «Ну, так как, дамочка, а ты бы рискнула на животе подползти к «иванам» на сотню метров?» (Позиции русских располагались всего в 100 метрах от наших.) Принесенные сигареты и шнапс тут же разошлись, одну сумку мы, правда, зажали для нашего ротного.

Когда мы вернулись на КП батальона, каска была снята, ее сменил милый сестринский чепчик, потом мы помогли смелой медсестричке стянуть жуткие резиновые сапоги. Капитан Хойсель поблагодарил ее за визит на фронт и пожелал благополучного возвращения домой. Мы проводили женщину до маленького автомобиля, стоявшего прямо возле нашего КП. Думаю, и этой сестре милосердия вовек не забыть экскурсии на передовую.

Убогие домишки вблизи линии фронта в районе излучины Вислы. 1944 год

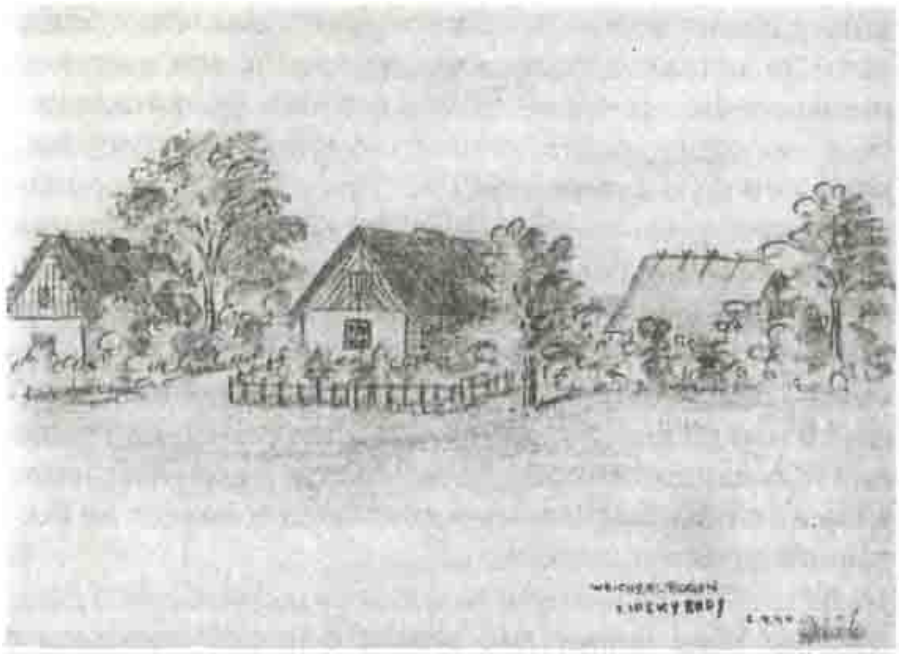
Все чаще русские летчики на бреющем совершали облет наших позиций. Огня они не открывали, очевидно, фотографировали наши позиции, готовясь к наступательной операции. Наша артиллерия применила новый вид оружия под интригующим названием «наземные пикирующие». Это были крупнокалиберные реактивные снаряды. Шум от них был адский, как, впрочем, и убойная сила. Мы продолжали обустраивать и укреплять землянки. Перекрытие такой землянки состояло из двух рядов бревен, поверх которых насыпался толстый слой земли. Без постоянной помощи саперов роты и их специальных инструментов нам с этой работой ни за что бы не справиться. Перекрытие землянки должно было выдержать прямое попадание снарядов — мелких и средних. Хотя войсковой подвоз был стабильным, нам приходилось нелегко: день и ночь стоять в боевом охранении, успевать доставлять донесения, оборудовать позиции — это тебе не фунт изюму. Мои однополчане исхитрялись доставать пшеничную муку, сало, так что время от времени мы даже баловали себя лакомствами. Слово «достать» на языке фронтовиков означало «получить доступ к дефициту».

Мои товарищи из Аахена были весьма озабочены

стремительным продвижением войск союзников с Запада. В разговорах в землянках всегда задавался один и тот же вопрос: сколько нам еще здесь в дерьме и грязи проливать кровь? Сколько еще нас должно подохнуть? Ведь исход войны был предрешен — это понимали все. Втихомолку мы желали ответственным за нее самого дурного конца, но выражать подобные мысли вслух опасались. Выпив приличную порцию шнапса, можно было на время позабыть о скотской жизни-, но ведь нужно было еще и в любую минуту быть готовым дать отпор противнику.

Однажды на нашем командном пункте появились двое членов НСДАП в коричневой форме и завели разговор о скором контрнаступлении, новом чудо-оружии фюрера и, разумеется, об окончании войны. Молча, с серьезными лицами, без комментариев мы их выслушали. Едва русская артиллерия начала обычный беспокоящий огонь, как наши партийцы мигом испарились.

Постепенно с первыми ночными заморозками приближалась зима, и мы получили из обоза зимнее обмундирование. 7 ноября 1944 года в Красной Армии был праздничный день. Это мы скоро почувствовали по огненному шквалу из «сталинских органов» («катюш») и минометов. Жутко звучало ночью улюлюканье перепившихся азиатов, что-то оравших нам. Ситуация на фронте становилась все тревожнее. Глубина воды в окопах доходила почти до 80 сантиметров. Чтобы окончательно не промокнуть, мы на авось выскакивали из окопов и мчались вдоль них так, чтобы не попасть под пули противника. Черт бы побрал эту окаянную восточную позднюю осень!



Часть деревни Липски Буды вблизи линии фронта в районе излучины Вислы. 1944 год

Тогда, 13 ноября 1944 года, я получил телеграмму от матери, в которой она сообщала, что во время воздушного налета на Дюссельдорф наш дом и производственная территория, где работали родители, полностью разрушены. Мой отец с тяжелым ранением лежал в городской больнице. Я без промедления получил несколько дней отпуска по семейным обстоятельствам и с ближайшей железнодорожной станции выехал на единственном курсирующем в этом районе паровозе. Первым же поездом для отпускников с фронта я довольно быстро доехал до Дюссельдорфа и был потрясен видом превращенных в руины улиц. Трамвай, часто останавливаясь, пробирался мимо груд битого кирпича. Мой отчий дом был полностью сожжен и разрушен зажигательными и фугасными бомбами, вместе с ним и маленькое производственное помещение. Бомбы не пощадили и служебный автомобиль отца. Мать (слава богу, она была цела и невредима) я отыскал в полуразрушенном соседнем доме, где она нашла временный приют. У нее уцелела лишь сумочка с документами и ключ от дома. Я навестил отца в больнице, он до сих пор не мог оправиться от шока, вызванного ранением. На все лицо синел отек — у него в четырех местах был перелом черепа, правое плечо раздроблено, но руку удалось сохранить в

результате удачной операции. Я видел, что ему тяжело говорить, но мы все же обсудили самое важное. Отец был владельцем фирмы с 30 рабочими, и теперь она осталась без руководителя. Необходимо было без промедления обсудить с бухгалтером, что делать, и поставить в известность всех заказчиков о том, что произошло. За два дня отпуска я сумел решить все, казалось, нерешаемые проблемы. Дней отпуска не хватило, и я был вынужден ходатайствовать о продлении отпуска у местного функционера НСДАП. Тот с порога наорал на меня, мол, у нашего фюрера (Адольфа Гитлера) каждый солдат на счету, так что ни о каком продлении отпуска не может быть и речи. Меня такой оборот никак не устраивал, я продолжал настаивать на своем. В конце концов после грубой перепалки я все же смог убедить его продлить мне на два дня отпуск. Их мне хватило для решения только первоочередных вопросов. Покончив с ними, я снова с объемистым «тормозком» отправился на Восточный фронт довоевывать.

За долгие часы в пути на восток я размышлял о дальнейшем ходе войны: что станет с нашей прекрасной Германией, если все большие города друг за другом превратятся в груды развалин? Если неприятель оккупирует ее? Каким же чудовищным преступлением было сейчас продолжать эту бессмысленную войну! Уже и так более чем достаточно молодых и здоровых людей принесли себя в жертву, к чему же, в таком случае, множить эти жертвы? Да, Германии предстояли очень и очень непростые годы — что мог поделать народ с преступной фашистской кликой? При всей любви к Отечеству теперь для меня первоочередной задачей стало выжить, выжить, не отказываясь от исполнения своего солдатского долга.

Божница в окружении трех берез у деревни Липски Буды. Август 1944 года

Было уже по-зимнему холодно, землю успело припорошить снегом, когда я вернулся к своим товарищам на нашу старую позицию. Первым делом я доложил о прибытии своему командиру гауптману Хойселю. Своим товарищам в землянке связных я рассказал о том, как обстоят дела дома, о том, сколько там сейчас убитых, раненых и какие лишения приходится терпеть населению. Воздушные атаки англичан и американцев становились все интенсивнее, и народ изнывал на скудном карточном рационе продовольствия. Мало радостного сообщили и мои друзья о том, что происходит на нашем участке фронта. Нехватка боеприпасов была настолько острой, что открывать огонь из пулеметов позволялось только во время атаки неприятеля. Русские, быстро узнав об этом, чуть ли не разгуливали по ничейной земле. Когда наши саперы с наступлением темноты заминировали участок территории у наших окопов, русские ночью тут же разминировали его, так что их прогулки по полосе продолжились — стрелять по ним было нечем. Такая была картина шестой военной зимы на нашем

участке фронта. Что касается артогня, им нас угощали регулярно, пока окончательно не измотали и не перебили нас — чем мы могли ответить русским?

А потом произошел и вовсе жуткий случай. В одну из туманных ночей в нашу землянку ввалились несколько человек русских с «Калашниковыми».[16] Один из них на ломаном немецком потребовал сложить оружие и следовать за ними. Мы оказали сопротивление, один товарищ был в этой схватке смертельно ранен, другой спасся бегством и сообщил, что случилось. Гауптман Хойсель на это лишь негромко выругался. Даже несмотря на этот инцидент, вопрос с боеприпасами так и не был решен. Ну, скажите на милость, что вообще делать боевому подразделению, если на стрельбу по противнику, по сути, наложили запрет, разрешив открывать огонь только в «исключительных обстоятельствах»?

Так и проходили эти первые недели зимы, с сильными ночными заморозками, с толстым снежным покровом и бесконечно длинными ночами. Правда, периоды слякоти и грязи закончились. Обозные транспортные средства, то есть лошадиные упряжки, легко добирались до передовой.

6 декабря 1944 года, в день святого Николая, русские разбросали листовки с обычными требованиями без борьбы сдать позицию, мол, они не сегодня — завтра начнут наступление. Новости о предстоящем скором наступлении были подкреплены артобстрелом из орудий крупного калибра. Листовки сразу же полетели в печку землянки; жалко только, что я так и не оставил ни одной на память. 16 декабря 1944 года вермахт приступил к осуществлению совершенно никчемной, бездарной операции — наступления в Арденнах под командованием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта. В бой были брошены лучшие танковые и стрелковые дивизии — свыше 1700 единиц танков и штурмовых орудий. Мы, солдаты-ополченцы Восточного фронта, мыслили совершенно по-другому: как было бы здорово бросить все эти дивизии против численно превосходящих нас русских. А потом произошло то, чего все ожидали: Арденнское наступление завершилось нашим разгромом. Здесь на наших позициях у Баранувского плацдарма пока что сохранялось затишье. Вот так мы тихо и созерцательно, с думами о наших любимых на Родине, и пережили рождественские дни у себя в землянке. Как и наступление нового 1945 года и посленовогодние дни.

Глава 11. 14 января 1945 года — начало широкомасштабного стратегического зимнего наступления Красной Армии из Вислинских плацдармов южнее Варшавы. Катастрофические

по числу потерь и последствиям сражения при отступлении немецких войск в Силезию; обморожение ног, пребывание в госпитале Дрезден-Арнсдорф; в апреле 1945 года — американский плен

11 января 1945 года я, к счастью, был направлен на краткосрочные курсы в тыл, примерно в 10 километрах от линии фронта. И когда 14 января 1945 года в снег и страшные холода развернулось мощнейшее по силе наступление Красной Армии, я находился в относительно безопасном месте. Но уже спустя час после начала невиданной по силе артиллерийской подготовки весь немецкий фронт рухнул. Превосходство противника было ни с чем не сравнимым! На каждый километр атакуемого участка фронта у Баранувского плацдарма малочисленным немецким дивизиям противостояли приблизительно 250 артиллерийских стволов всех калибров. Противник имел 7-кратное превосходство по числу танков и 11-кратное по численности пехотных сил. Вся 9-я немецкая армия была разгромлена еще в самый первый день наступления Красной Армии. Почти все действовавшие на передовой части были уничтожены ураганным огнем и в ходе дальнейших атак русских ударных дивизий.

В моем полку в первый же день наступления погибли командир 18-го пехотного полка, все без исключения командиры батальонов, среди них и командир моего, 2-го батальона гауптман Хойсель. В тот самый страшный первый день пали и командиры артиллерийских частей и подразделений. Красная Армия неукротимо продвигалась на запад. Из остатков разгромленной 6-й пехотной дивизии и 18-го пехотного полка был срочно сформирован 6-й мотопехотный батальон под командованием гауптмана Шрайнера и подчинен 19-й танковой дивизии. Моя прежняя 6-я дивизия больше не существовала. Гауптман Шрайнер назначил меня связным. Русские танковые части и соединения, воспользовавшись важнейшим преимуществом — отличными дорожными условиями, — стремительно продвигались на запад. При этом они все чаще прибегали к испытанной нами еще летом 1941 года в России тактике окружения частей противника. Так возникли так называемые подвижные котлы, перемещавшиеся в западном направлении. Мы тоже оказались отрезанными на участке между реками Вислой и Пилицей. Предполагалось, что там наступающего противника сдержат наши заранее подготовленные оборонительные позиции. Однако позиции эти, к сожалению, были пусты, и наше отступление продолжалось. Между Томашувом и Зулеевом воды Пилицы сковал лед. Соблюдая

осторожность, мы сумели переправить по льду реки на другой берег легкие открытые вездеходы, личный состав и войсковые запасы.

Далее отступление продолжилось через Петркув и Лодзь до реки Варта. Важнейшая транспортная развязка Калиш-Острово и Кошнин уже были заняты опередившими нас русскими танковыми частями. Поток беженцев на дорогах, пеших и на повозках русские танки безжалостно сметали в сторону, а кое-где и давили гусеницами. Женщины и дети погибали от холода. Мы сумели отбить у противника вышеупомянутую транспортную развязку, отойти и тем самым избежать окружения. Абсолютно неорганизованно, порой пешим порядком, порой на случайных грузовиках мы продолжали отходить вслед заходящему солнцу.

На душе кошки скребли. Что толку от боевой части, по сути, рассеявшейся и вдобавок к этому отрезанной от всякого войскового подвоза? Воистину ужасна была участь тяжелораненых, не было никакой возможности своевременно организовать их переброску в наш тыл. Немецкие танковые части, точнее говоря, их остатки не имели горючего; мы были вынуждены подрывать самые современные танки типа «Тигр», чтобы они не достались врагу. Иными словами, почти все немецкие танковые силы были разгромлены. В ходе дальнейшего отступления мы видели на одной из дорог брошенный новенький «Леопард» со слетевшей гусеницей. Танкисты ломом отчаянно пытались надеть ее, но, судя по всему, это был сизифов труд. Мы предупредили их, что вот-вот здесь будут русские танковые части, и посоветовали им взорвать машину. Жаль было совершенно новый танк, он сослужил бы добрую службу при отражении атак русских.

Мы продолжали отходить, не останавливаясь ни днем ни ночью. На центральном участке фронта образовалась брешь шириной около 300 километров, и оперативные соединения русских, в том числе танковые, совершенно беспрепятственно продвигались на запад. Связь с вышестоящими штабами, а также войсковыми частями отсутствовала. Не следует забывать и о непрерывных бомбежках и атаках с воздуха русских штурмовиков. Наши люфтваффе опять-таки из-за отсутствия горючего не имели возможности вступить с ними в бой. Заранее подготовленные позиции в тылу были практически не заняты боеспособными частями, и русские просто-напросто обходили их. Какой бы то ни было контроль отсутствовал — остатки полуразгромленных частей спасались бегством. На главных трассах отступления можно было видеть временные щиты с указаниями новых мест сбора боевых частей. Меня не покидало чувство, что война

проиграна, и я решил, что единственно разумное теперь — соблюдать предельную осторожность и выжить в этой войне, исключая, разумеется, сдачу в плен русским.

Каким-то образом наша малочисленная боевая группа под командованием гауптмана Шрайнера сумела раздобыть открытый вездеход, да еще и бензин. Теперь мы, битком набившись в машину, вместе с фаустпатронами бодро следовали в сторону Силезии. Добравшись до так называемой второй линии оборудованных запасных позиций, мы убедились, что и она не занята. Перед нами раскинулся огромный лесной массив, наверняка занятый польскими партизанами, а обойти его мы никак не могли. В качестве меры воспрепятствования коварным атакам мы взяли с собой в заложники одного поляка с близлежащего хутора, пообещав отпустить его, как только минуем лес. Его мы собирались усадить прямо на забрызганное грязью правое крыло вездехода. Я же уселся на левом, держа палец на спусковом крючке автомата. Никаких партизанских атак не последовало, лес мы миновали благополучно, а поляк был отпущен.

Выехав на открытую местность, мы увидели множество повозок с беженцами — передвигаться по забитым дорогам уже не было возможности, вот люди и решили ехать полем. Дул порывистый ледяной ветер, и повозки еле ползли на запад. Обогнав их, мы угодили под бомбежку русской авиации. Пришлось остановиться и пережидать ее, укрываясь под деревьями от осколков. Трудно даже представить, что было бы с нами, не располагай мы транспортом — без него выскочить из этого дьявольского котла было невозможно. Нам повезло, мы слили бензин из бака брошенного грузовика и сумели продолжить путь на запад.

В небольшом польском городке под названием Мокрозек, этого названия мне не забыть никогда, к полудню скопилось множество беженцев на телегах. Люди решили устроить здесь краткий привал; я заметил и несколько автомобилей вермахта. Внезапно началась страшная бомбежка, и несчастный Мокрозек был разрушен до основания. Когда началась бомбардировка, я быстро скрылся в первом попавшемся доме и успел броситься под кухонный стол — в этот момент рядом с домом разорвалась бомба, и часть его обрушилась. Я, кое-как выбравшись из-под груды обломков, стал отряхиваться. Ничего страшного, если не считать пары синяков и ссадин. Рыночная площадь представляла собой адское зрелище — несколько бомб упали прямо в гущу беженцев. Не могу и не хочу описывать это. Мне повезло, я уцелел, уцелели и мои товарищи — хорошо, что мы догадались

поставить вездеход чуть в стороне. Мы, не мешкая отправились дальше, маневрируя между обезумевшими от страха людьми.

К вечеру мы добрались до какого-то имения с закрытыми ставнями. Мы собрались переночевать здесь и, прежде всего, раздобыть хоть какой-то еды. Гауптман Шрайнер распорядился поставить вездеход подальше и хорошенько замаскировать. Как выяснилось позже, решение было весьма своевременным. С черного хода мы пробрались в дом. Быстро была обнаружена кладовая с заготовленными впрок мясом, колбасами, фруктами и даже бутылками с красным вином — было что выставить на стол. Весело запылала на кухне плита, на сковороде заскворчало сало… Мы уселись за сервированный по-праздничному стол отведать роскошный обед и даже зажгли свечи. Пили мало, чтобы не раскисать и оставаться в полной боевой готовности. Неожиданно в ставни загрохотали кулаками, послышалась русская речь. Мы тут же схватили оружие, через заднюю дверь выскочили из дому и бросились к нашему вездеходу. Из предосторожности водитель не стал запускать двигатель — к чему лишний шум? Несколько десятков метров мы толкали его, только потом водитель включил двигатель. Вновь нам удалось благополучно смыться от греха подальше. Силы были явно неравными, так что ввязываться с ними врукопашную смысла не имело.

Der Kommandant
der Festung Glogau.

O.Gefr. Hosbach, Heinr
11./G.R.18
Jetzt:
Kampfgruppe Bartels
Btl.Edr.Hptm.Erpenbach

1. Februar 1945.

SOLDATEN!

Nach Wochen schwerster Rückzugskämpfe haben wir hier auf deutschem Boden vor Glogau wieder Front nach Osten genommen. Das Vorfeld der Festung Deutschland hat der Feind überrannt. Jetzt will er versuchen, den Kern zu zertrümmern.

SOLDATEN!

Wir wissen alle, daß es jetzt um Sein oder Nichtsein, um das Leben und die Zukunft unserer Mütter, Frauen und Kinder geht. Willst Du Deine Frau, Dein Kind den roten Mordbanditen ausliefern? Gewiß nicht. Darum steh' und schaudet Überwinde den Panzerschreck! Es gibt keinen russischen Panzer, der nicht mit der Panzerfaust erledigt werden könnte.

Der Raumgewinn des Feindes, so schmerzlich er für uns auch ist, besagt wenig. Wir standen auch schon vor Moskau! Entscheidend wird die letzte Schlacht sein, siegen wird der innerlich Stärkere. Das Schicksal kämmert von Tag zu Tag härter zusammen, so daß die Feindkoalition daran zerbrechen wird.

Der Krieg ist kein Rechenexempel. Klügeleien über Vergangenes schwächen die Kampfkraft. Nur vorwärtsgerichteter bedingungsloser Einsatzwille kann den Feind überwinden.

Einzelschicksale sind schmerzlich, aber nicht kampfentscheidend. Jetzt geht es um die ganze Vaterland.

Nicht ein Wall aus Eisen und Beton wird die Festung Deutschland unüberwindlich machen, sondern stand und allein

der standhafte Grenadier.

Uns führt Adolf Hitler. Hinter ihm stehen 90 Millionen gläubiger und entschlossener Deutscher. In seiner Hand ist dieses Volk unüberwindlich.

Also: Ruhige Nerven, festes Vertrauen, gezielte Schüsse und der Feind wird vernichtet werden.

gez. Nickel
Generalleutnant und Kommandant
der Festung Glogau.

PS Beklaus

Для остатков когда-то могучих немецких пехотных дивизии бои в Силезии стали последними. И попытка генерал-лейтенанта Никеля подбодрить личный состав вот такими листовками успеха не возымела. На память одну из них я сохранил в своей солдатской книжке

Потом вышло так, что нас заставили сдать вездеход, после чего нас сунули в какую-то вновь и наспех сформированную боевую группу в 50–60 человек, отставших от своих частей. Возглавил группу гауптман Шрайнер. Новая задача — оборонять усадьбу на главной дороге. Снова пошел снег, и вдобавок мороз крепчал. Между обороняемой нами нашей усадьбой и главной дорогой располагался небольшой, но довольно глубокий овражек. Мы с ужасом наблюдали, как метрах в 150 от нас проехала колонна русских танков и грузовиков. В вышеупомянутой усадьбе поляки дали нам хлеба и растопленного сала прямо с печки. Мы пили тепловатый жир прямо из горшка, организм нуждался в калориях — уж и не помню, когда нас по-настоящему кормили наши начпроды. Разведывательный бронеавтомобиль решил повернуть к нам и тотчас же был обстрелян русскими танками, стоявшими на расположенной выше дороге. Один офицер передал нам приказ сию же минуту отойти к какому-то там мосту, уже подготовленному к подрыву. При свете свечи мы на карте, сверяясь с компасом, установили точное направление. По заснеженным полям в сгущавшихся сумерках мы, пехотинцы, растянутой колонной стали продвигаться к намеченному месту. Слава богу, гауптман Шрайнер точно все указал на карте, и мы после продолжительного марша без труда обнаружили вышеупомянутый мост, где нас уже ожидали саперы. Вскоре этот мост взлетел в воздух.

Так выглядела наша позиция в Зигерсдорфе (Силезия) в феврале 1945 года. У меня, связиста, в

планшете всегда имелась наготове бумага и карандаш

В последующие дни передвигались мы исключительно на своих двоих, уставали как собаки, и ноги гудели от непрерывной ходьбы. Все кругом были заняты поисками транспорта, чтобы уйти от быстро настигавших русских и не оказаться у них в плену. Наконец в районе городка Фрауштадт[17] мы добрались до границы рейха. Там отступавшие части собирали и формировали из них новые боевые группы. Я был прикреплен к боевой группе «Смерть танкам». Командовал ею гауптман Хюнфельд, который назначил меня связным при штабе. Боевая группа с таким многообещающим названием никакими транспортными средствами, равно как и тяжелым противотанковым оружием, не располагала, в ее распоряжении был лишь мотоцикл БМВ с коляской, использовавшийся для разведки. Как связной я частенько садился в коляску и, положив на колени автомат и фаустпатрон, отправлялся на так называемые особые задания, с которых вполне можно было и не вернуться. Однажды мы получили приказ провести дневную разведку, чтобы выяснить местонахождение передовых частей русских. Когда мы проезжали мимо наших позиций, товарищи пожелали нам ни пуха ни пера. Сначала мы, спеша, проехали по открытой местности, постоянно оглядываясь по сторонам. Потом миновали опустевшую деревню, так и не встретив ни одного человека; было необычно тихо, ставни наглухо заколочены. Потом снова одолели несколько километров открытой местности до следующего населенного пункта. А вот там мы буквально напоролись на танковую колонну русских, которые незамедлительно открыли по нам огонь. Водитель мотоцикла в считаные секунды круто развернул наш БМВ, и мы, мечась из стороны в сторону, только благодаря мастерству водителя и надежному мотоциклу сумели унести ноги. После мы подробно доложили нашему командиру обо всем, описав местонахождение русских передовых танковых частей. Впрочем, нам так и так пришлось продолжить отход.

В большом имении мы обшарили все, даже сено. Наше внимание привлекла огромная куча соломы, и мы полюбопытствовали, что в ней решили от нас упрятать. Там под брезентом стоял маленький белый «фиат», спортивная модель, с красной кожаной обивкой сидений. Удивлению не было предела: в замке зажигания торчал ключ, а стрелка прибора свидетельствовала о том, что бак полон. Быстро вызвали гауптмана Хюнфельда. При виде этого маленького скоростного малолитражного автомобиля он пришел в истинный восторг. «Наконец-то у нас есть боевое транспортное средство! —

воскликнул он. И тут же спросил у меня: — Нойенбуш, вы случаем не водите автомобиль?»

Я ответил, что кое-какой опыт имеется.

«В таком случае берите на себя управление транспортным средством боевой группы «Смерть танкам». Ситуация была довольно идиотской, и вместе с тем серьезнее некуда. Мой отец, правда, когда-то пытался научить меня водить машину, и мне не составило труда переквалифицироваться в шоферы.

Но настоящую практику вождения я получил в ходе дальнейшего отступления, нередко под огнем противника. От гауптмана Хюнфельда я однажды получил приказ срочно доставить в уже эвакуированную деревню двоих женщин — почтовых служащих с казенными деньгами. Ехать предстояло навстречу русским, так что мне было несколько не по себе. Без происшествий я добрался до маленькой деревни, там у въезда меня уже дожидались обе почтовые служащие с деньгами. Я тотчас развернулся, и обе женщины тут же сели ко мне в машину. Было настолько тесно, что я толком не мог переключать скорость. Я тотчас тронулся в путь. Но что это? Давлю, давлю на газ, а машина еле ползет. Что случилось? Оказалось, я в спешке позабыл снять ее с ручного тормоза. Русские, которые явно наблюдали за нами, открыли стрельбу. Когда неподалеку стали рваться противотанковые снаряды, обе женщины завопили от страха. Чуть в стороне, у придорожных деревьев, я разглядел темно-красную вспышку разрыва. Благодаря богу, мы все же добрались до поворота дороги и оказались вне досягаемости снарядов русских танков. И снова, в который уж раз, все обошлось благополучно. Я сказал себе: как всегда везет. Целый и невредимый я смог отправить обеих почтовых служащих с деньгами в батальонный командный пункт, откуда они направились в тыл. Впоследствии я сказал себе, что прежний водитель маленького «фиата» наверное, обрадовался бы, если бы знал, как пригодился его автомобиль.

То, что Красная Армия безудержно продвигалась в глубь рейха, не на шутку тревожило. Прежде всего мы думали о том, какие ужасы предстоит пережить нашим женам и любимым, остававшимся в Германии. Призыв Сталина к своим войскам был нам хорошо известен: берите себе любую немку-блондинку, она — ваш трофей. Как мы, несчастные солдаты-фронтовики, могли воспрепятствовать этому? Разве что сражаясь до последнего патрона. Поэтому и были вынуждены до конца исполнять свой солдатский долг, каким бы безвыходным ни казалось нам положение, в котором мы очутились.

К тому времени мы представляли собой малочисленную

боевую группу, состоявшую из тех, кому не на кого и не на что было рассчитывать, кроме себя, включая и войсковое снабжение. Самому обеспечивать себя пропитанием было еще не худшим из зол — в покинутых домах мы находили достаточно и мяса, и колбас. Ведь у местных жителей, покидавших эти дома, времени на сборы не было. Я тогда не расставался с финкой на случай рукопашной схватки, она вполне годилась и на то, чтобы нарезать хлеб или колбасу. Письма из дома уже давно не приходили, что лишь усугубляло наше беспокойство. Очень непростым было и положение тяжелораненых. К примеру, как поступить, если твой товарищ получал ранение в живот? Пожалуй, страшнее ничего и придумать нельзя. При ранении в область живота операционное вмешательство должно быть немедленным, самое большее несколько часов спустя после ранения, в противном случае человек обречен. Однако ни санитаров, ни транспортных средств не было. Тяжелораненые умирали в страшных муках, не хотелось даже и думать о том, что и тебе придется пережить подобное. Тогда мы снимали медальон с личным номером солдата и передавали его командиру. А тела погибших приходилось бросать непогребенными. Однажды мы обороняли одну покинутую жителями деревню, название ее, увы, не помню, как многое из этих драматичных недель боев при отступлении, в первую очередь, как звали моих друзей, офицеров и унтер-офицеров. Так вот, чтобы попасть в эту деревню, необходимо было перейти через реку шириной около 10 метров по мосту, который к тому же был и единственным путем отступления. Вскоре мы увидели, как многочисленные пехотные силы русских при поддержке танков приближаются к нашей позиции. При столь явном превосходстве противника не было смысла вступать с ним в бой — никаких тяжелых вооружений у нас не было. Гауптман Хюнфельд велел мне переправить наш маленький «фиат» через речку, а мой товарищ должен был следовать за мной на мотоцикле с коляской. По ту сторону реки мы собирались соединиться с группами наших пехотинцев. Я добрался до этого моста, а мой товарищ ехал позади меня. Неожиданно дежурившие у моста подали нам знак остановиться, но я не успел отреагировать, и не сразу различил выложенные на узком мосту мины. Как быть? Я во что бы то ни стало должен был проехать мост. С великим трудом объехав мины, я все же миновал мост и стал подниматься по идущей вверх дороге. В тот же момент у меня за спиной прогрохотал взрыв, и мост взлетел на воздух. Вместе с моим товарищем, ехавшим на мотоцикле. По-видимому, он случайно задел колесом мину и погиб на месте. По рухнувшим в воду остаткам моста наши пехотные группы, хоть не без труда, но все же перебрались

на другой берег реки.

В нашем маленьком белом спортивном «фиате» иссяк бензин; жаль, конечно, но больше у боевой группы «Смерть танкам» транспортных средств не оставалось. Пешочком мы одолели мост через Одер и на открытом участке местности увидели горевшие русские танки. Мост был в исправном состоянии, и мы перебрались на западный берег. Вода реки была усеяна льдинами, это было 31 января 1945 года, холодище стоял страшный. На западном берегу Одера нашей боевой группе придали подкрепление из отбившихся от своих частей бойцов и несколько транспортных средств; надо сказать, увеличившаяся группа представляла собой бардак, толпу. И мне было трудно разобраться, кто где находится и чем занят. У Глогау мы снова вернулись на восточный берег Одера. Вместе с другими войсковыми частями мы продвинулись вперед до Фрауштадта и создали там плацдарм протяженностью приблизительно 18 километров. Вместе с нами сражались пожилые мужчины из батальона ополчения, надо сказать, эти люди исключительно добросовестно исполняли нелегкий долг по защите Родины.

Почти все деревни были второпях покинуты жителями, им пришлось даже оставить домашнюю скотину. Из хлевов доносилось истошное мычание некормленых и недоеных коров. Во время внезапного артобстрела в конюшни племенного конезавода попали снаряды.

Охваченные паникой раненые и здоровые великолепные племенные рысаки устремились наружу. Один красивый как на картинке конь, черно-белой масти подбежал к нам, будто желая сказать: «Ну, помогите же мне, за что мне это все». До боли было жалко этих великолепных, благородных животных. Наш командир, человек, помешанный на лошадях, хотел было забрать этого великолепного жеребца, но нечего было и думать об этом — ни седла, ни уздечки не было. Как ни трагично, но раненых животных пришлось пристрелить.

Военные действия с судьбоносной неизбежностью продолжались. Нам было не удержать плацдарм на Одере до Фрауштадта — русские рвались отовсюду. И снова мы были вынуждены отходить и у Глогау возвратиться на западный берег Одера. Там нашу боевую группу «Смерть танкам», точнее, все, что от нее еще оставалось, усадили на грузовики, которые мигом доставили нас в Бунцлау[18] на реке Бобер; русские добирались уже и туда. После того как мы по мосту переправились через Бобер, нам было приказано стать в оборону неподалеку от продовольственного склада вермахта, причем без орудий, без танков. Огромный продовольственный склад стоял брошенным, и

мы вместе с представителями гражданского населения совершили его обход. И были приятно удивлены обилием потрясающих вещей — шоколада для пилотов люфтваффе, шоколада с начинкой, печенья, бутылок ликера и так далее. Мы набили карманы всем, чем только было можно; потом расколотили о стену несколько бутылок с коньяком и ликером, чтобы «иванам» не достались. Нагруженные деликатесами, мы шли по дороге, и вдруг услышали хорошо знакомые залпы из танковых орудий русских. Выхода у нас не было: чтобы поскорее ускользнуть от наступавших нам на пятки русских, с нашими трофеями пришлось расстаться. Поскольку противотанковых орудий у нас не было и в помине, оставалось лишь спасаться бегством по мосту через Бобер. У моста стояли несколько офицеров с пистолетами наготове и не пускали нас на мост, заставляя возвращаться в город и оборонять его. Сражаться с русскими танками при помощи карабинов. Но мы пропустили мимо ушей этот дурацкий приказ, и, спустившись к реке, захватили там лодки и таким образом спокойно переправились на другой берег Бобера. Бунцлау в тот же день был сдан, мост через Бобер взорван. Это произошло 11 февраля 1945 года.

Боевая группа «Смерть танкам» и остатки 6-й пехотной дивизии вновь собрались под командованием капитана Хюнфельда. Нас постоянно бросали в бой. Звучит почти невероятно, но нам на подмогу прислали даже гитлерюгенд, то есть 14—16-летних мальчишек, это было в деревне под Зигерсдорфом. Им очень не хотелось, чтобы русские захватили их деревню, и эти ребята решили похвастаться тем, как здорово они здесь организовали оборону. Особую гордость у них вызывала 8,8-см зенитка, из которой уже успели обстрелять пару русских танков. Но никто этих желторотых всерьез не воспринимал. Ночью я получил приказ доставить в наше распоряжение их хваленое зенитное орудие. Мальчишки с явной неохотой приволокли на тросе орудие к батальонному командному пункту, где оно было передано нашему боевому расчету. Старая добрая 8,8-см универсальная зенитка с высокой скорострельностью очень пригодилась при стрельбе в горизонт для поражения танков неприятеля. Мы чувствовали себя куда спокойнее, зная, что у нас в тылу имеется столь эффективное орудие.

В общем и целом оборона рейха укреплялась, так что русским пришлось не на шутку сражаться за каждый метр немецкой территории. Днем мы стали свидетелями, пожалуй, одной из последних атак наших пикирующих бомбардировщиков под командованием полковника Руделя, самого знаменитого из пилотов Ю-87 за всю Вторую мировую войну. В результате этой

операции было уничтожено значительное количество русских танков, сосредоточившихся в районе Зигерсдорфа. Прицельное бомбометание принесло результаты: мелкие бомбы попадали как раз на ту часть танков, где броня была тоньше. Машины сразу же загорались и выходили из строя. Нам были видны поднимавшиеся вверх столбы черного дыма. На оборону небольшой деревни под названием Зигерсдорф, ее железнодорожной станции и важного транспортного перекрестка бросили значительные силы. Из остатков полевой дивизии люфтваффе мы получили подкрепление и, кроме того, танковую поддержку частей 4-й танковой армии. Прибыла и рота танкеток чешского производства, новеньких, чуть ли не прямо из заводских цехов. В Зигерсдорфе борьба развернулась буквально за каждый дом.

Мне врезался в память случай на выезде из Зигерсдорфа, участок, который нам с несколькими бойцами из полевой дивизии люфтваффе было приказано защищать. Это была усаженная деревьями проселочная дорога, по обе стороны которой тянулись кюветы. Как и следовало ожидать, мы увидели, как к нам приближаются, пригнувшись, русские пехотинцы. Бойцы полевой дивизии люфтваффе уже собрались бежать, скорее всего, потому, что просто впервые видели русских солдат. Но, пригрозив им оружием, я сумел убедить их, что их спасет не бегство, а только глухая оборона. И после нескольких очередей из моего автомата ситуация изменилась кардинально — русские отошли как миленькие.

Командный пункт нашей боевой группы решено было разместить в доме общины. Там даже имелся полевой телефон для связи с артиллерией и штабом дивизии, находившейся в стадии формирования. Гауптман Хюнфельд получил из штаба дивизии приказ с наступлением темноты отбить у русских железнодорожную станцию Зигерсдорф. При поддержке танкеток мы пошли в атаку. Мы с командиром, пригнувшись, следовали за головной машиной. Широкие гусеницы предоставляли защиту от огня вражеской пехоты. К тому же существует старая как мир истина — танки всегда отвлекают на себя огонь противника. Мы двигались в направлении станции, когда с позиций врага заговорили пулеметы. Мы были вынуждены ненадолго остановиться. Была договоренность с артиллеристами, что они в нужный момент откроют огонь по зданию станции. Но вопреки ожиданию все пошло наперекосяк: наша артиллерия била с явным недолетом, то есть ее снаряды попадали в ряды наших атакующих. «Нойенбуш, давай налево, просигналь им белыми сигнальными ракетами, что мы здесь!» — таков был лаконичный приказ командира. Я, забежав в первый попавшийся двор,

выстрелил несколько раз из ракетницы, но тщетно, в результате недолетов собственной же артиллерии наша атака захлебнулась, едва успев начаться. И тут еще один приказ: «Нойенбуш, сгоняй на КП и передай артиллеристам по телефону, чтобы пока не стреляли». Я домчался до здания общины. Там собрались жители деревни, преимущественно старики, и распевали под аккомпанемент фисгармонии, за которой сидел пастор, «Хвала тебе, великий боже». Мне это показалось диким — рядом идет бой, а они горланят. Полевой телефон стоял как раз на фисгармонии, я, к сожалению, вынужден был прервать их церковное пение — необходимо было дозвониться до артиллеристов, слава богу, связь с ними пока оставалась. Передав приказ гауптмана, я тут же помчался обратно к нашим атакующим доложить об исполнении. Мне необходимо было добежать до большого перекрестка в центре деревни и там повернуть направо к станции. Между тем важный узел-перекресток был уже занят сумевшими пробиться русскими пехотинцами, встретившими меня шквалом огня. Уже успело стемнеть, так что в меня они не попали. Я кое-как пробрался вдоль жилых домов к нашей танковой группе и доложил об исполнении. За время моего отсутствия обстановка резко ухудшилась — воспользовавшись численным превосходством, русские перешли в наступление, так что необходимость отбить у них станцию Зигерсдорф сама собой отпала. Ко всему иному и прочему бойцы сообщили мне, что наш командир гауптман Хюнфельд получил серьезное ранение в бедро и потерял много крови, но его все же отправили в тыл, так что теперь война для него закончилась. Командование боевой группой взял на себя лейтенант, имени его я, к сожалению, не помню.

Вместе с танкетками мы отступили. Русская артиллерия вела по деревне огонь одиночными выстрелами, кое-где начались пожары. На важном перекрестке русские отчаянно сопротивлялись. В ходе ночного боя скрещение дорог снова удалось отбить у них. Дело в том, что немецкий пехотинец сумел превратиться в первоклассного солдата и превзойти русского в честном и открытом пехотном бою. Упорно обороняли и другие дома, благо фаустпатронов и пулеметов вполне хватало. В предполье, где атаки были отбиты, лежали несколько убитых русских, тоже героически сражавшихся за свое Отечество и отдавших за него жизнь.

Когда стало известно о прорыве передовых отрядов танковых частей русских вблизи Зигерсдорфа, единственным выходом для нас стало отступление из охваченной пожарами деревни, которую мы на протяжении нескольких дней упорно обороняли. Вскоре

нам пришлось участвовать в обороне еще одной деревни, предприняв обычную попытку остановить продвижение Красной Армии карабинами и фаустпатронами. Безрассудный это был приказ, ведь война уже давно была проиграна, Мое состояние непрерывно ухудшалось, силы покидали меня. Шутка сказать, месяц не снимать с ног сапоги, круглые сутки стоять в охранении, почти все время на холоде, скудное питание — и так весь январь и февраль. Ноги болели так, что я едва ходил. Каждый шаг сопровождался приступом боли. Больше так продолжаться не могло. И я на свой страх и риск решился отправиться на поиски медпункта, попросив одного из моих товарищей сообщить командиру батальона о времени и цели моего ухода.

Прихрамывая, я отправился в тыл. Буквально валясь с ног, я добрался до населенного пункта Хоххирх. Там меня остановили два полевых жандарма, мы называли их «цепными псами» из-за металлических блях на груди. Они сказали: «Ага, значит, еще одного дезертира сцапали. Давай-ка с нами». Меня привели в дом, где на первом этаже помещалась временная канцелярия. Там сидел пожилой гауптман. Оба жандарма кратко доложили ему обо мне и снова исчезли. Гауптман сразу разбушевался: «Да как вы смеете? Немедленно назад с оружием, это же дезертирство. Вы знаете, что за это вам полагается расстрел на месте?»

«Мне на это насрать», — ответил я ему. В конце концов герр гауптман, слегка успокоившись, стал меня расспрашивать, почему я покинул подразделение. Я рассказал ему о нескольких неделях боев и отступлении от самой Вислы в снег и морозы, и о донимавших меня сейчас невыносимых болях в ногах. Для наглядности я специально распахнул зимнюю куртку, чтобы он видел мои боевые награды. Гауптман вызвал кого-то из подчиненных и приказал ему разрезать мои сапоги. И тут оба увидели нагноившиеся раны, покрывавшие мои вонючие, грязные ноги в истлевших носках, что, честно говоря, и мне было в диковинку. Тут отношение ко мне разом переменилось, возможно, из-за наград, и гауптман полевой жандармерии вызвал санитарную машину. Это прозвучало для меня «Одой к радости». Кроме того, мне была выдана расписка о сданном оружии и боеприпасах. Я до сих пор храню ее.

«Принято полевым жандармом отделения Ф-1 следующее:

штурмовая (автоматическая) винтовка с двумя обоймами боеприпасов — одна.

ракетница — одна.

Зарядов белых ракет — четыре.

Зарядов зеленых ракет — три.
Зарядов звездных сигнальных ракет — два.
Подписано: Рапп, гауптман полевой жандарм отделения Ф-1 Хохкирх, 17 февраля 1945 года».

Можно ли считать, что я отделался легким испугом? Во всяком случае, именно так мне и показалось, когда подъехала санитарная машина, и меня буквально уложили на носилки. Ехали мы куда-то в сторону Дрездена. В Арндсдорфе я попал в военный госпиталь № 603, вспомогательное лечебное учреждение. Там я, грязный фронтовой солдат, помылся и побрился и спустя какое-то время получил свежее белье. Врачи поставили диагноз: легкое обморожение, осложненное нагноением обмороженных участков обеих ног. Мне прописали ежедневные глицериновые повязки и как минимум три дня постельного режима. После всего, что я пережил, представилась благоприятная возможность наконец нормально выспаться.

Мои ноги быстро шли на поправку, и скоро я уже вполне нормально ходил. Медсестра отделения явно благоволила ко мне и поручила помогать ей ухаживать за тяжелобольными. Повсюду ощущалась острая нехватка персонала по уходу за ранеными. Я подносил тяжелобольным питье. В отдельных случаях врачи прописывали даже шампанское для поддержания жизненного тонуса. Чтобы хоть как-то оживить полумертвую психику фронтового солдата, в больничные отделения набирали симпатичных медсестер. Помню палату, где лежали танкисты, все сплошь с тяжелыми ожогами лица и рук. Лица были изуродованы до неузнаваемости, покрыты гнойной коркой, руки плотно перебинтованы. Устрашающий вид, надо сказать, даже для видавших виды фронтовиков. Боже мой, как же не повезло этим несчастным ребятам, просто им не хватило нескольких секунд, чтобы выбраться из горящего танка. Под руководством сестер я осторожно вводил им трубочки для питья в обожженный рот, чтобы организм не страдал от обезвоживания. А кормили их тоже через трубочки сами медицинские сестры.

Операционная на первом этаже была оборудована довольно скромно, все-таки это был военный госпиталь. Над операционным столом была подвешена только одна лампа, света явно не хватало, и мне часто приходилось направлять ее свет на руки хирурга. Ежедневно поступали все новые раненые с близкого фронта. В операционной всегда кипела напряженная работа, врачи и сестры работали в постоянном стрессе. Ампутированные конечности обертывали в целлофан и выбрасывали из окна во двор, там их убирали. В коридорах, палатах и лечебных кабинетах

постоянно стоял запах дезинфекции и гноя. На жаргоне солдат-ополченцев госпитальных медсестер называли «карболовые мышки». Однажды вечером небо в западной части Дрездена окрасилось в кроваво-красный цвет. Издалека слышались взрывы бомб и гул двигателей меняющих курс самолетов-бомбардировщиков. Мы, стоя на улице, в ужасе начинали осознавать, что незадолго до конца войны прекрасный Дрезден погиб под бомбами, что заживо сгорели десятки тысяч его жителей. Медсестра из нашего отделения однажды сказала, что освобождает меня от вспомогательных работ, поскольку мне пора на фронт. По госпиталям собирали всех, кто мог ходить, для срочной переброски на фронт.

Так 3 апреля 1945 года я получил приказ прибыть на аэродром Дрезден-Клоче, чему я очень удивился, в конце концов, я был обученный пехотинец. Ничего хорошего не ожидая, я на газогенераторном автобусе добрался до Клоче. Там все выглядело вполне мирно, в конце взлетно-посадочной полосы притулились несколько Ю-87, двухмоторных пикирующих бомбардировщиков. Перед зданием аэропорта группами стояли солдаты. Некоторое время спустя появился фельдфебель и скомандовал: «В три ряда становись!» Непонятно почему, но я предпочел встать в конце ряда. Затем фельдфебель отсчитал четырнадцать человек, а оставшихся направил в канцелярию, среди них оказался и я. Совершенно неожиданно я встретил там товарища, которого помнил еще по призыву, он вручил мне новое предписание от 3 апреля 1945 года в запасную часть № 352730, дислоцированную в Оснабрюке. До меня все это как-то трудно доходило, я стоял и вертел в руках проездные документы на запад. Как я позже узнал, тех 14 человек, всех до одного ночью на парашютах выбросили где-то под Бреслау[19] и большинство из них погибло в лучах прожектора под огнем русской зенитной батареи. Бреслау в то время был блокирован противником, и связь с ним поддерживалась только воздушным путем. Я и по сей день благодарен всевышнему, что он тогда повернул ход моей жизни в благоприятном направлении. Потому что попади я тогда на передовую и дальше сражаться с Красной Армией, то, вероятнее всего, давно был бы на том свете.

На трамвае я поехал на главный железнодорожный вокзал Дрездена. Город представлял собой ужасающую картину — Дрезден выжгли дотла. Несколько улиц были полностью перекрыты сложенными из кирпича стенами — не было возможности ни разобрать завалы, ни извлечь оставшихся под ними погибших. По прибытии на главный вокзал все та же полевая жандармерия никак не желала пропустить меня на

перрон, мотивируя это тем, что, дескать, Оснабрюк уже в руках американцев. Я мгновенно усмотрел в этом шанс для себя, и, призвав на помощь все красноречие, все же сумел убедить их, и меня пропустили. Как всегда, опять повезло. Едва поезд отправился на Лейпциг, как вздохнул с облегчением. Но доехать я смог лишь до Ганновера: Оснабрюк и вправду заняли американцы.

В Ганновере я навестил знакомых своих родителей, попросив их передать им как можно скорее, что я уже не на Восточном фронте, а на западе Германии. Вдруг я ощутил, что жутко голоден. Но где раздобыть еды? В больнице по пути в местную комендатуру я попросил еды, и меня тут же накормили. Я сразу почувствовал себя лучше. Персонал снабдил меня в дорогу еще хлебом с маслом. Поблагодарив медсестер от всего сердца, я продолжил путь в комендатуру. Там меня сразу же зачислили в пехотную боевую группу, и мы пешим маршем отправились в Ганновер — Лангенхаген.

Не доходя до Лангенхагена, унтер-офицер распределил нас для обороны крестьянских подворий. Мы заняли оборонительные позиции прямо в сарае, где был сложен сельхозинвентарь. Перед нами раскинулось поле, оттуда и ожидалась атака американцев. Когда мы увидели, как американцы без опаски шагают по этому полю, один из пехотинцев постарше заявил: «Все, больше никого не убиваем». «Я того же мнения, — ответил я, — но все-таки пусть эти американкашки попляшут». Мы стали без разбору палить в воздух. Американцев словно ветром сдуло, так что первая атака была отбита без людских потерь. На этом и завершилось мое участие в боевых действиях на Западном фронте. С несколькими товарищами мы приняли решение без санкции сверху завершить эту окаянную, опостылевшую всем войну. Для начала пересидеть ее в подвале, где хранился картофель. К утру услышали шум двигателя, и никак не могли определить, что это было. Вскоре дверь подвала наверху распахнулась, и мы увидели наведенные на нас стволы карабинов американских солдат.

Глава 12. Американский плен, Франция, 15 апреля 1945 года — 11 марта 1946 года

15 апреля 1945 года я сдался в плен американским солдатам, это произошло в Ганновере-Лангенхагене. Американцы все у меня отобрали, даже мой серебряный знак отличия пехотинца-штурмовика. Мою солдатскую книжку я ради предосторожности скрыл в подошве сапога, она, таким образом, пережила и мое

пленение, и даже сохранилась до сегодняшнего дня, она дорога мне как память о том времени, когда был военнопленным. Говорящий по-немецки американский солдат тщательно просмотрел все вещи. Портупею с вещевым мешком я тоже должен был сдать. Я его спросил: «Могу я забрать с собой бритвенный прибор?»

«Да, конечно, возьмите», — ответил он. Я нагнулся, чтобы вынуть бритвенный станок из вещмешка. И тут же получил от стоящего сзади американского солдата крепкий пинок в задницу, да так, что полетел вперед. Затем нас всех согнали в кучу и погрузили на открытый военный грузовик. При этом здоровенные негры-солдаты столько напихали нас в кузов, что мы едва дышали. Затем на страшной скорости мы покатили по автобану в направлении Билефельда. Тогда мы пережили, пожалуй, последний налет люфтваффе, это были первые, «мессершмитты» совершенно новой конструкции — реактивные истребители Ме-262. На кабине водителя была установлена зенитная пушка, и второй водитель стрелял прямо над нашими головами по скоростным новым реактивным истребителям, правда, не попав ни в один.

На стадионе Билефельда нас выгрузили, зарегистрировали, и два-три дня мы спали на голой земле. Приходилось прижиматься друг к другу, чтобы хоть немного согреться. По команде мы поворачивались на другую сторону. К счастью, в апреле 1945 года погода стояла теплая, так что никто не расхворался. Еда состояла из расфасованных в маленькие картонные коробки продуктов питания. Мы удивлялись, чего только там не было: печенье, мармелад, сыр, растворимый кофе в пакетиках, сигареты и жевательная резинка. Вода была заранее налита в оцинкованные ванны.

Затем последовала дальнейшая транспортировка. Длинной колонной под охраной мы прошли через Билефельд к вокзалу. За нами следили, как полагалось, поэтому нечего было и пытаться совершить побег. У платформы стоял длиннющий состав угольных вагонов без крыш. В них нас и загнали. В вагоне было столько народу, что мы вынуждены были ехать стоя. Поезд направлялся к отремонтированному американскими саперами железнодорожному мосту под Везелем. Там нам пришлось некоторое время ждать, пока не сварят последние стальные балки. А потом наш поезд очень медленно миновал по этому мосту Рейн. Мы ехали дальше, куда-то в сторону Бельгии. Мы были без головных уборов, а угольная пыль проникала повсюду, въедаясь в кожу. Вид у нас был, конечно, как из страшной сказки: почерневшие, небритые.

На вокзале Намюр поезд остановился. Нам приказали выходить и маленькими группами погнали через привокзальную площадь к туалетам. Собравшиеся на вокзале люди выкрикивали в наш адрес ругательства, плевали на нас, из окон близлежащих домов вылетело несколько цветочных горшков. Конвоиры как могли защищали нас от нападок со стороны гражданского населения. Больше всего удручало, что мы не имели никакой возможности им ответить. Наш угольный состав шел в глубь Франции. По пути нам не раз пришлось убеждаться, какую ненависть питают к нам французы. Из идущих навстречу локомотивов лопатой кидали раскаленные угли в наши открытые вагоны. Но опаснее всего было проезжать мосты, собравшиеся возле них французы собирали в кучи камни и кидали их сверху в стоящих в тесноте пленных. Защититься было невозможно, в результате многие из наших получили ранения, иногда вполне серьезные. В Амьене поезд остановился, чтобы высадить раненых.

Поездка по Северной Франции продолжалась. На маленькой железнодорожной станции поезд остановился. Стоял прекрасный, теплый и безветренный весенний вечер. На платформе стояли несколько человек и беседовали. А потом в соседнем вагоне, это звучит почти невероятно, кто-то из пленных вдруг запел. Это был настоящий оперный голос, чистый, сильный, хорошо поставленный. Звучала песня о Волге. На платформе все сразу притихли и стали слушать чудесное пение. Мы были до глубины души растроганы песней; вскоре поезд, тронувшись с места, стал медленно набирать ход. Наш состав с военнопленными доехал до Больбека, расположенного неподалеку от Гавра. На перроне нас уже дожидались французские солдаты голлисты, среди них было много чернокожих. Они очень грубо обращались с нами. Длинная колонна военнопленных тотчас двинулась в путь под усиленным конвоем солдат-марокканцев. Дорога вела в гору, и нас все время подгоняли. Силы мало-помалу иссякали, но конвоиры жестоко били прикладами тех, кто больше не мог идти быстро. Меня тоже весьма болезненно ткнули прикладом винтовки в спину. Повезло тем, кто шел в середине колонны, до них было просто не дотянуться. Причем наиболее жестоко обходились с теми из нас, кто постарше. Передо мной под ударами приклада марокканца свалился седовласый полковник. Оглянувшись, я увидел лежащих на земле избитых до полусмерти товарищей. На дороге стояли штатские, и, надо сказать, здорово бранили охранников за их жестокость в отношении беззащитных пленных. Пройдя километра два, мы оказались в лагере военнопленных Больбек, с колючей проволокой и наблюдательной вышкой. Охранники были все те же — голлисты. Лагерь этот пользовался дурной славой,

тамошние условия были отвратительными. Спать приходилось в палатках на сырой земле или сидя на корточках, какой тут сон! На человека выдавали ежедневно только по две отваренные «в мундире» картофелины, и воду. На несколько тысяч военнопленных в лагере имелось единственное отхожее место под открытым небом, представлявшее собой глубокую яму, поверх нее деревянную балку для сидения.

Однажды мне приказали вычистить отхожее место, каждый пленный зачерпывал емкостью порцию зловонной массы, после чего нес ее к цистерне на грузовике, потом, вскарабкавшись наверх по железной лестнице, опрокидывал содержимое в цистерну. После этой «работы» я перемазался в экскрементах, и от меня несло так, что рядом стоять было нельзя. Разумеется, сменить одежду было негде. Эту работу мы прозвали «выкачкой меда».

Чувство голода день ото дня усиливалось, мы смутно подозревали, что нас просто хотят заморить голодом. Время от времени выдавали консервную банку, наполненную водянистым супом. Для промывки консервных банок были выставлены две большие бочки из-под бензина, доверху наполненные водой. На одной из бочек укрепили временный щит с надписью: «только для больных туберкулезом».

У некоторых пленных имелись безопасные бритвы, которые одалживались всем желающим побриться.

После такой процедуры на нас какое-то время можно было смотреть. В отдельной «клетке» рядом с нами, как утверждалось, помещались солдаты частей СС, этих несчастных нам было искренне жаль из-за издевательств, которым они подвергались. Их раздевали догола и заставляли взбираться по проволочному ограждению, а потом спускаться вниз. И так по несколько раз. Наверняка многие из них погибли.

Нечеловеческие условия в лагере Больбек молниеносно улучшились с прибытием туда комиссии Красного Креста Швейцарии, потребовавшей незамедлительно принять меры по созданию хотя бы сносных условий пребывания. И, надо сказать, прибыла эта комиссия как раз вовремя, потому что мы уже были на грани истощения. Питание улучшилось, стали выдавать даже белый хлеб, да и суп стал погуще. Нам выдали и специальные опрыскиватели со средством против вшей.

Между тем уже несколько недель спустя война закончилась, и нас на грузовом транспорте доставили в портовый город Гавр на Атлантическом побережье, а именно в портовый лагерь 4-й армии США. И этот лагерь был обнесен колючей проволокой и оборудован наблюдательными вышками. Здесь было все же

чуточку получше, по крайней мере, давали вдоволь еды. Выдали и свежее нижнее белье, и чистую американскую форменную одежду с надписью на спине PW («prisoner of war» — «военнопленный»). Здесь имелись даже бритвы и умывальные принадлежности (о чудо!), и полотенца. Как и вполне приличные душевые и туалеты. Настоящую русскую баню соорудили те, кому пришлось побывать в России. Все необходимые материалы были им выделены. В армейских палатках стояли деревянные койки с набитыми соломой мешками, это был портовый трудовой лагерь, и здесь с нами обращались более-менее по-человечески.

На работу мы отправлялись ежедневно группой, нас под конвоем вели в порт, иногда с песнями, горланили при этом все, что взбредет в голову, включая и «Победим Францию». Французам это было не по нраву, и петь нам запретили. По вечерам после возвращения в лагерь нас всегда обыскивали охранники, но, несмотря на это, иногда удавалось проносить всевозможные вкусности, поскольку мы переоборудовали наши жестяные миски, снабдив их двойным дном.

Я чаще всего попадал на погрузочно-разгрузочные работы. Мы разгружали с прибывших судов лес, который потом укладывали в штабеля. Мешки с цементом грузились на грузовые машины. Тяжелой работой считался ремонт шин, огромные покрышки автомобилей- амфибий очень сложно было снимать с ободов. Позже я получил неплохую работу по снабжению лагеря, мы называли этот вид деятельности «торговый дом Якоба», потому что там имелось все, в чем мог нуждаться солдат-ополченец. Главным образом мы занимались погрузкой продовольствия на грузовики, доставлявшие его в дислоцированные внутри страны воинские части, а также разгружали прибывшие морским путем партии продовольствия, складывали его в штабели, как полагалось. Пользуясь бесконтрольностью со стороны охраны, мы кое-что утаскивали. В лагере мы соорудили даже свой собственный продсклад. Ананасы и сосиски уплетались вперемежку. Там можно было найти все, что угодно — шоколад, жевательную резинку, сигареты целыми блоками — словом, все, чего мы были лишены на протяжении многих лет. От такого количества вкусных вещей мы пребывали в состоянии эйфории.

Карандаш и бумага — именно они давали мне возможность сохранить в памяти очень многое для грядущих поколений. Так выглядел портовый лагерь военнопленных в Гавре. 1945 год

Однажды нашу группу поймали с поличным. В качестве наказания за это нас отправили на малоприятную работу. На грузовых автомобилях-амфибиях мы выезжали из порта к вставшим на якорь огромным транспортным судам (кораблям «Либерти[20]»). Приходилось в сильную качку карабкаться по веревочной лестнице на борт корабля. Там матросы вручали нам кисти, емкости с краской и лампу-переноску с кабелем. Наша задача была такова: очистить поверхность от ржавчины и окрасить трубопроводы. Иногда приходилось орудовать кистью, лежа на спине. Перепачканных в масле, нас по вечерам забирали с работы. Члены команды корабля относились к нам дружелюбно и даже иногда угощали нас чаем с бутербродами.

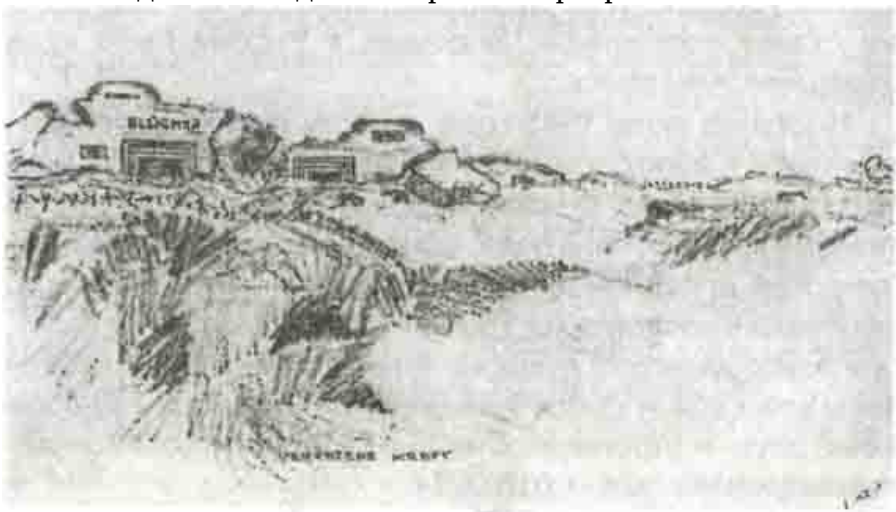
Городской вид. Гавр. 1945 год

Хорошо помню еще один вид работы. В порту стояло транспортное судно, с прибывшими на нем чернокожими женщинами, которые пожелали навестить своих солдат-мужей во Франции. Представьте себе: с корабельного трапа сходит целая толпа громко болтающих на своем языке негритянок. Ничего подобного нам видеть не приходилось. Потом нам поручили убрать каюты этих путешественниц, а заодно и корабль. Работы было невпроворот, и однажды я ощутил особенный, неприятный для меня запах. Надо сказать, мне потребовалось собрать в кулак всю свою выдержку, чтобы справиться с этой уборкой. Я от души надеялся, что она для меня не станет постоянной. Впрочем, в России было куда страшнее, чем здесь.

Наступил июнь 1945 года, и часть лагеря перебазировалась к аэродрому Гавра. Лагерь назывался «Camp Wing's». Это был старый крестьянский дом с сараем прямо у края летного поля, обнесенный колючей металлической проволокой. В первый раз я попал в лагерь, рассчитанный всего на 150 человек. Коек еще не было, и все, кто держал в руках молоток, должны были сколотить для себя и своих товарищей временное подобие коек, двух- и (преимущественно) трехэтажных. Мой лагерный номер был «1 016 997».

По распоряжению американцев лагерем руководили немцы, и во главе нашего был поставлен бывший оберлейтенант Арндт из Кёльна, архитектор по профессии. Было установлено кухонное оборудование, а также оборудованы душевые и комнаты для

умывания. Все строительные материалы были подготовлены заранее. Ежедневно к концу работы или дежурства все пленные выстраивались на летнем поле в каре рядом с американскими солдатами для торжественного спуска флага. В то время как американцы, жующие резинку, стояли в строю «вольно», мы вытягивались в струнку по старой прусской традиции. Спустя несколько дней комендант лагеря это мероприятие отменил.



Вид на побережье. Гавр. 1945 год

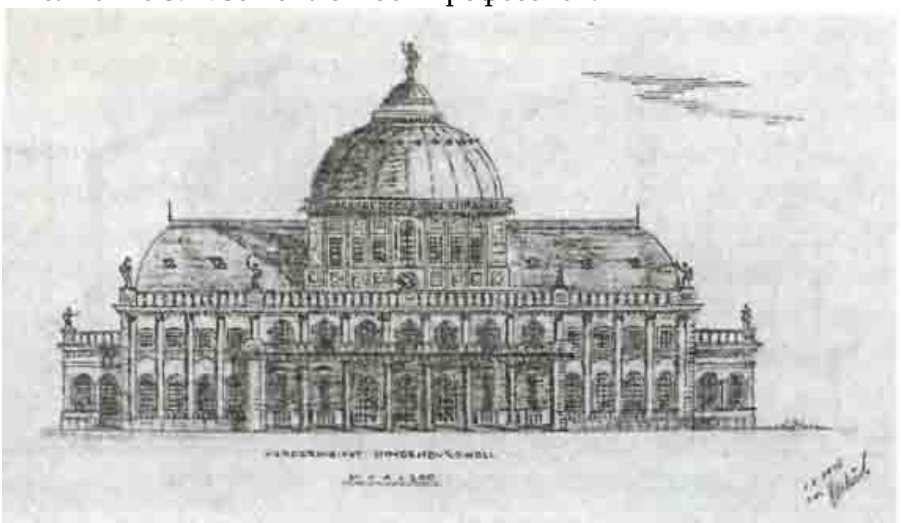
Рабочая атмосфера в лагере «Camp Wing's» была существенно привлекательнее, чем в портовом. Виды работ здесь присутствовали самые различные: мы трудились и на кухне, выполняли строительно-отделочные работы в лагере, грузили на побережье гравий, доставляемый на машинах, обслуживали взлетно-посадочную полосу, заправляли горючим небольшие самолеты. Еда была хорошая, и ее хватало, а уж немецкий кухонный персонал, тот и вовсе обжирался. К завтраку выставлялись: большой чан с вареными яйцами, другой — с вкуснейшим молочным супом, сколько угодно белого хлеба, сыра и так далее. И сколько угодно кофе со сгущенным молоком. А мы задумывались о доме: ведь там до сих пор хлеб по карточкам и нормы выдачи мизерные!

Интересно было наблюдать за взлетавшими и приземлявшимися самолетами, Однажды днем приземлился и вертолет конструкции «Юнкере», вместительная машина с двумя винтами, потом его отправили в Англию в качестве трофея. Можно было видеть почти все самолеты американской военной авиации: большой четырехмоторный бомбардировщик Б-17 «Летающая крепость», и «Тайфуны», и истребители-перехватчики «Лайтнинг». «Лайтнинги» представляли собой машины с двойным фюзеляжем. Прилетали и знаменитые DC-9, транспортные самолеты. Частным образом американские военнослужащие могли нанять себе и небольшие самолеты, например «Пайпер» или «Сессна», которых здесь было в достатке. Нас поражала здешняя свобода нравов — например, когда офицеры стояли в очереди вместе с простыми солдатами при раздаче пищи.

Как-то понадобился художник, я вызвался и получил занятную работу: рисовать плакаты для солдатского кинотеатра. Раз в два дня нужно было подготовить плакат к очередному фильму. Потом мне поручили изготовить эскиз для центральной площади «Camp Wing's», где должна была расположиться лагерная церковь. Церковное здание предполагалось снабдить башенкой. Из строительных материалов в распоряжении имелись только доски и темно-зеленые полотнища брезента. Несколько эскизов у меня сохранилось — мне позволили взять их с собой. Я был безмерно счастлив получить работу по специальности. Деревянные конструкции разрабатывал сам комендант лагеря Арндт, по профессии архитектор.

Потом последовало поручение оформить апартаменты для офицера американской армии в городском квартале Гавра, где располагались виллы на Рю де ля Марэн. Это была красивая и довольно большая вилла с зимним садом и маленьким парком. Я, по сути, работал в статусе свободного человека, на джипе

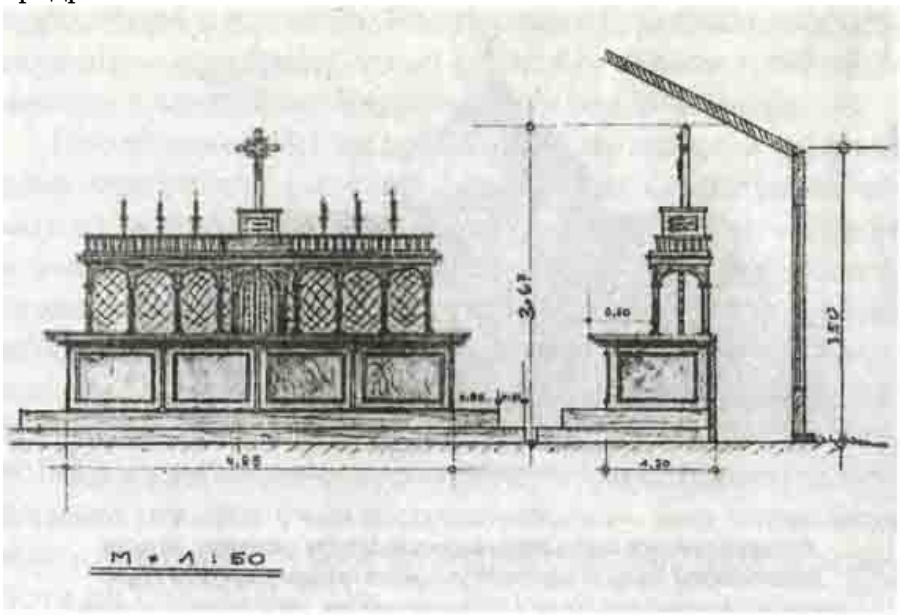
отправлялся в город, и так каждый день в течение трех недель. Пресловутая надпись на спине была еле заметной. Я изготовил эскиз небольшого танцевального зала и бара. На вилле уже жили молодые симпатичные француженки, которые пригласили меня обедать за общим столом. Потом мне показали спальню на первом этаже с типичной стеной и расписным потолком. Осмотрев все, я должен был приспособить свои идеи к довольно примитивным вкусам представителей командования американских оккупационных войск, как-никак именно выполнение заказов было моей профессией.



В плену я научился использовать буквально все для рисования: на куске металлической ленты от картонной упаковки я гвоздем выцарапал проект здания дюссельдорфской оперы в стиле классицизма, пострадавшего во время войны. 1945 год

В культурном отношении в лагере для военнопленных царила полная свобода, здесь среди пленных находился и известный художник-портретист, чье имя я, к сожалению, забыл. Он получил в свое распоряжение целую палатку и вообще все необходимое для работы. Среди американских офицеров стало чуть ли не традицией заказать у художника свой портрет перед возвращением домой. Однажды взглянув на работы этого художника, я убедился, что он настоящий живописец. Был среди нас и руководитель оркестра Штутгартского радио Хайнц Адриан, так что не составило труда организовать и оркестр. Музыканты нашлись быстро, что отсутствовало, так это инструменты. Специально выделенные группы рабочих в порту мало-помалу

наворовали все необходимые для джаз-банда инструменты. Так, например, саксофон доставили в лагерь в разобранном виде в большом бидоне для молока прямо через ворота. До сих пор не могу понять, как сюда ухитрились приволочь ударную установку. Позже комендант лагеря пожертвовал старый рояль. И когда Хайнц Адриан в первый раз заиграл, слушать его сбежался весь аэродром.



Лагерная церковь в «Camp Wing's». Американцы предоставили все необходимое для строительных работ — инструмент, пиломатериалы, брезент. Так выглядел исполненный мною проект алтарной части

Разумеется, возникла необходимость соорудить шатер для театральных постановок. Щедрые американцы с этим согласились. С несколькими дельными ремесленниками в портовый лагерь отрядили грузовик. Там нашлось все необходимое для сооружения шатра: деревянный брус, доски, гвозди и болты, а также брезент. По эскизу нашего коменданта лагеря обер-лейтенанта и бывшего архитектора Арндта была разработана деревянная дощатая конструкция. И вот однажды в погожий летний день перед лагерем в высокой траве приступили к изготовлению всех элементов конструкции. А потом наступил день монтажа. Обер-лейтенант Арндт, уже в роли старшего прораба, бросил на эти работы много народу. Тот, кто не боялся высоты, монтировал широкие стропила, причем без помощи

крана, а это было весьма непросто. Натянутые на доски и приколоченные к ним гвоздями полотнища брезента должны были выдержать даже бурю, так как лагерь располагался непосредственно на крутом берегу Атлантического океана. Весь театральный шатер был рассчитан на 150 человек, и его установили всего за неделю. Американцы сильно удивились чуду, сотворенному немцами из простых досок, гвоздей с помощью пил и молотков. Один американский офицер выразил нам похвалу, с явной подковыркой добавив, что, на всякий случай, нам и спичек доверять не стоит — мол, возьмете, да и чего доброго соорудите из них атомную бомбу.

Редко заключенному лагеря для военнопленных выпадает подобное: я выполнял эскизы внутренней отделки виллы в Гавре на Рю де ля Марен, 6 с небольшим танцзалом и баром

Первые концерты в новом театральном помещении сочетались с небольшими выступлениями в духе скетчей, инсценировкой которых ведал Шорх Майер, режиссер киностудии UFA. Шорх Майер взял меня в театральную группу, и для меня началась совершенно новая жизнь: работа над сценической речью, жестикуляцией и т. д. Я подумал, что для моей будущей

профессии архитектора-ландшафтника некоторые навыки актерского мастерства отнюдь не повредят, и с радостью согласился. С оркестром Хайнца Адриана и театральной труппой мы выступали с концертами повсюду, где были расквартированы части американской армии в Гавре. Перед этим реквизит погружался на машины, и мы отправлялись в путь. Мы, работники театра, выступали в паузах между исполнением музыкальных произведений с небольшими юмористическими сценками, срывая бурные аплодисменты. Я впервые испытал странное чувство стоять на сцене и видеть, как тебе восторженно рукоплещут зрители.

Наступила осень 1945 года, и я до сих пор не получил ни одной весточки из дома. И вот 15 января 1946 года мне пришла первая «почтовая открытка для военнопленного» от моих родителей, целых два месяца добиралась она до меня. Выяснилось, что родители получили мое известие, переданное через их ганноверских знакомых, и меня это очень обрадовало. Постепенно жизнь в лагере для военнопленных замирала, ВВС США постепенно покидали аэродром, и поползли слухи о скором освобождении из плена. 2 марта 1946 года лагерь был распущен. Со всеми вещами, с упакованными в вещмешок сигаретами, мылом и всем остальным нас отпустили на свободу. Мы по железной дороге проехали северную Францию, добрались до британской оккупационной зоны в Вееце на нижнем Рейне. На этот раз нас везли уже не в открытых вагонах для перевозки угля, а на пассажирском поезде. Возвращаясь домой, я размышлял о том, что мне выпало пережить в плену. Мне хотелось забыть все случившееся со мной в начале и ходе минувшей войны, вычеркнуть из памяти травмирующие события. И, надо сказать, последующие месяцы стали для меня не только очень насыщенными, но и поучительными, в значительной мере они приблизили меня к моей нынешней профессии. Каким-то образом месяцы, проведенные в плену, прибавили мне зрелости, в России все произошло бы по-другому, при условии, если бы там я вообще выжил.

В Вееце ответственность за эшелон с военнопленными взяла на себя британская армия, и нас отправили в тамошний военный лагерь. Нам не светило ничего хорошего, когда мы построились в три ряда и поставили перед собой вещевые мешки. Начался интенсивный досмотр нашего багажа британскими солдатами под присмотром офицера, перед которым мы должны были стоять навытяжку, однако это требование мы с каменными лицами единодушно проигнорировали. В конце концов в Гавре нам были выданы документы об освобождении из плена, и мы были

свободными людьми. Англичане отобрали у нас практически все, в первую очередь, сигареты, табак и мыло. «Бедняжки англичане» сумели урвать для себя у бывших пленных «трофейных» сигарет и прочих полезных вещей. Насколько мерзко, грязно это выглядело.

Но и эта последняя досада миновала. На армейских грузовиках бывшие военнопленные разъехались по родным городам. 11 марта 1946 года я выбрался из английского военного грузовика у главного вокзала Дюссельдорфа и таким образом спустя полтора года ступил на родную землю, почувствовав себя наконец на самом деле свободным человеком. На трамвае я доехал по превращенным в руины улицам мимо сгоревших домов в район Графенберг. Меня переполняло чувство радости от встречи с родителями. Лишения последних месяцев войны превратили мать в худенькую, суетливую и запуганную женщину. Она, всхлипывая, без конца повторяла: «Я тебя дождалась, дождалась». Мой отец был глубоко тронут и переполненный счастьем подал мне свою искалеченную правую руку. Отец сумел оправиться от полученных во время бомбардировки Дюссельдорфа в ноябре 1944 года ранений, но локоть и запястье правой руки до сих пор не сгибались. От моего брата все еще не было никаких известий, позже Красный Крест сообщит нам, что он пропал без вести в Чехии. Моя мать на протяжении всей жизни так и не могла смириться с этой потерей.

Несмотря на прошедшие нелегкие годы, несмотря на страшную нужду, в нас пробудилось чувство радости, интереса к жизни, и мы вместе с отцом усердно взялись за возрождение нашей прежней фирмы садово-паркового оформления.

notes

Примечания

1

Ныне г. Оломоуц (Чехия). Здесь и далее — примечания переводчика.

2

Ныне г. Брно (Чехия).

3

Так у автора.

4

Так немцы называли «катюши».

5

Так у автора.

Ныне Львов (Украина).

7

Последний четверг перед Пасхой.

Ныне Тверская.

9

Так у автора (приведенная им структура появилась позднее).

10

Так у автора.

11

Здесь автор, несомненно, ошибается. Речь идет, скорее всего, о волчанке.

12

Ныне г. Советск Калининградской области РФ.

13

Пятидневная лихорадка (Febris quintana) — заболевание, впервые наблюдавшееся в Волынской губернии в Первую мировую войну.

Ныне г. Гижицко (Польша).

15

Город в земле Северный Рейн-Вестфалия.

16

Неточность автора — в то время автомат Калашникова еще не поступил на вооружение в Красную Армию.

Ныне г. Всхува (Польша).

18

Ныне г. Болеславец на р. Бобер.

Ныне г. Вроцлав (Польша).

20

Транспортные суда водоизмещением до 10 ООО тонн, используемые в годы Второй мировой войны для снабжения американских оккупационных войск в Европе.